

КРИСТИНА РИХТЕР
(GILBERT RICHTER)

САД
НЕРАСКРЫВШИХСЯ
ЦВЕТОВ

Annotation

Нил Уэбб, обыкновенный школьник, лелеющий мечту о призвании писателя, вынужден сменить школу из-за семейных обстоятельств. В первый день учебы он не находит общего языка со своими одноклассниками, защитив объект местной травли. Но неприятности на этом не заканчиваются — глупое обстоятельство сводит Нила с Арленом Дарси, нелюдимым, но популярным среди девушек старшеклассником. Странная неприязнь между абсолютно полярными юношами перерождается в еще более странную дружбу.

В своем несчастье одному я рад,
Что ты — мой грех и ты — мой вечный ад.

141 сонет, Шекспир

31 августа, 2011

Раньше мне нравилась школа. Особенно начальная, где все получалось, и предметы были вполне понятными. Казалось занятным собирать гербарии, читать книги Диккенса в адаптации для детей и складывать цифры с помощью разноцветных палочек. Но, начиная со средней школы, что-то пошло не так, и, как я ни старался, быть лучшим учеником не получалось. Сперва это немного расстраивало меня, но теперь, будучи шестнадцатилетним мальчишкой, я могу с уверенностью заявить, что даже рад подобному раскладу. Да, может быть, математика не всегда удается мне, законы физики не запоминаются, фигуры, даже с помощью линейки, выходят кривыми, а химические опыты зачастую приводят к провалу. Зато я единственный во всем своем классе, а то и в школе, мог прочесть наизусть целый сборник Бёрнса и написать огромное эссе о скитаниях байроновского Чайльд-Гарольда. Литература всегда казалась мне целой вселенной, и после того, как я проникся различными мирами и познакомился с абсолютно потрясающими персонажами, ко мне пришло осознание того, что теперь я сам должен стать творцом. Хоть пока я не мог предположить, о чем будет моя книга, мне хватало даже мысли о том, что она просто будет.

Мое имя Нил. Нил Джонатан Уэбб. В этом году мне исполнилось шестнадцать, и после летних экзаменов я получил сертификат о среднем образовании в школе моего родного города Рочестер. Но останавливаться на достигнутом мне не хотелось — всей душой я страстно желал узнавать новое, листать пыльные книги и слушать лекции о таких замечательных людях, как писатели. Именно поэтому я давно и окончательно принял решение о поступлении в университет, хотя от мечты, например, об Оксфорде меня отделили целых два года шестого класса. Это и было причиной того, что в конце августа, водрузившись двумя большими чемоданами, я покинул родной город, отправившись на север Англии.

Мои родители развелись, едва мне исполнилось пятнадцать. Это был самый неожиданный и неприятный подарок, какой мне когда-либо дарили на день рождения. По словам отца, они с мамой никогда не понимали друг друга, хотя все шаблонные фразы давно стали казаться мне ничем иным, как оправданием собственной слабости перед ребенком. Но я никогда не питал к кому-то романтических чувств, поэтому не имел возможности понять, насколько глубока пропасть между разлюбившими. Их противостояние, длившееся уже целый год, не давало мне покоя — я всегда чувствовал себя виноватым, стоило лишь матери запереться в ванной и включить воду, чтобы никто из домашних не слышал ее рыданий. Отец уезжал, вновь зачем-то возвращался, словно бумеранг, и не давал покоя самому себе. Но я не мог его ненавидеть, даже за все плохое, что он делал. Причиной их раздора был я: отец страстно желал увезти единственного ребенка, вопреки желанию бывшей жены, в Нортгемптон, куда планировал переехать в ближайшие полгода. Я не знал, как помирить своих родителей, да и получилось бы? Поэтому, полистав сайты школ с включенным проживанием, я облюбовал одну такую в графстве Дарем. На удивление, оба родителя восприняли новость с одобрением, и, как мне показалось, даже с неким облегчением.

— Внимание, подъезжаем к Дарлингтону, — весьма формально, но с мягкой улыбкой на губах, объявила высокая сухопарая женщина, стремительно прошедшая мимо меня.

«Уже?» — мелькнуло в тяжелой от дневного сна голове, и я разлепил веки, закрыв лицо ладонями от яркого солнца. За окном проносились пейзажи зеленых лугов, которые, сливаясь от невообразимой скорости современного экспресса в одну линию, напоминали огромную ползущую змею. Наконец-то я высвободился из цепкой хватки дремоты и моментально извлек из кармана потрепанный кошелек, после чего с облегчением обнаружил, что не забыл билеты до Хартпула. А это вполне могло со мною случиться. В городе я должен был пересесть на другой поезд, который отвез бы меня практически напрямиком к моему новому дому...

Буквально через час, покинув купе поезда на станции Хартпула, я, абсолютно уставший и обессиленный своей ношей, достиг ворот, около которых образовалась целая автостоянка. Родители учеников, провожавшие тех на учебу, крепко сжимали в объятиях своих чад, а то и вовсе утирали слезы, не желая расставаться с ними ни на миг. На секунду меня даже кольнула зависть: казалось, что я единственный, кто приехал сюда в одиночестве. Даже старшеклассники, статные, гордые, прощались со своими родителями. Пусть не так сумбурно, как ученики средней школы, зато с любовью и уважением. А я стоял один, покрасневшей от тяжести рукой сжимая ручку багажа. Но тут же спохватился, достав из кошелька пластиковую карточку и подкатив свой чемодан к охраннику, сидевшему в небольшой будке возле ворот. Нахохлившийся человек в фуражке, вроде тех, что носят копы в Америке, напомнил мне старого бассет-хаунда. Немного замявшись, я протянул тому свой электронный пропуск, начав переминыться с ноги на ногу от ожидания.

— Нил Джонатан Уэбб. Двести пятьдесят три, класс шесть-один, — утомленно произнес человек, вернув мне карточку.

— Спасибо, — учтиво произнес я, но мужчина уже глядел за мою спину, где в очередь успели выстроиться, по меньшей мере, пять ребят. Неловко споткнувшись, я перевалился через турникет вместе с поклажей и покатил свои чемоданы по ровным дорожкам аллеи, которая вела напрямиком в огромный двор, укрытый ровной травой.

Здание школы «Хартвуд» представляло собой двухэтажный, буквально монолитный особняк в георгианском стиле, хотя эклектика здесь была ощутима, как нигде: чего стоила лишь пара кариатид, подпирающих арку навеса над центральным входом, или длинная невысокая аркада, тянущаяся вдоль летней террасы, увитой виноградом. Сама школа находилась в сельской местности, недалеко от маленького городка Хартпул, что обещало мне безопасность и спокойную атмосферу, в которой я обычно нуждался так, как человек в пище. На территории, достигавшей почти полутора гектаров, вполне умещались здания двух общежитий, большого спортивного зала, самой школы и уютных террас, издавек казавшихся абсолютно зелеными от проныры плюща. Главной гордостью и отличием от учебных заведений конкурентов являлся огромный сад, по своим размерам больше напоминающий парк. В общем, внешний облик школы «Хартвуд» вполне оправдал мои ожидания, оказавшись куда внушительнее, чем на фотографиях. Еще это место привлекло меня не слишком высокими ценами и довольно большим процентом качества образования — подыскивая школу, я был дотошен в мелочах, обращая внимание даже на количество душевых на этаже.

— Молодой человек, — на мое плечо опустилась чья-то теплая рука. — Вы не потерялись?

Я обернулся, перед собой увидев приятной внешности девушку лет двадцати пяти, чей бейдж тут же сообщил мне о том, что она курирует прибывающих учеников. Ее губы растянулись в полуулыбке, а ладонь деликатно сползла с моего плеча.

— Я могу Вам помочь, — продолжила она, изучая меня взглядом.

— Не совсем, — я помотал головой, суетливо оглядевшись вокруг и в очередной раз поймав себя на мысли, что вновь провалился в себя, задумавшись о чем-то незначимом.

— Мое имя Урсула. Я работаю в библиотеке, но сейчас помогаю тем, кто не может ориентироваться по прибытии. Немудрено — какая толпа, — вела пространственные суждения девушка, в то время, как я смог получше ее разглядеть: она была полноватой, не очень высокой и белокурой, как моя мать. Глаза — большие и искренние — внушали доверие, а улыбка на губах не казалась фальшивой. Урсула была моим первым приятным открытием в школе.

— Я Нил. Из класса шесть-один.

— Так ты уже старшеклассник? — девушка вскинула светлые брови в явном удивлении.

— Ну да, — с некой обидой сорвалось с моих губ. Сказать честно, выглядел я действительно не совсем взрослым: невысокий рост, светло-каштановые волосы, покрывавшие голову, словно шапка, короткая ровная челка и моя манера заправлять рубашки в брюки все еще выдавали во мне ученика средней школы. Но я никогда особенно не уделял внимание своей внешности, считая это даже чем-то зазорным. Куда больше я работал над своей душой, стремясь к единственной цели.

— Давай я провожу тебя, — учтиво предложила куратор, кивнув головой в сторону толпы. Я неуверенно кивнул в ответ, беспомощно взглянув на столпотворение, от которого, казалось, кружится голова.

— Добрый день...

Я учтиво постучался в комнату, номер который мне выдали на входе, и медленно приоткрыл дверь, чтобы не напугать кого-то или не застать врасплох. Но ответом было молчание. Тогда я, все с той же робостью и учтивостью, нырнул в помещение, перетащив через порог два своих чемодана. Комната, в которой мне предстояло провести ближайшие два года, показалась весьма уютной: пастельные тона интерьера, чистый белый потолок, плотные шторы и новая мебель. Судя по количеству кроватей, здесь должны жить двое, но стол был один, что мелькнуло во мне искрой недовольства. Затем мои глаза скользнули к одному из высоких узких шкафов, который, как оказалось, был целиком набит скомканной одеждой, которая буквально вываливалась с полочек на пол, повиснув на рукавах, словно гиббоны на деревьях. Я никогда не был болезненно аккуратен, но подобная картина немного смутила меня своей неопрятностью. Едва я успел расстегнуть свой чемодан, чтобы освободить тот от вещей, как дверь за моей спиной раскрылась, несильно, но ощутимо ударив меня по плечу.

— О, черт, друг, извини! — моментально поморщился вошедший, сочувственно вобрав воздух сквозь зубы.

Я потер место ушиба, после чего обернулся, чтобы взглянуть на соседа по комнате. Им оказался юноша примерно одного возраста со мной — темноволосый и смуглый, подстриженный под машинку. Ростом он был довольно высок, и я приходился ему чуть выше плеча.

— Ничего, — произнес я, церемониально протянув руку. — Меня зовут Нил, и я, вроде

бы, буду жить здесь.

— Гаррет. Гаррет Манн, — парень с энтузиазмом пожал мою руку, и я тут же почувствовал сильную хватку спортсмена.

— Ты родственник Томаса Манна? — попытался шутить я, но остался непонятым:

— Какого Томаса? — переспросил Гаррет, комично почесав затылок.

— Забудь, — вздохнул я, рассеянно улыбнувшись. Юноша же пожал плечами, после чего подошел к своему шкафу и, руками затолкав упавшее на пол, налег на дверцы, чтобы те захлопнулись.

— Извини за беспорядок, друг, — произнес он. — Я только приехал. Кстати, откуда ты?

— Рочестер, — незамедлительно отозвался я, выкладывая на кровать кипы книг, с которыми пожалел расставаться.

— Что-то слышал.

— Родина Диккенса.

— Кого?

— Чарльза Диккенса, — я изумленно обернулся, и мои глаза стали, видимо, похожи на две круглые монеты. Манн рассмеялся, вальяжно рухнув на кровать.

— Расслабься, я шучу.

После его слов я облегченно выдохнул, лбом уткнувшись в шершавую поверхность одной из книг.

— А ты? Откуда ты? — настала моя очередь для встречного вопроса.

— Брайтон. Но не спрашивай, какого черта я тут делаю.

— Ладно, — я скромно пожал плечами, но Гаррет, видимо, все-таки ждал этого вопроса:

— Я с детства играю в футбол. А здесь, как известно, одна из лучших школьных футбольных команд Англии. Поэтому я тут с самого первого класса средней школы.

— Понятно, — вновь я сделал попытку разобрать вещи, но юноша не отставал от меня:

— А где ты учился до этого?

— В родном городе, в государственной школе.

— У-у-у... — протянул парень, будто я только что признался в чем-то порочном. Затем он встал с кровати и внимательно на меня взглянул.

— Что? — смутившись, спросил я, отведя глаза в сторону. Признаться, с детства я всегда был довольно робок, а тем более с людьми, которых встретил впервые.

— Ты точно старшеклассник?

— Точно, — вздохнув, ответил я. Отчего-то такой вопрос не показался удивительным.

— Зачем тогда ты заправляешь рубашку в брюки, как идиот?

Непосредственность Гаррета становилась все более пугающей.

— Мне удобно так.

— Понятно, — по-доброму усмехнувшись, пробормотал юноша. — Вероятнее всего, ты из класса шесть-один.

Я молча кивнул, оттягивая воротник. В комнате становилось душно: то ли от моего внутреннего напряжения, то ли от приближающегося августовского вечера.

— Я старше тебя на год. Шесть-два. В этом году итоговые.

— Не волнуешься? — проявил интерес я, отложив свои вещи в сторону и взглядом обратившись к собеседнику.

— Нет, — покачал головой тот, после чего закрыл свою голову кепкой с широким

козырьком. — Ладно, — вновь произнес Гаррет, двинувшись в сторону двери. — Пойду, повидаю своих. Удачи тут.

— Спасибо, — поблагодарил я, но парень уже не слышал моих слов, захлопнув дверь.

Теперь я остался один на один с собой и своими мыслями, отчего тут же полегчало. Я вытер испарину со лба и продолжил обживаться в комнате...Яндекс. ДиректВнешний аккумулятор по акции. powerbankmsk.ruЦелых 20000 mAh в запасе для любимого гаджета! Без предоплаты. Гарантия годВнешние аккумуляторы Xiaomi!Акцияmi.magaz1n.ruСтильный и компактный внешний аккумулятор выручит тебя! Заряди свой гаджет!

Примечания:

Па́уль То́мас Манн — немецкий писатель, эссеист.

— Просыпайся, друг, — моих ушей достигли едва уловимые слова, которые с каждой долей секунды становились все громче. — Завтрак проспичь.

— Завтрак? — сквозь сон задал вопрос я, но тут же ощутил резкий удар — в мою голову полетела подушка, после чего комнату наполнил залиvistый смех. Я неохотно открыл глаза, но затем зажмурил их от ослепившего света — окна выходили на восточную сторону, что позволяло солнечным лучам гостить в комнате с самого утра.

— Вообще-то я реально тебе говорю, — совсем рядом слышалось шуршание ткани. Гаррет одевался.

— Да?.. — сонно и хрипло произнес я, мыслями цепляясь за кадры своего волшебного сна. Что мне снилось? Звезды бесконечных галактик или золотые нарциссы Вордсворта?..

Наконец-то до меня дошло, что я не совсем дома, и лето закончилось еще вчера.

Я здесь, в «Хартвуде». За сотни миль от родного города. Я сладко зевнул, едва не вывихнув челюсть, нашел в себе силы окончательно разлепить веки, и спустя секунду моему взору предстал белоснежный потолок. Но подняться все равно пришлось...

— Завтрак через двадцать минут. Если опоздаешь — тебя не пустят, — юноша окинул взглядом темно-карих глаз циферблат настенных часов и оправил воротник белоснежной рубашки. В ответ я лишь тяжело вздохнул: за долгое время летних каникул я приучил себя вставать настолько поздно, что сегодняшние семь часов утра казались мне истинной пыткой.

Я никогда не спешил с выводами. Каждый новый человек был для меня закрытой книгой, а их я всегда читал неторопливо и с карандашом в руках. Но Гаррет сразу показался мне неплохим. Возможно, его внутренняя книга была тонкой, словно детская сказка, зато понять своего соседа по комнате было несложно. Да и порою в коротких сказках может быть больше смысла, чем в самом длинном романе. По крайней мере, я был искренне благодарен юноше за хорошее отношение и дружелюбную улыбку. Человеческое тепло всегда творило со мной странные вещи.

Признаться честно, за время моего существования я так и не обрел настоящих друзей. Нет, там, в Рочестере, были ребята, с которыми я делил место за столиком в школьной столовой, ходил в литературный клуб и изредка, словно прилипала, посещал концерты приезжих музыкантов. Но в тот момент, когда я собрался переводиться, ко мне пришло осознание того, что мне некому об этом сказать. «Ну и что? Переводись. Нам-то какое дело?» — сказали бы они, те безликие, как оказалось, люди. И я не сказал. Просто уехал, оставив за спиной свою массовку. Но тех людей, которых я давно любил всем сердцем, взял с собой — например, целую семью Буэндиа. Обитатели замка Броуди тоже поехали в «Хартвуд», как, впрочем, и герои книг Бронте, за которые так стыдила меня мама. Все они были рядом, огораживая меня от враждебного непонятного мира. Увидев на моем столе стопку привезенных книг, Манн удивился, зачем я тащил их из самого Рочестера, зная, что в здешней библиотеке они, скорее всего, найдутся не в одном экземпляре. Я ничего не ответил, но знал, что эти книги — мои. Они пахнут мной, помнят тепло моих пальцев, носят линии моего карандаша, знают, когда я люблю открывать их. В свои шестнадцать лет я понял, что всю свою жизнь доверял душу лишь печатным строкам, в которых зачастую видел жизни больше, чем в людях. Но по приезде сюда я мечтал изменить это и начать с того, что найти друзей. Впрочем, у меня почти получилось...

— Молодой человек, так вам нужен тост с шоколадом или нет?

— Что? — оттаял я, глазами вцепившись в уже немолодую женщину, работавшую за прилавком школьной столовой.

— Каждый второй спит на ходу, — сварливо пробубнила она, швырнув мне на тарелку два тоста, щедро покрытых шоколадной пастой.

— Извините, — я рассеянно огляделся в поисках стола своего класса. — И большое спасибо.

На завтрак я почти не опоздал. Но ключевым здесь было слово «почти». Едва я оказался в дверях, моему взгляду предстала кишачая масса изумрудного цвета, которая при этом издавала шум погромче взлетающего самолета. Именно так выглядела толпа учеников, оккупировавшая столовую во время завтрака, для моего воображения в паре с не слишком хорошим зрением. Все дети были одеты в белоснежные рубашки и пиджаки цвета бутылочного стекла с небольшой вышивкой герба школы, изображенного в виде лаврового венца. К слову, в такой же пиджак был облачен и я. После уютных толстовок и рубашек такая вещь казалась мне жутко неудобной, особенно скользкая подкладка, неприятная телу. Но порядок был порядком. Так или иначе, порог этой школы я переступил практически добровольно.

«Шесть-один. Место для шесть-один...» — словно зомбированный повторял я, подходя к каждому из столов и с прищуром вглядываясь в таблички над ними. Готов поспорить, кому-то из учеников я точно показался ненормальным, но добровольно надевать очки я отказывался — вместе с рубашкой, заправленной в брюки, они давали эффект нобелевского лауреата в области физики. «Может, здесь?» — обессиленно обратился к самому себе я, наконец, поняв, что мой кофе остывает. Как назло, Гаррета я тоже не видел, а ведь можно было спросить у него... Внезапно за спиной я услышал чей-то незнакомый голос:

— Не этот стол ищешь?

Машинально я обернулся, крепче сжав поднос в руках: передо мной сидело человек пятнадцать мальчишек и девчонок, одновременно поднявших глаза к моему лицу. В них не было никакой вражды, скорее, любопытство и легкая ирония, что заставило меня перевести дыхание и ответить:

— Наверное. Мой класс шесть-один.

— Значит, тебе точно сюда, — вновь заговорил один из учеников, скривив улыбку. Этот юноша не вникал особенного доверия, но сейчас это волновало меня меньше всего. Аккуратно я опустил поднос на гладь дубового стола и отодвинул стул так, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но это было бессмысленно — выжидающие взгляды всех, с кем я сейчас разделял трапезу, были направлены именно на меня. Сперва я не совсем понял, чего от меня хотят, но, вконец растерявшись, промямлил что-то вроде:

— Я... Нил. Нет, Нил Уэбб. Джонатан...

— Что он говорит? — едва слышно задала вопрос блондинка с высоким конским хвостом своей темноволосой соседке. Та пожала плечами и вновь обратила свои глаза ко мне.

— В общем, очень рад познакомиться. Со всеми... вами, — продолжал нести околесицу я, ощущая недоумение вокруг. Но тот парень, что окликнул меня минуту назад, опустил руку на мое плечо, громко объявив всем:

— Его имя Нил.

Затем ученик обратился непосредственно ко мне:

— Я не ошибся?

В ответ я сумел лишь покачать головой, вжавшись в спинку стула, словно загнанное животное. Никогда я не чувствовал себя настолько неловко, что хотелось провалиться сквозь землю. Неважно куда — в Геенну, Аид или Хельхейм. Уверен, даже там я чувствовал бы себя хоть на каплю спокойнее.

— Я Колин, — представился мой спаситель и вновь жутковато улыбнулся. Именно сейчас мне выпала возможность разглядеть юношу получше: его кожа была смугловата, поэтому редкая белизна ровных зубов моментально бросалась в глаза. Колин носил короткую стрижку, но заметить, что его волосы светлые, было совсем нетрудно. Парень не отличался идеальными чертами лица, но назвать его некрасивым я тоже не мог. Самое большое впечатление о нем создавали глаза — синие, темные, таящие какую-то угрозу.

В процессе завтрака я смог узнать довольно много о своих новых одноклассниках и даже немного расслабился, уже не ощущая себя настолько отчужденно. Как оказалось, со мною вместе учились еще двадцать два человека. Девчонок было чуть больше, чем представителей мужского пола, что даже немного радовало: так или иначе, в глубине души я все-таки лелеял мечту о том, что когда-то возьму за руку ту, которой отдам половину себя. Все мальчишки не особо отличались от тех, с кем я провел так много лет в Рочестере, — такие же шутки, те же любимые исполнители и фильмы, тот же пласт культуры. Единственное, что могло показаться мне немного чуждым — некий лоск, который присутствовал в каждом. Но я тут же вспоминал, что здесь учатся только те, кто может себе это позволить, и все вставало на свои места. Да и я, к счастью или сожалению, был одним из таких счастливичков.

— Это Денни, а это Этан, — вновь обратился ко мне юноша, заталкивая в рот тост со сливочным маслом. Его ладонь скользнула по направлению к двум юношам, расположившимся напротив. Те широко заулыбались, а девушка с конским хвостом, сидевшая рядом с ними, горделиво вздохнула, закончив трапезу и аккуратно утерев краешки рта салфеткой. Ненароком она поймала мой взгляд и слегка нахмурила темно-коричневые брови.

— Очень... приятно, — пробормотал я, делая глоток из своей чашки.

— А я Леона, — бросила в мою сторону блондинка, после чего встала из-за стола, захватив с собой пустую тарелку. Ее подруга моментально поспешила за ней, даже не допив свой чай. Быть честным, Леона показалась мне весьма привлекательной, хоть и заметить трудности ее характера можно было невооруженным глазом.

Завтрак заканчивался в восемь, и до занятий у меня был еще целый час, чтобы немного освоиться.

Мне нравилось все вокруг. Нравились просторные кабинеты, приятно пахнущие лакированным деревом, нравились начищенные полы, по которым так забавно скользили мои ботинки, нравилась атмосфера некой семейности, которой мне так не хватало дома. Нравились все — начиная от беседок в школьном дворе и заканчивая интеллигентными учителями. Школа «Хартвуд» оправдывала все ожидания моего восторженного юного сердца, заставляя жалеть о том, что я не бывал здесь до этого. Тут царила атмосфера той романтики, которую я искал все это время. И нашел. Впервые за долгое время, вдохнув аромат школьной жизни, о которой я не знал, мне вновь захотелось сочинять. Белый лист не

пугал меня своей пустотой. Напротив — манил. Так, как никогда не бывало до этого.

— Эй, Нил, лови!

Едва я успел обернуться, промеж моих глаз ударил комок свернутой бумаги.

— Какого черта? — я тут же прищурился, отыскав глазами обидчика. — Лови ты, Колин!

Юноша расхохотался, едва импровизированный снаряд ударил его практически в глаз. Я мягко улыбнулся в сторону нового друга и вновь обратился к учебнику истории Англии. Но не успел прочесть нескольких строк, как бумага полетела в мой затылок, а затем за спиною я услышал звонкий смех Денни и Этана. Эти юноши — высокие, худые, с волосами, словно графит, — близнецы, которых, впрочем, было несложно отличить друг от друга. Денни казался чуть выше Этана, а у его брата над губой была большая родинка.

— Эта тема стухла, — выкрикнул в сторону ребят блондин, после чего вновь обратился к друзьям. — Интересно, а где наша Лили? Неужели перевелась?

— Нет, — внезапно вмешалась Леона, сидевшая впереди меня. Девушка встряхнула волосами так, что те едва не ударили меня по лицу, заставив отстраниться. — Я видела ее с родителями вчера.

— На завтраке Лили не было, — с детским недовольством пробормотал Этан.

— Меня она не особенно волнует, — отчеканила блондинка, громко захлопнув книгу. Затем она достала из своего пенала карандаш и требовательно ткнула острием в спину своей подруги, сидящей впереди. — Ты не видела Арлена за завтраком?

— Нет, — покачала головой миловидная брюнетка с аккуратном каре и ровной, словно линейка, челкой. — Но моя соседка говорила, что куда он не делся.

— Это радует... — начала было Леона, но один из близнецов тут же язвительно перебил ее:

— Я видел твоего возлюбленного, Лео. Вчера в корпусе.

— Он не мой возлюбленный, — моментально завелась девушка, на что, видимо, ее одноклассник и рассчитывал. — И мы даже почти не знаем друг друга!

— Покраснела! Эй, смотри, Колин, твоя Леона вся красная, — загоготали близнецы, швыряя комок бумаги в блондинку. Та ловко перехватила его, словно заведомо знала траекторию полета, и кинула гневный взгляд на обидчиков, а затем на их друга.

— Кто такой Арлен?.. — едва слышно задал вопрос я, но остался без ответа. В кабинет зашла наша классная наставница — стройная женщина, выглядевшая, скорее всего, моложе своих лет, одним лишь своим взглядом заставившая всех замолкнуть. На вид ей было не больше сорока: стильная прическа, туфли на невысоких каблуках и костюм, идеально сидевший на ней, явно скидывали лет эдак пять. Интеллигентно улыбнувшись, она встала за кафедру, одним лишь жестом дав всем знак подняться и поприветствовать ее. В классе наступило такое молчание, что мои уши моментально уловили звон тишины. Но длилась она недолго.

— Простите...

Дверь скрипнула, и из-за нее показалась девушка, которая скромно нырнула в класс, не дождавшись разрешения. Все взгляды, включая и мой, моментально обратились к опоздавшей.

— Мисс Блейн... Что заставило вас прийти позже остальных? — наставница взглянула на ученицу поверх очков, отчего та заметно поежилась.

— Извините меня, — вновь неразборчиво и едва слышно произнесла девушка, скромно

потупив глаза. Ее волосы темно-медового цвета, заплетенные в тугой низкий хвост, тянулись, словно густая карамель, до самой поясицы. Лицо же не соответствовало распространенному мнению о женском идеале: моментально в глаза бросались широкие выступающие скулы, большой рот со спелыми, налившимися кровью, губами, широкие зубы и круглые глаза, подчеркнутые темными синяками, которые обрамляли нижние веки, словно мазутные пятна. Фигуру девушки было сложно разглядеть за бесформенным платьем, надетым под пиджак, который, казалось, немного тесноват ей в плечах и груди. Моя опоздавшая одноклассница напоминала скульптуру, которую мастер не успел высечь и отшлифовать до конца. Ее неуклюжие движения, судя по всему, вызывали у большинства только саркастическую улыбку.

— Садитесь, Лили, — вздохнула классная руководительница, указав той в сторону пустующего стола где-то в конце ряда. Блейн послушно кивнула и, прижимая свои вещи к груди так, словно боялась, что их отнимут, просеменила к своему месту.

— Кто это? — чуть двинувшись вперед, тихо задал я вопрос Леоне. Девушка тут же фыркнула с показной спесью и также тихо ответила:

— Лили Блейн. Стукачка.

— Стукачка? — неуверенно переспросил я, но Леона шикнула на меня, оставив без ответа.

— Обговорим ряд насущных проблем. И начнем с новеньких, — монотонно произнесла женщина за кафедрой, вцепившись в меня глазами. — Я мисс Элизабет Хейлс, и, думаю, понятно, кто я такая, и с какими проблемами ко мне стоит обращаться.

Я кивнул в ответ.

— Нил Джонатан Уэбб?

Я вновь кивнул в знак согласия. Женщина закрыла журнал, после чего обратилась к доске, чтобы записать на ней дату. В этот момент мой взгляд отчего-то метнулся к Лили, сидевшей в углу, словно отверженной даже самой собою. Девушка почти не поднимала взгляда на остальных, что-то старательно записывая в свою тетрадь.

Мне не оставалось ничего иного, как упереться глазами в тетрадный лист и тоже начать учиться... Яндекс. ДиректПалитры корректоров: 20 оттенковcolorstar.ruПрофессиональное качество. Легко наносятся и отлично держатся. Бесплатная доставка по РФПалетки 590pКисти MAC 290pБез предоплатыВнешний аккумулятор по акции. powerbankmsk.ruЦелых 20000 mAh в запасе для любимого гаджета! Без предоплаты. Гарантия год

Примечания:

Уильям Вордсворт — английский поэт-романтик, основной автор сборника «Лирические баллады», условно относимый к т. н. «озёрной школе».

Буэндия (исп. Buendia) — собирательный образ семейства Б. в шести поколениях, созданный колумбийским писателем Габриэлем Гарсиа Маркесом в романе «Сто лет одиночества».

Броуди — семья из одноименного романа А. Крониана.

— Эй, Лили!

Едва мисс Элизабет покинула класс вместе с некоторой частью учеников, скромная опоздавшая девушка стала заметно взволнованной. На скорую руку она переписала задание с белоснежной глянцевой доски и впопыхах начала собирать свои вещи. Было странно наблюдать за ней: такая неловкая, такая забавная, испуганная. «И чего она боится?» — мысленно усмехнулся я, скидывая тетради в сумку и копаясь в поисках смартфона, куда несколько дней назад записал расписание своих занятий по выбору.

— Лили, как дела? — за спиной раздался голос Колина, звучавший с долей некой издевки. Мои глаза скользнули от яркого экрана мобильного к глазам девушки, съезжившейся между рядами. На секунду даже показалось, что ей хочется бежать, но дрожь в коленях, которую трудно было не заметить, явно сковывала движения. Блейн вновь показалась мне статуей — незаконченной, неотесанной, ненужной, а люди вокруг нее — вандалами, желавшими разбить бесполезный кусок мрамора.

— Что происходит? — моя ладонь легла на плечо Леоны, и девушка обернулась, заправив выпавшую прядь за ухо.

— Колин ненавидит ее. Как и все.

— И ты ненавидишь? — машинально я поджал губы, в нерешительности отступив.

— Не знаю, — ответила блондинка, вновь устремив взгляд в сторону Лили. — Наверное, да.

— Но ведь... — начал было я, но не успел договорить — мой взгляд разрезал комок тетрадного листа, пролетевший мимо и ударившийся о щеку испуганной девушки. Блейн сжалась и сощурилась, после чего дернулась в попытке покинуть кабинет. Но не успела — один из близнецов перегородил ей дорогу, одарив мерзостной ухмылкой обыкновенного школьного садиста.

— Стукачки всегда страдают! — набрав в рот воздуха, провозгласил Колин. Юноша забрался на стул, сминая в руках очередной тетрадный лист. Остальные же, не теряя жестоких улыбок и загораясь странным беспощадным огнем, повторяли за ним — комкали тетрадные обрывки, один за другим запуская их в Лили. Все, кроме Леоны, которая, видимо, считала себя выше мелких издевательств, и меня, абсолютно несведущего о происходящем.

— Прекратите, пожалуйста... — едва слышно произнесла Блейн, машинально прикрыв ладонями лицо. Ее вещи со стуком рухнули на пол, и тут же кто-то из ребят без зазрения совести ступил на тетрадь девушки.

— Давай, Нил! — подмигнул мне Колин — зачинщик всего происходящего. Тут же ко мне в руки спикировал комок бумаги, который я сжал в растерянности. «Разве это правильно?» — мелькнуло в голове, но думать не было времени: на меня уже выжидающе смотрели два десятка глаз. В классе наступила небывалая тишина, режущая уши. И, возможно, я бы сделал то, чего от меня ждали эти люди, если бы случайно взглядом не соприкоснулся с Лили. Девушка подрагивала, жалась к стене, кусала обветренные розовые губы, втягивала воздух и пыталась закрыться ладонями. Тщетно. Кольцом вокруг нее и меня сомкнулись ученики, и мы словно оказались одни в комнате без дверей и окон — выхода не было: он был где-то внутри нас. Глаза Лили слезились, и от призмы соленых капель, как мне казалось на расстоянии трех шагов, они отливали цветом красной сирени.

— Швырни уже... — прошептал кто-то в толпе. Мой взгляд снова скользнул по фигуре девушки, а затем остановился на лице: уголки ее губ измученно кривились, а над нижними веками проступали слезы. В этот момент меня будто прожгло насквозь, и я почувствовал, как резь в глазах, в последние несколько секунд ставшая невыносимой, сменилась на влагу соленых капель.

— Нет, — покачал головой я, роняя бумажный комок на отполированный паркет пола и утирая слезу с уголка глаза. — Я не стану делать этого.

— Какого черта? — сквозь внезапно наступившую тишину заорал Колин, но, подумав, что его могут услышать за пределами кабинета, понизил тон. — Почему?

— Она не сделала мне ничего плохого, — ответил я, взглянув на Блейн. Та поджала губы от растерянности и глядела на меня так, будто увидела святого, сошедшего с небес.

— Сделает, — вновь попытался убедить меня одноклассник. — Она будет рассказывать учителям и куратору о каждом твоём шаге.

— Так, Лили? — я мягко обратился к девушке, чуть вопрошающе изогнув брови, а та в свою очередь отрицательно покачала головой. Уголки рта Колина моментально изломались в отвращении, а брови поползли к переносице.

— Чертов сукин сын! — вновь сорвался он, подарив мне взгляд, полный ненависти и презрения. В этот момент юноша замахнулся, и очередной комок бумаги полетел в меня. Нет, сейчас в этом жесте не было дружеской забавы — лишь алая злоба и черный гнев. Ударившись о мое плечо, с легким шуршанием скомканный лист приземлился на пол. Но это было лишь сигналом к наступлению — через долю секунды я почувствовал, как со всех сторон в меня и мою одноклассницу полетели бумажные снаряды. Осознав, что дело плохо, я ухватил Лили за руку и потянул ее прочь, все еще чувствуя, как что-то ударяется о спину. От стен кабинета отражались всевозможные угрозы и упреки моих одноклассников взамен на то, что я не поддаюсь их стихийности, не поднял руку на слабого. Возвращаться было поздно. Да и не хотелось — ладонь Блейн была мягкой и теплой.

Калитка сада хлопнула. Я взглянул на часы, отметив, что до следующего урока есть еще пятнадцать минут. Опаздывать на одно из первых занятий не хотелось, особенно с учетом, что это была литература. Запыхавшись от бега, вдвоем мы рухнули на новенькую лавочку из ароматного дерева, спрятанную в тени раскидистого клена. Вокруг все утопало в зелени и ярких красках: потрясающее разнообразие цветов разбавляла свежесть листьев и подстриженной травы. Тишина этого места, изредка нарушаемая лишь детскими криками со стороны здания школы, создавала ощущение защищенности. Это место будто было создано моим воображением — ничего подобного я никогда не видел в жизни, да и не желал. Как оказалось, Эдем был здесь — в одиноком саду школы «Хартвуд».

— Красиво, правда? — отдышавшись, произнесла Лили, скромно сложив руки на коленях. Машинально я кивнул в ответ, хоть и не совсем внял вопросу. Было заметно, что девушка явно пытается избежать разговора, но уйти от него было невозможно. Утерев пот со лба, я задал встречный вопрос:

— За что они так тебя?

— Я... не знаю, — с явной горечью произнесла собеседница, взглядом упираясь в землю.

— Лили, — вновь я обратился к однокласснице, пытаюсь разговорить ее, — ты не можешь не знать.

— Недоразумение.

— Недоразумение?

Она кивнула, подняв на меня взгляд. Наконец-то я смог разглядеть ее лицо лучше: оно носило какой-то скорбный вид. Теперь было заметно, что эти очерченные скулы — результат худобы, как и слегка впалые щеки вместе со светло-сливовыми синяками под нижними веками. Инстинктивно мне становилось жаль эту хрупкую и странную девушку, смотревшую на меня, как на героя, спасшего ее не от школьных хулиганов, а от кровожадных преследователей. В неловкости, она комкала худыми длинными пальцами край темно-зеленого пиджака, до крови кусая губы.

— Я учусь здесь по гранту, — начала она, — уже третий год. Мне удалось одержать победу на одном из конкурсов, отбирающих многообещающие проекты школьников. Так получилось, что мой оказался лучшим. И взамен на свои труды я получила это, — мягко вздохнув, Лили направила взгляд в даль сада.

— То есть они издеваются над тобой из-за... — начал было я, но Блейн перебила меня:

— Нет. По приезде я ладила со всеми, даже с Колином и близнецами, а Леона относилась ко мне доброжелательно, как и остальные девчонки-одноклассницы. Просто однажды произошло недоразумение, и по дурной ошибке я оказалась тем, кем оказалась.

— И что же произошло?

— Глупость, — беззлобно и едва заметно уголки губ девушки дрогнули, а глаза, как мне показалось, вновь заблестели от проступивших слез. Ей было сложно говорить о произошедшем: не столько чувствовался стыд, сколько горечь до дна испитой несправедливости. — Еще тогда, в средней школе, меня попросили передать шпаргалку Леоне прямо на контрольной, но по своей неаккуратности я допустила ошибку. Учитель заметил лист в моей руке и после занятий вызвал к себе в кабинет. Я пыталась сказать, что это была моя шпаргалка, но и без слов было ясно, кому она принадлежит...

— И все подумали, что ты заложила Леону и ее подругу, — подытожил я.

— Да, — кивнула в ответ Лили, печально выдохнув на последней букве. Казалось, она сделалась еще печальнее: и без того бледная кожа приобрела совсем мраморный оттенок, а глаза, еще недавно казавшиеся мне лиловыми, стали серо-голубыми, словно тяжелое пасмурное небо. Блейн вызывала у меня неумемное желание жалеть и защищать: настолько жалкой и слабой она чудилась. Но внутри нее, как оказалось, грифель был крепче моего:

— Знаешь, — продолжила она, — ты зря сделал это. Я привыкла, и мне практически все равно. Да, конечно, обидно. Больно. Но сейчас мое состояние несравнимо с тем, что тебе придется пережить...

Ее широкие скулы дрогнули, и девушка вновь нервно смяла край пиджака меж пальцев. Ее слова показались мне забавными, как и выражение лица в этот момент; я не был психологом, но этого было и не нужно, дабы понять, что Лили слишком драматизирует. Но теперь я был ответственен за нее.

— Ладно, — поднявшись со скамьи, произнес я, бросая взгляд на часы. До занятия оставались считанные минуты. — Мы еще увидимся, Лили.

— Да. Твое имя Нил? — кивнула она, заправляя за ухо прядь выбившихся волос. На лицо девушки скользнул солнечный луч, осветив ее неровную кожу, отчего я невольно отметил контраст с чистой и нежной кожей Леоны. Вновь жалость вцепилась мне в горло, и я ощутил тяжелый ком прямо под артериями.

— Нил Джонатан Уэбб, — ответил я и, словно герой книг, написанных в эпоху

романтизма, поспешно скрылся.

Школьные рекреации практически опустели к тому моменту, как я, запыхавшись от бега, скользнул в фойе. Дубовая дверь стукнула, и мягкой поступью мои ноги понесли меня на урок. Я поймал лишь пару недоуменных взглядов женщин, сидевших на месте престарелой консьержки — до занятия оставалось совсем немного. Достав мобильный, я выцепил информацию из своих записей — сто двадцать третий кабинет. Приблизительно я знал, где он находится — по приезде я внимательно изучил схему школьного здания — но понять, куда мне нужно попасть конкретно, не мог. Миновав холл и свернув за угол, я внимательно следил за нумерацией кабинетов: шестьдесят пятый, семьдесят третий, восьмидесятый... Внезапно тишину, наполнявшую здание, разбавили приглушенные голоса, и из кабинета напротив, хлопнув дверью, вышли четверо старшеклассников. Все они были одеты в форму школы: высокие, статные, горделивые. И особенно бросился мне в глаза один из них — он даже немного отличался от остальных. Юноша был сухопарым, вальяжным, и будто бы все разговоры одноклассников были скучны для него: он зевал, встряхивал графитно-черными волосами, слегка выющимися на концах, отводил взгляд и всячески занимал себя размышлениями, не принимая участия в беседе. Я учтиво пропустил компанию, но те тут же разделились — двое свернули направо, а остальные двинулись в сторону лестницы. Невольно мне пришлось пойти следом, потому что нужный мне кабинет располагался на втором этаже.

— Почему ты не сделал этого, Арлен? Клэрис просто шикарна: ее внешность, фигура... Чего тебе еще надо? — раздраженно задал вопрос старшеклассник своему темноволосому скучающему товарищу, толкнув того в плечо.

— Знаешь, приятнее было бы от тебя слышать обратное: почему я сделал это с такой замечательной девушкой, — холодно ответил брюнет, даже не взглянув в сторону своего одноклассника. Тот фыркнул в ответ и продолжил:

— Но я задаю тебе другой вопрос. Ответь.

— Она не нравится мне. С хорошей внешностью не сочетается пустая голова. И мне не хочется портить ее. Пусть достанется человеку, который полюбит такую.

— Ты что, в любовь вдруг поверил? — в голосе собеседника скользнула доля сарказма.

— Нет. Как и не верю в подлость.

Я осторожно, едва слышно, шел за ними в сторону ступеней — мне совсем не хотелось, чтобы меня заметили. Краем уха я улавливал суть разговора, но в общем не понимал, о чем они говорят.

— Ты придурок, Дарси. Больной придурок. Как насчет Виолы? Или других девчонок? — не отставал шатен, в этот раз начав теревить брюнета за рукав. — Если бы, черт возьми, по мне сохло столько классных школьниц, то я бы отымел их всех. Они даже следят за тобой!

— Поэтому они и не сохнут по тебе, Вацлав, — вновь парировал юноша, которого, судя по всему, звали Арленом.

— Это из-за моих польских корней. Ненавижу свое имя... — скривился другой парень, ступая на деревянную высокую лестницу.

— Что есть любовь? — издевательски усмехнулся Дарси, следуя за другом.

Внезапно я заметил, что пиджак юноши-брюнета испачкан мелом на самой спине: белые пятна странно смотрелись на темно-зеленой ткани. Собравшись с силами, я тихо и скромно произнес: «Извините». Но меня не услышали — старшеклассники вновь начали о

чем-то спорить, заглушив мой вопрос. Тогда, подобрившись поближе, я тактично коснулся плеча Арлена, о чем впоследствии сумел пожалеть:

— Пошла к черту, Клэрис! — огрызнулся он, внезапно оттолкнув меня, и, видимо, не рассчитав своих сил. Пошатнувшись, я ощутил, что падаю, спиной и головой собирая ступени.

Удар. Первобытная темнота. И испуганные голоса вокруг.

Наверное, я умер.

Яндекс. Директ Последний день бритва -51 %! Philips RT860. Оплата при получении и осмотре! Доставка по РФ. Успей купить! Заботитесь о здоровом питании? ru.iherb.com Масло SocoNut Oil на iHerb! Огромный выбор натуральных продуктов! Масло первого отжима Масло высокой очистки Кокосовая вода

Примечания:

В английском языке польское имя Vaclav созвучно с фразой "What's love" (Что такое любовь?).

«Эй, ты в порядке? Очнись уже...» — монотонно прозвучал знакомый голос где-то вдалеке. Я попытался пошевелиться, но тело, словно цепями, сковало странный паралич, превративший мои кости в мрамор. А вокруг, давя и пугая, повисла бездонная глухая тьма. В течение своей недолгой жизни я очень редко задумывался о смерти, но и такой ее никогда не представлял. Где тоннель, свет, ангелы и рай? Или, может, здесь ничего и никогда не было? «Вацлав, иди уже!» — вновь тот нетерпеливый голос, сопровождаемый ровным шумом. Уже ближе. Громче. Теплее. Моя кожа начала отогреваться, и через секунду я почувствовал нарастающую боль, заставившую веки затрепетать и отвориться.

— Ну вот, наконец-то... — облегченно вздохнул человек, сидевший возле меня. От ослепившего света я не сразу сумел разглядеть его лицо, но по голосу узнал практически моментально. Как мне теперь казалось, его нельзя спутать ни с кем иным. Начал я с вопроса, который волновал меня больше всего:

— Я умер?

— Нет, — лаконично ответил юноша и тут же, раздраженно вздохнув, продолжил. — Ударился и потерял сознание на полчаса.

— Вы тот Арлен, о котором говорила Леона?

— Ты еще не пришел в себя? — спросил брюнет, скривив уголки тонких губ от моего вопроса.

— Упал... — начал медленно вспоминать я, простонав от боли, пилящей затылок.

— Почти, — холодно произнес в ответ Арлен, направляя взгляд куда-то в сторону. Мне даже показалось, что в его глазах скользнуло своеобразное смущение, но от него тут же не осталось и следа. Строгость, которую я чувствовал и до этого, вернулась к своему хозяину. — Мне жаль, это моя вина.

В конце концов, я окончательно очнулся, и туман, до этого мутивший разум, рассеялся, позволив мыслить яснее. Взгляд сфокусировался, боль стала казаться монотонной, тянущей, но уже привычной. Хоть я и не двигался, боясь навлечь более сильную резь в затылке — двигались мои глаза, в страстном желании разглядеть юношу получше. Черты его лица казались мне довольно интересными. Точеный подбородок, очерченные скулы, широкий лоб и аккуратный нос с едва заметной аристократической горбинкой делали его похожим на какого-то античного героя или на спесивого воинственного римлянина. А глаза, узкие от сардонического прищура, при ярком свете чудились медовыми, окаймленные темной полосой густых, но не слишком длинных ресниц. Тень на веки бросали черно-коричневые брови, своим цветом на пару тонов светлее, чем его слегка кудрявые волосы. Все вместе это могло создавать приятный портрет, если бы не горделивый излом бледных тонких губ: в нем было что-то пугающее, даже больше, чем холод обманчиво теплых глаз.

— В этом есть и моя вина, — честно признался я, прикладывая руки к голове и ощущая, как ее стягивает тугая марлевая повязка, под которой податливо улеглись ватные пластины. Я хотел сказать что-то еще, но тут же меня перебил стон двери и звук стремительных шагов.

— Вот они, — указала в нашу сторону немолодая женщина в белом халате, которая, как оказалось, все это время была здесь. В нос ударил запах лекарств и медицинского спирта, и, наконец, я понял, что нахожусь в школьном госпитале.

— Да уж, — голос с едва различимой хрипотцой показался мне знакомым, и, с трудом

повернув голову, я увидел мисс Элизабет. — Вы везунчик, Уэбб. Что произошло?

— Я задел этого юношу на лестнице, — ответил за меня Арлен, поднимаясь со своего места и накидывая на плечи зеленый пиджак.

— В последнее время, мистер Дарси, — фамилию юноши женщина произнесла с явной иронией, — Вас становится слишком много. Пусть Уэбб сам ответит на мой вопрос.

— Он не может, мисс. Хоть помощь из города было решено не вызывать, я вколола обезболивающее, которое немного усыпило его. Действие препарата не закончилось в полной мере, — вмешалась в разговор медицинская работница, сбрасывая в ведро под столом какой-то мусор. — Он ушибся головой, но даже зашивать не пришлось. Все обошлось.

Раздраженный тем, что обо мне в моем присутствии говорят, словно о беспомощном больном, я приподнялся на кровати, удерживая перевязку на затылке ладонью. Мышцы теперь казались не мрамором, а ватой. Будто весь я был набивной игрушкой. Язык немного немел, но это не помешало мне возмутиться:

— Арлен не заметил меня и задел случайно. Моя нога соскользнула со ступенек, потому я и упал.

— Да ладно, — махнула на меня мисс Элизабет. — Мы тут не убийство расследуем, оставь это. Мне важно знать, что ты в порядке.

— Я в порядке, — вновь без сил падая на мягкую кровать, ответил я.

— Значит, сообщать родителям необязательно? — изломила светлые брови классная наставница в напряженном ожидании моего ответа.

— Абсолютно, — кивнул я, заставив ее расслабленно выдохнуть.

Тогда женщина повернулась к вальяжно облокотившемуся на стену юноше, в заметном бессилии погрозив ему пальцем, словно он был не будущим выпускником, а учеником младшей школы:

— Твои выходки, Арлен, осточертели уже всем вокруг. Наличие знаний не дает тебе право мнить о себе слишком многое.

— Извините, — абсолютно бесстрастно ответил брюнет, взглядом соприкоснувшись с циферблатом настенных часов. — У Вас, кажется, урок.

— А у тебя бесстыдство, — бросила в ответ женщина, а после обратилась ко мне:

— Я найду позже, Уэбб.

Едва моя классная наставница покинула помещение, оставив вместо себя лишь вкрадчивый запах своего парфюма, Дарси облизал пересохшие от напряжения губы и вновь сел возле меня. Он казался странным — отстраненным, холодным и монолитным, словно надгробная плита, но в то же время тонким и изысканным, как трость из эбенового дерева. На дне его глаз покоился пытливый ум, разбавленный гордыней, презрением и небывалым горьким одиночеством. Арлен был книгой, которую мне хотелось прочесть настолько тщательно, насколько это было возможно.

Начал старшеклассник с весьма лаконичного вопроса:

— Нил?

— Нил Джонатан Уэбб, — возразил я с долей возмущения. Мой взгляд вновь скользнул к лицу юноши, отметив, что радужка его глаз приобрела серо-желтый оттенок.

— Арлен Дарси, — без энтузиазма представился брюнет.

— Я слышан.

— И почему я не удивлен?..

— Не знаю, — слабо сорвалось с моих губ; боль в затылке вновь дала о себе знать.

— Во-первых, — начал юноша, — я должен извиниться. Я виноват, а чувствовать вину не по моим правилам...

— А во-вторых? — наивно переспросил я, морща лоб от боли.

— Ты можешь попросить меня о любой услуге в пределах разумного. Помочь с заданием, избавиться от обидчиков... Я не обещаю многого, но все, что смогу — сделаю.

Именно в этот момент отчего-то я акцентировал внимание на аромате, исходившем от моего нового знакомого — тонком, мягком и мятно-сладком. Я всегда умел четко различать запахи, и сейчас нос защекотала специфическая нотка табака. Значит, курит. Хотя, предположить это было несложно: юноши вроде него, доверяющие Ницше и Канту, опустошенные своим же умом и бесконечной генерацией мыслей, часто являются заложниками вредных привычек, но еще чаще — самих себя. И это тоже читалось в глазах Арлена: бездонная скука, белая, как ничто, меланхолия, пустота.

— Хорошо, — ответил я, заставив Дарси слегка удивиться. По всей видимости, он ожидал моего благородного отказа. — Если мне будет что-то нужно, то я обращусь.

— По рукам, — произнес старшеклассник, протянув мне свою ладонь. Я ответил тем же, ощутив, как холодные сухие пальцы ложатся на мою кожу. Он даже не взволнован случившимся. Сух, как последний осенний лист. Мне на мгновение стало немного жаль себя: уехал так далеко от дома, стал объектом презрения одноклассников, а теперь еще и эта ситуация с абсолютно равнодушным виновником. Но я обещал себе перестать оправдывать свою слабость, поэтому, крепче сжав ладонь Арлена, ответил:

— По рукам.

Ночь в госпитале пахла медицинским спиртом и отбеливателем для постельного белья. Не было шума — только звон в ушах и мое собственное дыхание, изредка прерываемое тихим кашлем. Отчего-то мне не хотелось спать: всячески я пытался занять себя любыми мыслями, придумывал сюжеты, ностальгировал, но весь круг моих раздумий приводил лишь к одному воспоминанию — сладковато-мятному запаху, пронизанному ноткой табака. Это было странно, но не пугало, а скорее опустошало, будто кто-то ложкой черпал из меня душу.

Меня одолевало странное желание увидеть Арлена снова и бесконечно о чем-то спрашивать его.

Внезапный порыв легкого осеннего ветра и вопрос одноклассницы вынудили меня глубоко вдохнуть и вынырнуть из пучины собственных мыслей. Последние несколько дней я погружался в нее все чаще и глубже с каждым разом. Но не видел дна.

— И что, совсем не болит?.. — едва слышно произнесла Лили, с некой неуверенностью обратившись ко мне.

— Нет, — покачав головой, кротко улыбнулся я, отмечая, что сегодня Блейн выглядит свежее, чем обычно: ее волосы оказались собраны в аккуратный пучок на затылке, губы все чаще трогала едва заметная улыбка, а щеки, обычно казавшиеся белыми, словно известка, розовели и розовели, словно цветы в клумбе напротив нашей скамейки. Здесь, в саду, вдвоем мы проводили много времени после занятий, коротая его за разговорами и приятным, шлифующим душу, дружеским молчанием. Мне нравилось это место — редко какая школа могла похвастаться раскидистыми владениями Приапа с аккуратными аллеями, ухоженными деревцами и двухметровыми садовыми скульптурами в греческом стиле. И то, что любили мы с Лили больше всего, — это практически полное отсутствие людей вокруг: сад не пользовался такой популярностью, как гостиная, общие комнаты, спортивные площадки и прочие места всяческих развлечений. В тени широкоплечих кленов можно было спрятаться от самодурства своих одноклассников, от замечаний кураторов и даже от самих себя.

— Быстро зажило, — с ответной скромной улыбкой на губах отозвалась девушка.

— Целых пять дней прошло, — невольно возмутился я, нахмутив брови. Но я лукавил — ушибленный затылок все еще напоминал о случившемся пульсирующей болью вечерами.

— И ты так и не узнал, кто толкнул тебя?..

— Нет, — без колебаний соврал я. В мою голову уже давно закралась мысль, что не стоит никому рассказывать о случившемся. Отчего-то я хотел защитить Дарси от нападков со стороны других людей. Он был неплохим человеком. По крайней мере, мне хотелось так думать.

— Нехорошо, — задумчиво отведя взгляд в сторону, произнесла Лили, откладывая с колен альбом для гербария. Прядь ее светлых волос выбилась из-за уха, и подрагивающими пальцами она осторожно отправила ее обратно. Одноклассница все еще смущалась меня, и это было слишком заметно. Но смущение ее казалось мне не милым, а скорее болезненным, жалким и каким-то бесконечно печальным. Желая подбодрить подругу, я вновь попытался поддержать беседу:

— Мой сосед по комнате упоминал какой-то ежегодный праздник. Ты знаешь об этом?

Лили молча кивнула, вновь обратив ко мне взгляд. Тень кленовых листьев причудливо упала на ее лицо, сделав и без того выразительные скулы будто выточенными из камня. От девушки пахло цветочным мылом и миндалем и, как мне казалось, болью. Мысленно я перемотал ленту своих воспоминаний на вчерашний вечер. Манн говорил о бале, каждый год проходящем в школе «Хартвуд», но я слушал его сквозь тянущую дремоту: привычка ложиться спать не позже одиннадцати брала свое.

— Расскажешь? — вкрадчиво я обратился к шатенке, боясь спугнуть ее любым неловким движением. Я находил Лили странной, но волей-неволей осознавал, что и сам не отличаюсь какой-то ординарностью. В ту ночь, проведенную в госпитале, у меня было много времени подумать над тем, над чем я каждый раз обещал себе поразмыслить позже. Тогда

мне и показалось, что я не прижился бы в классе при любом раскладе. Я не такой, как они. Я как Лили и... Дарси?..

-..каждый год проводят этот бал в школе. Перед самым балом традиционно устраивают фестиваль для младших школьников и гостей, чтобы тем не было обидно. А в танцах — главной части этого мероприятия — принимают участие два класса старшей школы и два последних класса средней.

— Да? — переспросил я, в очередной раз не расслышав несколько первых фраз.

— Юноши приглашают девушек. Но на самих танцах я никогда не была.

— Тебя не звали? — без раздумий осведомился я, но осекся, заметив, как зарделись щеки Блейн.

— Два года назад меня пригласил толстый Джон. Он учится годом старше. Я подумала, что это шутка.

— И отказала?

Девушка кивнула в ответ, но тут же продолжила:

— Но я жалею. В тот момент казалось, что это лишь очередное издевательство. А что, если нет? Что, если я отвернулась от человека точно так же, как люди отвернулись от меня?..

— И ты не принимала участия ни в одном из балов?

— Больше никто не приглашал меня. Может быть, приняла бы. Но я Лили. Лили Блейн. И это ставит точку на многом...

— Что за глупости?! — искренне возмутился я, сжав ладони в кулаки так, что на них проступили сизые реки вен. Это даже слегка напугало девушку, и, приоткрыв рот от удивления, она выронила свой альбом. Немедля я поднял вещь с земли и продолжил:

— Если кто-то пригласит тебя в этом году, ты примешь предложение?

— Но если... — начала было одноклассница, но я перебил ее. Опустившись на корточки перед ней и уложив ладони на ее колени, я попросил:

— Доверяй мне.

Лили ничего не оставалось, как кивнуть. До ужина оказывалось всего полчаса, и вместе мы выскользнули из ворот сада — она с едва заметной счастливой улыбкой, а я с идеей, в которой все еще немного сомневался.

<center>***</center>

Едва я попытался протиснуться сквозь толпу, меня в очередной раз придавили. Гогот и разговоры, которые, казалось, происходят уже внутри моей головы, давили все больше и больше. Я чувствовал себя в коробке, стенки которой сужаются, но, сделав очередной порыв, мне удалось вырваться из сгустка людей, спешащих на ужин. «Чертовы чревоугодники!» — с долей иронии подумал я, отряхиваясь от волос и откуда-то взявшейся пыли на пиджаке. Сегодня я решил зайти на ужин пораньше. Не то чтобы мне очень хотелось встретиться со своими одноклассниками в полном составе — этого удовольствия мне хватало и на обязательных для всех предметах — моей целью было найти Дарси. С того момента, как он покинул меня в школьном госпитале, мы не виделись, несмотря на то, что школа — не целый мир. Арлен был неуловим. Прямо как его мятно-сладкий запах...

— Уэбб, а где твоя невеста?

Моментально за спиной я услышал гром хохота из-за стола, принадлежавшего нашему классу. Я решил не реагировать, и, поставив свой поднос с едой, сел подальше ото всех.

— Нет, просто он думает, что если разрешит ей появляться на людях так часто, то непременно кто-нибудь решит позариться на нее.

После реплики Колина одноклассники вновь взорвались хохотом, и кто-то из них запустил в меня смятую бумагу от пакетика с сахаром. Стряхнув мусор на пол, как можно невозмутимее, я принялся за свой ужин. Но я не мог сосредоточиться на еде, а уж нападки ребят были от меня совсем далеки — глазами я, словно шпион, пытался поймать знакомую фигуру. Но Арлена не было нигде. Тогда, оставив тарелку с овощным рагу подальше и залпом осушив стакан минеральной воды, я поднялся и под очередные острые шуточки близнецов направился прочь. Казалось, народу стало еще больше: люди вокруг меня сгущались тучами, вновь пугая гулом разговоров и смеха. Я переступил через порог, но чье-то плечо прижало меня к стене, да так, что пошевелиться казалось просто невозможным. Я вдохнул поглубже, будто ныряя, но, вновь задетый кем-то, споткнулся и коленями рухнул на начищенный пол. Секунда. Вторая. Третья. Боль мгновенно подступила к ногам, и я почувствовал себя парализованным. Вокруг были люди, но никто не пытался помочь мне встать. Вновь секунда. Седьмая, восьмая... Внезапно я ощутил, как ворот моей рубашки сдавил горло, а затем кто-то поднял меня практически за шиворот.

— Устал после сытного ужина и решил присесть?

Потерев кожу под артериями, я обернулся и замер. Аромат мяты ощущался даже в этой толпе: Дарси стоял напротив меня, уперев левую руку в бок. Теперь люди, проходившие мимо, деликатно обходили нас, даже несмотря на то, что мы стояли посередине узкого коридора.

— Нет, — хотел оправдаться я, но тут же вспомнил, что достиг цели. — Я искал тебя, чтобы поговорить.

— Поговорить? — удивленно поинтересовался юноша, отходя к стене и потянув меня за рукав следом.

— Да, — кивнул я, пытаясь подобрать слова. — Помнишь, ты говорил, что исполнишь любую просьбу?

— Правда? — с долей издевки переспросил брюнет, но сразу же скучающе вздохнул. — Ладно, ладно, я помню.

— Мы можем обсудить это?

— Прямо здесь? — бровь Арлена саркастически изломилась, и мне вновь пришлось говорить громко, практически кричать, чтобы тот расслышал меня сквозь шум:

— В саду.

— В саду... — удовлетворенно произнес старшеклассник, согласно кивая. — Пойдем.

— Это Дарси! — внезапно раздался девичий голос из толпы, и юноша добавил:

— ...и побыстрее.

<center>***</center>

Я был ниже, чем мой новый знакомый, на целую голову. Но все равно пребывал в уверенности, что имей я хоть двухметровый рост, он все равно смотрел бы на меня сверху вниз: рост не был причиной. Скорее что-то внутреннее, давящее. На солнце его чуть кудрявые волосы переливались, словно ониксовый камень, а кожа казалась еще бледнее, чем тогда в госпитале. Шагал он широко, но с некой вальяжностью, что все равно не мешало мне едва поспевать.

Наконец-то мы остановились возле одной из немногочисленных беседок, и юноша, гордо расправив плечи, поднялся по деревянным ступеням. Я последовал за ним, но все равно держал дистанцию. Мы оказались в двух метрах друг от друга, но он отчего-то казался мне дальше. Дальше, чем любая галактика.

— Зачем ты позвал меня? — парень припал локтями на балку перегородки, расслабленно подперев подбородок костяшками пальцев. После этого он запустил руку в карман, доставая оттуда пачку сигарет, на что я удивленно спросил:

— Разве в «Хартвуде» можно курить?..

— Секс здесь тоже запрещен. Но это никого не останавливает.

— Ладно, — демократично пожал плечами я, ощущая себя полным дураком. — Я хотел воспользоваться своей просьбой.

— И что за просьба? — без интереса осведомился юноша, чиркая зажигалкой и подкуривая. Я тут же отогнал от себя клубок едкого дыма, отшатнувшись от старшеклассника.

— Ты уже пригласил кого-нибудь на осенний бал?

— А ты хочешь пойти со мной? — без лишних эмоций спросил собеседник, и я тут же побагровел, закашляв то ли от сигаретного смога, то ли от возмущения.

— Нет, я хочу, чтобы ты пригласил мою одноклассницу. Лили Блейн.

— Это не по правилам. Просьба должна касаться тебя. Может, помочь с химией?

— Я не изучаю химию, — нахмурившись, ответил я и продолжил:

— И никакие правила мы не обговаривали.

В очередной раз с удовольствием затянувшись, Арлен выпустил дым в мою сторону, направив на меня свой недобрый взгляд.

— Если ты просишь меня ее пригласить, то это значит, что никто больше не сделает этого. Девушка не пользуется популярностью. Дефектная?..

— Как ты можешь так говорить? — возмутился я, после чего сжал зубы так, что они закрипели.

— Тише, тише, — сардонически усмехнулся Дарси, запустив пятерню в волосы и убирая их подальше от лица. — Мы живем в мире неравных. Кто-то рожден дураком, а кому-то достается пытливый ум. Я люблю особенных людей. С чего ты взял, что мне будет приятно сопровождать твою подружку?

— Но это не так. У каждого есть свой талант. Лили — так зовут мою одноклассницу — прекрасный человек...

Но брюнет не дал мне договорить, своевольно перебив:

— А у тебя есть талант?..

В его словах прозвучала задумчивость, будто он пробовал меня на вкус. Я замер, желая сказать, что мой талант — это писательство, но вспомнив, что еще не написал ничего достойного, потупив глаза, ответил:

— Нет.

— Тогда нам не по пути.

— А как же моя просьба? — восстал я, но Дарси не ответил, потушив сигаретный окурочок о поверхность перил и выпустив его из рук. Он отступил, спустился по лестнице и направился к выходу.

— Ты ужасен! — крикнул я ему вслед, но он лишь обернулся, одарив меня издевательской полуулыбкой.

В тот вечер мне показалось, что я возненавидел Арлена больше всех на земле.

В тот вечер я вернулся в свою комнату настолько подавленный, что, казалось, вокруг сгустилась непроглядная тьма. Весь мир представлялся враждебным, смеющимся надо мной, как глаза Арлена — теплого цвета, но мертво-холодные, умеющие лишь сардонически усмехаться. Под крики надоедливого коменданта я хлопнул дверью в комнату, буквально на ходу срывая с себя пиджак, а затем, предварительно взбив подушку, рухнул ничком на кровать. На каких-то десять минут мне показалось, что я даже задремал, наслаждаясь тишиной: никого не было рядом, лишь я, звон в ушах и приятный запах нового дерева, исходивший от моей кровати. Но эта эйфория и некая симфония молчания продолжалась недолго — спустя небольшой промежуток времени, дверь шумно распахнулась и до ушей вновь донеслись крики коменданта. За ними раздался удар футбольного мяча о стену. «Манн», — без колебаний заключил я, и не ошибся. Юноша любил врываться в комнату без стука и дико взволнованный одной лишь идеей спорта.

— Шикарная игра, — с придыханием произнес Гаррет, вновь ногою пиная мяч и загоняя его под свой стол. Я приподнялся на локтях, сонно взглянув на своего соседа по комнате: мокрый и липкий от пота, с запыленной кожей и покрасневшимися щеками, он выглядел поистине счастливым. Мое раздражение моментально улетучилось, и я сразу же простил его за этот шум — мне было просто приятно наблюдать за тем, как человек буквально купается в удовольствии от своего дела. Как хотелось и мне. Но не мог. Не умел. Не знал.

— И кто победил? — с мягкой улыбкой поинтересовался я, подпирая голову ладонями.

— Мы все победили, — засмеялся темноволосый парень, запрыгивая на край стола и стягивая с себя футболку. Затем он запустил ее куда-то за шкаф, радостно продолжив. — Ну, так сказал тренер. На самом деле моя команда проиграла.

— И все равно радуешься? — подивился неумолимому оптимизму я.

— Ну, мы играем против своих же. На тренировках делим команду на две. Значит, тренер все-таки прав. Мы все равно победили.

— И вправду, — кивнул я, тут же вспомнив о своем новом знакомом. — Ты знаешь Арлена Дарси?..

— Арлена? — не без удивления спросил меня Гаррет, меняя тренировочные шорты на темно-синие боксеры. Затем он достал из своего набитого мятой одеждой шкафа такое же мятое полотенце и сделал попытку адекватно свернуть его. — Естественно. Мы одноклассники. Только учимся на разных направлениях, но обязательные предметы все равно приходится отсиживать в одном классе.

— И что ты можешь о нем сказать? — не отставал я, перевернувшись с живота на спину и сплетя пальцы вытянутых над головой рук.

— Он странный, — пожал плечами Манн, загремев ключами от ящичка в общей ванной. — Мы давно учимся вместе. Но сколько я себя помню, с ним разговаривал не больше трех раз. Но он здорово играет в футбол. Как-то на физической культуре мы были в одной команде. Впечатляет. Он бы стал отличным игроком.

— Правда? — удивился я, на секунду представив спесивого брюнета в спортивной форме. Но тут же отогнал от себя этот образ, встряхнув головой. Парень, без моей просьбы, продолжил:

— По-моему, он нравится половине девочек в нашей школе. Это непонятно: Арлен молчалив, вечно всем грубит. За ним таскается странный поляк, но они, как мне кажется, не друзья. Зато Дарси шарит в математике.

— Умный?

— Должно быть, — рассмеялся мой сосед, спрыгивая со стола и направляясь к двери. — Но лучше держись от него подальше. У этого парня немного дурная слава. Как, кстати, голова?

— Все хорошо, — благодарно кивнул я, машинально приложив одну ладонь к затылку. Юноша добродушно кивнул в ответ и хлопнул дверью, отправившись в душ.

От Гаррета веяло теплом и такой искренней беззаботностью, что сперва мне даже не верилось, что такие люди вообще существуют. Но его плоть, улыбка и блеск темных глаз доказывали обратное — он был живее всех живых. Живее, чем я. Он занимался своим делом, и, видимо, был счастлив. А мне оставалось лишь выдергивать исписанные листы из блокнота и удалять текстовые файлы с ноутбука. Я ничего не мог.

Крики вокруг парты заставили меня поднять уже не перевязанную бинтом голову: в лоб угодил кусочек обслюнявленного ластика, который сразу отскочил и нырнул мне в рукав. Одноклассники залились хохотом, но их веселье внезапно прервали знакомые шаги — в класс, чинно шествуя, вошла наша классная наставница. Я успел лишь поймать сочувственный взгляд Лили и упрямо скривить губы. Я давно понял, что придется привыкать: в старой школе я тоже держался особняком, но никогда не подвергался поруганию. Хотя, на этот счет у меня было свое мнение: тот, кто бесцельно унижает других, унижает и себя, и этой мысли мне хватало, чтобы смириться. Тем временем, одарив всех надменным кивком, мисс Элизабет встала за кафедру, задумчиво листая списки. Отчего-то эта женщина внушала своим ученикам подобие страха: молча и спокойно, словно парализованные взглядом василиска, они сидели, дожидаясь, когда та заговорит. В этой учительнице не было ничего странного, но было что-то пугающее. Несмотря на свой невысокий рост, который она компенсировала высотой каблука, и довольно миловидную внешность для женщины ее возраста, ощущалась сила. Такая, что замолкали даже близнецы.

— Всех рада видеть. Даже тебя, Колин, — прямо с порога женщина начала свою речь. Все моментально, словно солдаты, поднялись со своих мест, но одобрителный кивок заставил всех опуститься обратно на стулья.

— Мы тоже вам рады, мисс, — проговорил кто-то из первых рядов, но она не обратила внимания, раскрыв классный журнал и вооружившись тонким металлическим паркером, напомиавшим мне длинный мундштук.

— Поговорим об осеннем фестивале? — после паузы, отцепив взгляд от листов, начала мисс Элизабет. По классу тут же пронесся неудовлетворенный гул, смешавшийся с одобрителными возгласами. За спиной тяжело вздохнула Леона, и через меня к ней на стол тут же спикировала записка от ее темноволосой подружки.

— Кто против, отзовитесь цивилизованно, — спокойно продолжила женщина, откладывая свою причудливую ручку в сторону. На ее просьбу тут же подняли руки около шести человек.

— Но ведь осенний бал... — вновь начал кто-то из первого ряда, но наставница приложила палец к губам в знак молчания, а затем продолжила:

— Прекрасно. Те, кто против, будут работать с двойной силой.

Тут же класс наполнился смешками энтузиастов, а те, кто проголосовал отнюдь не за, стыдливо и раздраженно начали роптать. Довольна осталась своей изобретательностью и миниатюрная преподавательница, одарив своих учеников победной полуулыбкой. Со своего места сразу вскочила Нора — высоченная и слегка переспелая одноклассница с тугой темной косой, которая была толщиной, ей богу, с руку. Эта живая и неутомимая девушка, которую многие называли не иначе как еврейка, заведовала организаторской работой, принимая участие во всех мероприятиях «Хартвуда».

— Извините, мисс Элизабет, — начала она, отбросив за спину темную косу, — у меня уже частично готовы списки.

— Замечательно, Киршнер, оглашайте, — одобрительно кивнула учительница, локтями уперевшись в кафедру.

— Колин, Денни, Этан и Роберт занимаются установкой аппаратуры. Девочки, во главе с Леонией, — декорированием помещения. Еще...

— Ладно, — перебила ее мисс Элизабет, скучающе отводя взгляд к потолку. — Лучше скажи, есть ли те, кто нигде не задействован?

— Вроде бы, — пожала плечами Нора, пренебрежительно обратившись к Лили: — Ты чем-нибудь занимаешься?

— Да... — потупила к парте взгляд Блейн. — Яблоки...

— Что? — не расслышав, переспросила женщина за кафедрой. — Яблоки?

— Лили каждый год готовит яблоки в карамели, — раздраженная духотой в классе, ответила за Блейн Леона. Скромная девушка тут же закивала в знак согласия.

— У нас не занят только новенький, Уэбб, — продолжила свой отчет Киршнер, теперь уже медленно повернувшись ко мне.

— Пусть тоже готовит яблоки, — подал голос Колин, и от его абсолютно не смешной реплики все странно захихикали.

— А чем ты хочешь заниматься, Нил? — перевела на меня взгляд мисс Элизабет. — Выбирай сам.

На несколько секунд я замялся, рассеянно окинув взглядом ребят в классе. Те выжидающе уставились на меня, и лишь Леона со своей утомленностью происходящим и усталостью уткнулась носом в лакированную поверхность парты. Тогда, стараясь быть невозмутимым, я взял себя в руки и ответил, вложив в свои слова ноту безразличия:

— Яблоки — хорошая идея. Я умею их готовить.

— Конечно, — громогласно заявил Колин, усмехнувшись, — он же боится, что кто-нибудь захочет увести его любимую. Яблоки в карамели — будущий семейный бизнес?

— Что?.. — резко переспросила мисс Элизабет, и внезапно ее голос стал холодный и пронизывающий, словно сквозняк.

— Ничего, — шутливо замахал руками парень, вызвав этим одобрительный смех со стороны. Но тут же многие опомнились и замолкли. Преподавательница вздохнула, набираясь самообладания, и взялась за мел.

После занятия я чувствовал себя так, будто разом съел огромный бутерброд, — наша классная наставница умела досыта накормить знаниями. От многочисленных дат по истории Британии кружилась голова. Или не от них — термометр за окном даже в осеннее утро дотягивался до отметки двадцати градусов. Сбросив с себя пиджак, сразу после звонка я поспешил покинуть школьное здание: началась большая перемена, а это значило, что я вполне мог вдохнуть тонкие медовые ароматы цветов в саду. Естественно, не один. За мной

скользнула Лили, и мне даже показалось, что на ее губах мелькнуло подобие улыбки. Спустившись по лестнице в правом коридоре, чтобы избежать презрительных взглядов своих одноклассников, мы выскользнули из дверей школьного здания, пересекли пустую спортивную площадку, пару раскачивающихся от ветра качелей, зеленеющий подстриженный газон, а затем, скрипнув металлической калиткой, нырнули в буйство красок изысканных цветов. Невольно я чувствовал нарастающую боль и тревогу, тянущую где-то под ребрами: я знал, что скоро наступят холода, и эти лепестки, уже теряющие свежесть, умрут. Как умирают неизбежно люди.

— Нил! — нервно сорвавшимся голосом обратилась ко мне Лили, когда наконец-то мы рухнули под распростертые руки клена. Я не ошибся, ее губы впрямь трогала улыбка. — Меня пригласили.

— Куда пригласили? — едва отдышавшись, спросил я, не сразу поняв, о чем речь.

— На осенний бал, — уточнила девушка, со смущением смахнув сухую траву с моих волос.

— И кто же? — с любопытством поинтересовался я, при этом в моей голове мелькнула мысль, принеся некое облегчение: «Хорошо, что этот спесивый выскочка не согласился, иначе...»

— Арлен Дарси, — с придыханием произнесла Блейн, впившись в меня беспредельно счастливыми глазами. — Ты думаешь, я на самом деле ему понравилась? Ведь такое может быть, правда? Хотя бы один шанс на тысячу?..

Мне оставалось лишь звучно сглотнуть и врезаться взглядом в синее над головой небо. Я не знал, что сказать — недоумение перерезало мне связки. Такой возбужденной, буквально трясущейся от удовольствия, я не видел Лили ни разу за все время, что знал ее. От этого было не по себе. Казалось, что где-то внутри, в самом темном закоулке своей души, я был крайне недоволен услышанным.

Но... что пугало меня?

Люди нравились мне меньше, чем книги, меньше пожелтелой бумаги, запаха пыли и пятен типографской краски на руках. Но с годами ко мне все чаще приходило осознание того, что мир, в котором я живу, — это не цветные картинки из сказок о кролике Питере, и не строчки, которые можно переписать. Я начал трескаться и выбираться из своей обертки, щурясь от непонятного света совсем новой для меня жизни: стоило приехать в «Хартвуд», как что-то пошло не так. И когда это началось — едва я перешел порог школы, познакомился с одноклассниками, защитил Лили или узнал Арлена?.. Но сейчас апогеем моего волнения стали слова Блейн. До этого я никогда не испытывал подобного чувства. Его рецепт был непрост: смятение, раздражение, удивление и щепотка какой-то неумемной тоски. Не хотелось признавать этого, но теперь я отчего-то не считал, что стоило обращаться к Дарси за помощью. На дно тянуло чувство неминуемой беды.

Внезапно меж ветвей мелькнуло ярко-оранжевое пестрое оперение, и на дубовый сук совсем недалеко от меня деловито уселся удод. Невольно я улыбнулся, сразу же позабыв о своих мыслях: настолько забавной казалась мне эта птица. Заметила ее и Лили, с интересом подняв голову. Она тоже улыбалась, но не из-за увиденной ею прелести.

— И как это случилось? — попытался по-доброму поинтересоваться я, но голос прозвучал жестче, чем я ожидал.

— Как? — с удивлением переспросила девушка, вырвавшись из наледи своих мыслей. — Дарси просто подошел после завтрака и спросил, не хочу ли я пойти с ним... Странно, он тоже старается приходить в столовую позже всех.

— Не любит внимания, — заметил я, пожав плечами.

— С чего ты взял? — опустила на меня взгляд Лили, и я понял, что сказал настоящую глупость, поэтому поспешил отговориться:

— Просто слышал, что он очень нравится многим девушкам. Они не оставляют его в покое. Думаю, это раздражает.

— Наверное, — прошептала моя собеседница и тут же помрачнела, упав с небес за холодную землю. Заметив это, я вновь проникся нежностью и сожалением к своей однокласснице: все это время мне было тяжело наблюдать ее огромные уставшие глаза, а сегодня, как показалось, в них будто взошло само солнце.

— Он не из тех, кто шутит, Лили, — попытался заверить Блейн я, и та тут же с надеждой кивнула. Казалось, ею легко манипулировать — настолько она зависела от чужих слов. Годы издевательств не прошли даром, девушка сломалась. Хотя я был уверен, что ее все еще можно починить, добавив лишь один необходимый механизм — уверенность. Но все равно меня продолжало тянуть и крутить неприятное чувство беды.

Ветер запутался в листве, и забавный удод вспорхнул с ветки, покидая сад. Я не знаю, куда он летел, но даже так мне хотелось последовать за ним. Не сказать, что я чувствовал себя в «Хартвуде», как в клетке, но и собой здесь я не был. Единственное, что спасало — это сад, книги и забота о Блейн. Девушка поднялась с травы и прислонилась спиной к дереву, спрятавшись от меня с другой стороны ствола. Вот кто, действительно, столько лет жалко бился о прутья, пытаясь выбраться из неволи, куда ее заточили родительские амбиции и собственный страх их не оправдать.

— Все будет хорошо, — мягко произнес я, прикрывая глаза.

— Хочется верить, — ответила Лили, и я ощутил ее улыбку даже сквозь расстояние.

После всех занятий я сразу поспешил к себе в комнату, чтобы не стать жертвой особенно бодрого сегодня Колина. Я не боялся ни его, ни близнецов, и даже ни холодного, упрекающего взгляда Леоны. Зато боялся самого себя, к тому же, словесные перепалки и вечное напряжение изрядно утомляли — отдуваться приходилось и за новоиспеченную подругу. Теперь, прижав свои изрисованные тетради к груди, я вышагивал по коридорам общежития, с любопытством кидая взгляды на распахнутые двери. Невольно в моей голове мелькнули мысли, от которых я сразу же поспешил отделаться: «Где живет Дарси? В какой из комнат? Далеко ли от моей?» Нет, верно говорят, что мысли материализуются: за спиной я почувствовал знакомые шаги, и мое плечо тут же придавила тяжелая рука:

— Отвяжись, Колин! — как можно строже заявил я, сбросив тяжелую ладонь со своего плеча. Но, обернувшись, я мысленно забрал свои слова обратно.

— Если бы меня так звали, то я давно бы удавился, — произнес, как оказалось, сам Арлен Дарси, поравнявшись со мной. — Кстати, я все-таки исполняю свои обещания.

— Я в курсе, — пришлось сопроводить свой ответ вздохом. — Но если ты не хочешь, то можешь отказаться. Еще не поздно.

— И тогда твоим желанием станет сбросить с лестницы уже меня?

— Нет. Просто мне кажется, что для Лили этот бал не обернется ничем хорошим.

— А для тебя? — вновь с уст Арлена сорвался неожиданный вопрос.

— Я никого не приглашал. Сделаю яблоч в карамели, и на этом все.

— Никогда не ел их. Ненавижу сладкое. Но в этом году придется попробовать, — усмехнулся темноволосый, сбавляя шаг.

— Не вижу причины менять вкусы, — парировал я, вызвав у собеседника сардоническую улыбку. Тот остановился возле одной из дверей, на прощание вальяжно махнув мне рукой.

— Пока, — нахмурившись, полушепотом ответил я, при этом для себя запомнив номер — двести сорок шесть. Совсем недалеко от моей.

Еще несколько десятков шагов, и, плечом толкнув дверь, я ввалился к себе в комнату. Без всякой педантичности я швырнул свои тетради прямо на учебники Гаррета, и тут же устремился к кровати, словно самый последний астеник, рухнув на нее после долгих учебных часов. Не сказать, что программа здешняя давалась мне тяжело, но она явно отличалась от той, которой мы пользовались в обыкновенной школе. Я слышал, что частные учебные заведения всегда добавляют какую-то изюминку в обыкновенные методы преподавания, и здесь, наверное, это было полное равнодушие учителей к своим ученикам. За вполне демократичную цену было бы странно ожидать большего, но порою казалось, что наставники там, в Рочестере, были гораздо опытнее и живее. Особенно моя неприязнь касалась мисс Элизабет и старого мужчины, преподающего чуждую для меня арифметику. Первая не нравилась мне как раз таки по причине какого-то строгого равнодушия, а со стариком у меня были личные счеты — он не любил тех, кто не понимает арифметику так же сильно, как я не любил саму арифметику. Остальные преподаватели не оставили никакого впечатления в моей душе. Единственный человек из персонала, к которому я был лоялен — Урсула. Но видел за все это время я ее так мало, что полностью судить о ней не мог. Как и обо всех в этом неприветливом месте.

Через несколько минут в комнату ввалился Гаррет, и в точности повторив мои жесты, поспешил рухнуть на кровать прямо в пиджаке. Я знал, что учеба дается ему со скрипом, не

то что спорт, поэтому мысленно жалел юношу, представляя себя на его месте.

— Как дела? — протянул он, все еще лежа без движения.

— Нормально, — ответил я, прогудев в подушку. Но тут же оторвавшись от кровати, продолжил. — Не знаешь, кто живет в двести сорок шестой?

— Знаю, — пожал плечами Манн, лениво поднявшись с кровати. — Дарси. Мне кажется, или ты очень интересуешься им?

— Нет! — буквально вскрикнул я, замахав руками в растерянности. Мне было неловко, если Манн надумает себе чего-нибудь лишнего. Но я лгал нам обоим, Арлен был мне интересен. Мой сосед рассмеялся, запрокинув голову:

— Да ладно, расслабься. Я же шучу. А если серьезно, зачем он тебе?

— Да так... — слукавил я. — Мы с ним немного повздорили.

— Зря ты. Он за словом в карман не полезет. Такой уж. Хотя, я говорил, что почти не общался с ним. Да и занада он, как мне кажется... А помимо этого, какие успехи? Нашел друзей, или все-таки решил ограничиться одними врагами?

— Ну, знаешь, — замялся я, стараясь увильнуть от темы, — все нормально. Общаюсь со всеми.

— А с Кейлин? — внезапно спросил Гаррет, и его голос, как мне показалось, повысился на тон, а лицо отчего-то порозовело.

— Кейлин... — сквозь сжатые зубы попытался припомнить я. На ум приходила только одна девушка с таким именем, полноватая и вечно смеющаяся одноклассница с густыми прямыми волосами и большим ртом. — Она немного... в теле?

— Да, — рассеянно закивал Манн. — Она. С ней ты общаешься?..

— С ней... — протянул я, не зная, как соврать ловчее. — Практически нет. А что?..

— Нет, ничего, — лицо соседа по комнате от розового сменило свой цвет практически к бордовому. Тут же он засуетился и начал ладонью разглаживать складки на пиджаке. Я равнодушно пожал плечами, не совсем поняв суть его вопроса, и схватил со своей тумбочки очередную книгу.

— Давайте, поторапливайтесь, кухня не терпит таких копуш, как вы, — повысила голос дородная повариха в презабавном мятом чепце. С раздражением я всадил в размякшую мякоть деревянную шпажку и облизал липкие пальцы. Лили мягко рассмеялась, заметив, какими шершавыми и неприглядными получались мои яблоки, совсем не как у нее. Блейн говорила, что делать эту сладость научила ее мать, и ежегодно в их доме в ночь Гая Фокса подавали до трех десятков кислых плодов, покрытых густой приторной карамелью. Мои же успехи оставляли желать лучшего — я не был терпелив, и любой вид кулинарии давался мне с трудом. В моей семье никогда не было традиций. Разве что, на мой день рождения родители покупали наш любимый торт и засовывали в него один и тот же набор свечей, каждый год прибавляя по одной. Со временем они стали такими маленькими, что к моему шестнадцатому празднику мы вовсе не смогли зажечь половину. В тот день, первый раз в моей жизни я задумался: «Почему родители так и не купили новые свечи?». И ответ на этот вопрос пришел ко мне только сейчас: «Они просто забывали об этом, как забывали в пылу ссоры, что их единственный сын страдает за двоих».

— Все в порядке? — спросила девушка, заметив мой нерадостный вид.

— Да, — рассеянно отозвался я и проткнул очередное яблоко. Лили удивляла меня своей наблюдательностью — порою ей не нужно было слов, чтобы понять кого-то: она

умела читать людей по излому бровей, губам и глазам, как любой умел читать книгу по буквам.

Кухня представляла собой достаточно просторное помещение, наполовину, как мне казалось, сделанное из железа. Металлическим было все, начиная от дверей и заканчивая столовыми приборами, беспорядочно разбросанными по ящикам. Стены были обиты белоснежной плиткой, что создавало приятное ощущение стерильности, а украшали их фаянсовые тарелочки с изображением сцен деревенской романтики. Единственное, что точно не было железным, — это три поварихи и одна судомойка, чья работа заключалась лишь в том, чтобы сливать остатки в огромное ведро, складывать грязную посуду в машинку и приговаривать, что здешние дети настолько избалованные, что не едят даже стейки.

Внезапно тяжелая дверь кухни отворилась и из-за нее показались носы близнецов. Это сразу заставило меня напрячься, да так, что пальцами я переломил шпажку, глубоко посадив под кожу занозу. Едва я успел поднять взгляд, как тут же о лоб ударилось что-то твердое, а затем, приложив ладонь к лицу, я ощутил, как по нему растекается сырое яйцо.

— А ну пошли отсюда вон! — утробно заголосила повариха, и, схватившись за кухонную тряпку, рванула за нарушителями в слепой надежде догнать их.

— Пойду помоюсь, — отстраненно заявил я, опустив голову. Тут же пришлось утереться бумажным полотенцем и через вход для персонала отправиться в общежитие. Лили проводила меня уставшим и сочувствующим взглядом. Я знал — она винила в моих невзгодах себя. Но самому мне было понятно, что виновником всего был только я и мое бескрайнее чувство справедливости, подаренное рыцарскими романами.

Уныло я брел по лестнице, собирая на себе взгляды проходивших мимо учеников. Многие из них были слишком заняты подготовкой к балу, чтобы заметить меня, перепачканного в яичном желтке: девушки несли бумажные фонарики и мишуру, юноши тащили фанеру и столярные инструменты, и только те, кто был беспечен, дарили мне ехидные улыбки. Мне повезло — в выходные дни, а тем более днем, ваннные комнаты были абсолютно свободными. Я отворил железный шкафчик, достал чистое белье и свое уютное махровое полотенце. Но едва я захлопнул дверцу, в соседней душевой зашумела вода. Мой взгляд тут же обратился к стойке и на ней я заметил привычную для всех школьную форму. Как мне казалось, оставлять ее так, без присмотра, было странно, и это характеризовало ее хозяина как человека, не совсем думающего о последствиях. Я тут же разделся, сложил свои вещи в шкафчик и по холодной застоявшейся на полу воде прошествовал к одной из душевых. Всего кабинок было восемь, но зачастую по утрам не хватало даже их, чтобы все успели к завтраку — приходилось коротать время на деревянных скамейках в ожидании своей очереди.

Я развинул не тот кран, и тут же на спину посыпались капли ледяной воды. Непроизвольно я ахнул, а затем, прикрыв рот ладонью, устыдился самого себя. Я помнил, что через несколько кабинок моется еще один человек, и, возможно, теперь он смеется надо мной. Теперь горячая. Едва я схватился, чтобы как следует отрегулировать температуру, как о себе напомнила заноза, еще глубже ушедшая под кожу... Через каких-то несколько минут я полностью отмыл с волос, лица и тела уже подсохшее яйцо и, отперевшись, вышел в общее помещение. Рядом тоже щелкнул замок, но, поддавшись смущению, я не стал оборачиваться, продолжив одеваться. Рубашка и брюки остались чистыми, в отличие от пиджака — его без всяких сомнений я забросил в огромную корзину для грязного белья, стоящую в самом углу. Резкий стук металлической дверцы заставил машинально обернуться. Прямо за мною стоял

высокий молодой человек, с чьих черных и прямых волос стекали тяжелые капли воды, спускаясь по красивой спине прямо к ягодицам. Он тоже обернулся, видимо, ощутив на мне свой взгляд. И это была самая жуткая встреча, какая могла только произойти.

— Дня два не виделись, — с иронией произнес хорошо знакомый мне молодой человек, накидывая на спину полотенце.

— Да уж, — ответил я, стараясь отвернуться как можно скорее. Но ранка на руке вновь не давала мне покоя — непроизвольно я вобрал в легкие воздух сквозь зубы, схватившись за уколотое место. Арлен отреагировал, и, встряхнув волосами, осведомился:

— Что там у тебя?

— Не знаю, — огрызнулся я, удивившись своей перед ним смелости. — Заноза, наверное.

— Такая же, как ты, — усмехнулся юноша, уже накидывая на плечи пиджак. Я одевался гораздо медленнее, и в тот момент только застегивал мелкие пуговицы рубашки.

— Вообще-то я не привязываюсь к тебе. Все это совпадения! — начал было я, но вздохнувший от моих речей Дарси моментально оказался рядом, ухватив мою изрядно распухшую ладонь. И задал он один единственный вопрос:

— Где?

— Заноза? — переспросил я, подивившись такой бесцеремонности. — В указательном пальце. Жаль, что не в среднем, был бы знак.

Но юноша никак не отреагировал на мои слова. Вместо того, чтобы рассердиться, он промолчал, внимательно вглядываясь в маленький кусочек дерева, засевший у меня под кожей. Затем, чуть надавив, он начал тянуть ее наружу, не обращая внимания на слова о том, что так не делают и мне больно. В конце концов, заноза сдалась и покинула свое место, затерявшись где-то на полу. Я в очередной раз шикнул и попытался отдернуть руку. Но хватка Арлена была довольно сильна.

— Вот и все, — холодно произнес он, а затем сделал то, без чего моя жизнь осталась бы прежней: осторожно он поднес мою ладонь к своим губам и, припав к ней, оставил на костяшках пальцев едва ощутимый поцелуй.

Примечания:

Питер Кролик — вымышленный антропоморфный персонаж, появляющийся в ряде сказок английской детской писательницы Беатрис Поттер.

Ночь Гая Фокса (англ. Guy Fawkes' Night) — традиционное для Великобритании ежегодное празднование в ночь на 5 ноября.

Писк часов похрапывающего Гаррета оповестил, что прошел еще один час мучительной для меня бессонницы. Я перевернулся на другой бок и сделал очередную попытку прикрыть глаза. Нет, веки дергались, ресницы подрагивали, и дыхание вновь перехватывало. И стоило лишь задремать, как нечто выбрасывало меня из сна, словно в треск пьяного посетителя из бара. Сколько раз я ни делал попытки осознать и принять случившееся, рука начинала пылать, будто я опускал ее в кипящее масло. Комната становилось маленькой, дыхание — тяжелым, а нервная боль в груди — острой. Мелькали мгновения ушедшего дня: прикосновение губ Арлена, онемение и мой кулак, ответивший старшекласснику своим возмущением. А затем кровь на моей коже, точно вишневый сок, и лютое отвращение, перерастающее в настоящую злобу. Первый раз в жизни я разбил нос человеку. Но этот человек заслужил.

Не в силах больше думать и вспоминать, я рывком поднялся с кровати и, сбросив одеяло, ногами загреб свои резиновые тапочки. В них я прошлепал к двери, накиннув на плечи плотную толстовку, а затем тихонько выскользнул из душного помещения. Темные комнаты общежития молчали: двери были плотно закрыты, свет нигде не горел. Даже на лестнице первого этажа, где обычно посматривал ночные каналы охранник, стояла тишина. Я шел по направлению к общему балкону, которым заканчивался удавоподобный коридор, и постепенно выравнивал дыхание. Отчего-то думалось, что стоит проветриться, и сон вернется, а те мысли, которые лишали меня покоя, растворятся в ночной тишине. Предчувствуя поток свежего воздуха, я заметно ускорил шаг, а затем, рванув пластиковую ручку, распахнул дверь в свою мнимую свободу. Но тяжелой свежести осенней ночи вобрать не удалось: в нос ударил едкий запах табака, и я постарался прикрыть нос рукавом толстовки, в некоем смятении отшатнувшись. Куривший человек тоже поначалу дернулся от неожиданности и даже хотел выбросить наполовину искуренную сигарету, но вовремя понял, что я не комендант, и с жадностью затянулся. Оранжевый огонек стал алым, а затем вновь вернулся к своему цвету. В нос снова попытался заползти едкий химический запах, но чем больше я ощущал его, тем меньше он казался мне отвратительным.

— И ты опять будешь говорить, что не следил за мной?

«О, боже, только не это...» — мелькнуло в голове. Но возвращаться в свою комнату и вновь думать о произошедшем было бы еще мучительнее, чем стоять здесь. Куда бы я ни пошел, казалось, Арлен всегда впереди меня на несколько шагов. Будь я на его месте, тоже непременно бы подумал, что за мной следят. Я решил остаться и поддержать беседу, чтобы парень не счел меня совсем странным:

— Не знаю, приходится верить в совпадения. Как нос?

— Нос в порядке, — усмехнулся старшеклассник и тлеющий уголек его сигареты вновь облачился в красный. Затем юноша выпустил дым из легких и продолжил. — Никогда бы не подумал, что в таком щуплом мальчишке столько силы.

Невольно я счел сказанное за комплимент и даже как-то горделиво вздернул голову, предусмотрительно отступив на другую сторону балкона. Мои руки скользнули по влажной от прохлады виноградной лозе, и я продолжил:

— И что ты здесь делаешь?..

— Что делаю? — переспросил темноволосый и, демонстративно потушив окурок,

сбросил его вниз. — Ловлю убийцу Кеннеди.

— Никого ты не ловишь, — обиделся откровенному сарказму я, но тут же понял, насколько все-таки был глуп мой вопрос. — Но раз мы оказались здесь, вроде бы даже случайно, я извинюсь. А ты объяснишься...

— Если было бы наоборот, то я бы точно не согласился, — усмехнулся парень, устремляя взгляд вдаль. — Мне нравится твой запах. Я как Гренуй. Просто не мог не сделать этого.

— Ты что, гей? — с неким пренебрежением поинтересовался я, смяв виноградный лист. Мне было неловко даже произносить это слово, но так уж вышло, что оно само сорвалось с языка. «Слишком грубо», — подумалось мне, но было поздно жалеть о сказанном. В этом преимущество и недостаток слов — их нельзя стереть, забрать назад. Можно лишь заставить верить, что ты этого не говорил.

— Чтобы наслаждаться ароматом, обязательно нужно быть тем, кем ты сейчас меня назвал?

— Я не назвал. Всего лишь уточнил, — смутился я и тут же замолк. Между нами возникла преграда, выточенная из чистого молчания, и отчего-то разрушать ее было жаль: я ровнял ее с настоящим произведением искусства, настолько тонкой, хрупкой и неземной она была. Это не было неловким молчанием или моментом, когда едва знакомым людям не о чем говорить. Нечто иное. Свободное и неповторимое. Я успокоился, ведь нашел Арлену оправдание, как когда-то нашел оправдание даже Жану-Батисту. Мое дыхание пришло в норму и ощущение полиэтиленового пакета пропало. Дарси же был спокоен, как с самого начала нашей встречи. Глазами он скользил по саду, который можно было хорошо разглядеть с нашей общей высоты. Ночью вдоль аллей зачем-то зажигали крохотные фонарики, которые, толком ничего не освещая, создавали приятную атмосферу, какой приходилось любоваться лишь издали. Я бы хотел хоть раз побывать там в такую же звенящую полночь, но не был достаточно смел.

— Ты придешь на завтрашнее мероприятие? — внезапно задал вопрос Арлен, глазами обратившись ко мне. В темноте они теряли свой зеленоватый цвет и становились практически черными.

— Что там делать? — нахмурился я.

— Ты должен увидеть то, что ты хотел, — как счастлива твоя подружка. И она должна увидеть, что ты счастлив за нее. Ты склонен к жалости, поэтому и опекаешь.

— Если бы я был склонен к жалости, — в тот момент мой голос прозвучал достаточно резко, — я бы тогда не разбил тебе нос.

— Это говорит лишь о твоей эмоциональности, но никак не о безжалостности, — усмехнулся юноша, и я вскипел еще больше от того, как он себя преподносил: будто нет в «Хартвуде», а то и во всей стране, человека умнее. И иногда мне казалось, что я начинаю верить в это.

— И что? — вновь фыркнул я, заведя ладони за спину.

— Это слабость, — протянул парень. — А слабость — это проигрыш.

В тот момент я хотел что-то возразить ему, но он развернулся и хлопнул балконной дверью, оставив меня в одиночестве. А фонарики в саду все горели, напоминая, что в этом мире еще много всего прекрасного. И даже захотелось спать.

В воскресенье всегда можно было оставаться в постели дольше. Но только не сегодня:

звонкий детский смех и громкие крики со школьного двора заставили меня проснуться не по своей воле. Но я все равно был впечатлен — почти целый месяц мне не удавалось спать до одиннадцати утра. Моего соседа не было в комнате: на удивление, его постель была слишком аккуратно убрана, книжки расставлены едва ли не по алфавиту, а на полу не валялось ни единой его вещи. Все это казалось очень непохожим на Гаррета, как и то, что я не слышал его тяжелую поступь, будучи спящим. День, казалось, готов преподнести что-то еще: юноша явно нервничал все утро, и, видимо, не знал чем себя занять. Я страдальчески простонал, поднявшись и захлопнув приоткрытое окно, чтобы визг младшекласников не портил день с самого утра. Мне и так казалось, что пресловутый осенний бал по умолчанию делает день хуже всех остальных. Передо мной все еще стоял выбор — пойти или остаться в стороне. Но вчерашние слова Арлена о том, что Лили будет счастлива видеть меня, врезались в память, и я практически изменил свое решение. Мне хотелось увидеть по-настоящему счастливую Блейн.

После утреннего душа в голову пришла идея найти наряд, соответствующий событию, но сколько я ни перебирал свои немногочисленные рубашки, остановиться на чем-то одном не мог: я беспокоился, что не буду соответствовать остальным, хотя всегда всячески пытался убеждать себя, что неподвластен толпе. В конце концов, на редкость утомленный, я взглянул на себя в зеркало и безразлично махнул рукой. Темные брюки, рубашка глубокого синего цвета с кожаными вставками на плечах и черные оксфорды казались мне вполне подходящими вещами. Я никогда не любил наряжаться или слепо следовать зачастую безумной моде нашего миллениума, но чувство вкуса во мне воспитывала мать. Она часто помогала мне с выбором, объясняя главное правило — важно, чтобы вещь хорошо сидела. Я руководствовался ее мнением и всегда нравился себе в обновках.

После, я немного покривлялся перед зеркалом, а затем разделся и повесил все на спинку стула. Младшекласников во дворе собралось еще больше; мне повезло, я не слышал их восторгов, зато через гладь оконного стекла мог наблюдать за играми, связанными с осенним фестивалем. Дети часто становятся героями книг. Может быть, из-за этой непринужденности, которой не хватает взрослым?

Час за часом длилось мое мучение скукой, и даже не хотелось идти на обед. Я хватался за книги, надеясь спастись меж страниц, но даже единственные друзья сегодня не принимали меня — я не мог сосредоточиться, не мог погрузиться в чтение, как делал это обычно. Пару раз я высовывался из комнаты, но, увидев коменданта, бросался обратно, чтобы тот не поймал меня за бездельем: я слышал, как этажом ниже суетились ученики, совершая последние приготовления к балу. Я даже пробовал вздремнуть, и в этом мне помог дождь, разогнавший веселившихся во дворе. Мне казалось, я нервничал. Не так, как нервничают перед экзаменом или встречей с дорогим человеком. Это чувство было тяжелое, словно камень на шее, гнетущее, темное и разъедающее. Все это время меня преследовало ощущение какой-то беды. И чем ближе был бал, тем сильнее болело внутри. Я не впервые заметил это за последние несколько дней.

Ровно в шесть я поднялся с кровати и без суеты облачился в выбранный наряд, а затем пригладил растрепавшиеся волосы и сделал попытку надеть жизнерадостную маску. Тщетно. Сквозь фальшивый излом губ все равно проступал меланхоличный Нил Джонатан Уэбб. Дверь скрипнула, зашел Гаррет, который, как оказалось, пропадал на тренировке — я научился определять это по запаху его тела, даже не оборачиваясь. Наспех он разделся, и порядок, продержавшийся в комнате рекордные несколько часов, растворился, словно и не

был.

— Вообще забыл, Нил, — лаконично и с придыханием объявил Манн. — Но если ты подождешь меня, то пойдем вместе.

— На этот бал? Без проблем, — пожал плечами я и уселся на край стула, ногой незаметно пнув брошенные вещи соседа под его кровать. Юноша тут же накинул на плечи растянутую футболку и в таком виде направился в душевую, прямо по людному коридору. Мне оставалось лишь вздохнуть и вновь ждать.

Все праздники «Хартвуда» проходили в специально отведенных для этого помещениях. Одно служило для концертов, а другое для подобных мероприятий. Сразу же мне вспоминалась школа в Рочестере с ее маленьким спортивным залом, где проходило все, начиная от ежегодных танцев и заканчивая торжественными выпускными. Здесь же было иначе — моя нынешняя школа вдоволь могла нахвастаться всем, что могло с толком занимать учеников в свободное время, будь то бальные залы, спортивные площадки, библиотека и даже сад, в который я был безнадежно влюблен. Уже через полчаса я и мой старший товарищ, облаченный в обыкновенный официальный костюм, который смотрелся на нем, мягко сказать, странно, спускались по лестнице. Мимо нас то и дело проходили нарядные довольные девушки и хохочущие юноши. Гаррет здоровался с некоторыми из них, а при виде местных красавиц забавно подмигивал мне. Но отчего-то мне было совсем не до них. Низ живота уколол легкий спазм, едва я заметил компанию своих одноклассников, толпящихся возле распахнутых дверей зала. В их числе были мои обидчики, и та девушка, о которой сосед говорил совсем недавно. Они довольно непринужденно окинули меня взглядами и продолжили беседу, что показалось мне по-настоящему странным. Я уже приготовился принять едкую насмешку или получить в лоб какой-нибудь канцелярской мелочью. Манн же, стоило мне обернуться, куда-то исчез, будто его со мною и не было. Не то чтобы это обидело меня в тот момент, просто теперь я ощущал себя потерянным и одиноким среди незнакомых и враждебных мне людей. Но сразу же я переключился на красоту, царившую в зале. Нужно было отдать должное тому, кто заботился об оформлении помещения к празднику: повсюду были развешаны гирлянды из пожелтелых листьев, а стены украшали бумажные бабочки, сделанные детьми. Это создавало атмосферу настоящего осеннего праздника, будто здесь поселился сам октябрь. Я не мог похвастаться, что любил это умирающее время года, но в первых двух месяцах все-таки умел находить светлое очарование.

Словно отшельник, в одиночестве я подпер собою стену в самом дальнем углу и попытался разглядеть собирающийся народ. Мне не нравился стоящий гул, но в него, словно лента, вливалась тихая мелодия, и я пытался сосредоточиться только на ней. Девушки не носили вычурные наряды, в основном их заменяли легкие пастельные платья длиной в пол. Юноши, как на подбор, носили костюмы, а кто-то даже пришел в повседневном школьном пиджаке. Я плохо видел, но пропустить мимо платье роскошного бутылочно-зеленого цвета просто не мог — оно цепляло взгляд, равно как и его статная хозяйка. В очередной раз я отметил, насколько хороша Леона: ее изящным плечам и светлой коже не было соперников, а про густые светлые волосы, стянутые в привычный высокий хвост я мог даже не говорить. Только, в честь праздника, они не были прямыми, словно тягучая карамель, а больше походили на легкие волны. Эта девушка, бесспорно, могла стать книжной героиней, но меня пугали ее глаза. Все, что я мог прочесть в них, — безнадежная усталость. Через несколько секунд Леона заметила меня и, горделиво отведя взгляд, переключилась на свою подругу. Я

поежился и продолжил наблюдать: за руку девушку схватил подоспевший Колин и потянул ее к компании одноклассников. Она и ее брат походили друг на друга, не столько по характеру, сколько внешне. Понять, что они родственники, можно было по их абсолютно идентичному цвету волос, цвету глаз и стати. Но я знал, что они не близнецы и родились в разные даты одного года. Это казалось мне невероятно странным.

Люди все подходили, и время неумолимо несло. Недалеко от себя я заметил мисс Элизабет, с организаторской проворностью беседующую с учениками. Мне было неуютно среди веселящихся, ведь каждый раз казалось, что смеются они именно надо мной. Но внезапно зал застыл в изумлении — порог перешагнул высокий темноволосый юноша, рука об руку идущий с девушкой. Не узнать Блейн было нельзя, и настолько комично она смотрелась рядом с холемым и мужественным Дарси, что мне вновь стало жаль ее. Я давно отметил, что Лили не отличалась особенным вкусом, вот и сейчас на ней было болотно-зеленое платье, узкое ей в груди и плечах. Видимо, от тесноты лямки натирали кожу, и одноклассница то и дело поправляла их, глуповато улыбаясь. Краситься Лили тоже не умела, поэтому серо-черные синяки под ее глазами, называвшиеся подводкой, тоже вызывали лишь жалость. Зато ее спутник был красив, как никогда, — ему безумно шел его каштаново-коричневый костюм и черная изящная бабочка, стягивающая ворот. Парня не портил даже заметно разбитый нос. Толпа ахнула, и девушки моментально стали шептаться. Изумилась даже мисс Элизабет, едва не выронившая свой листок со вступительной речью.

Мир вновь исказился. Блейн не удивила меня, зато удивила остальных. А Дарси... Мне показалось, или он улыбнулся мне?..

Примечания:

Жан Батист Гренуй — главный герой романа Патрика Зюскинда "Парфюмер".

Мгновение — доля секунды. А мое мгновение, казалось, длилось тысячи лет. Нет, он действительно улыбнулся мне, причудливо и мимолетно. Но мне хватило и этого, чтобы робко опустить взгляд под натиском этой невероятной силы. Осторожно, будто боясь сломать, Дарси обхватил ладонь Лили, с подчеркнутой надменностью окинув взглядом присутствующих, и внезапно стало так холодно, что я сравнил себя с Люцифером, покоящимся в девятом круге ада. Другой рукой юноша поправил свои едва вьющиеся волосы, чем заставил ахнуть большую половину девушек в зале — это было выразительно, но в то же время его движения были непринужденны и легки. Перед парой расступались люди — Арлен вышагивал по-королевски широко, Блейн семенила за ним, шурша мятым платьем. Мне оставались лишь тяжелый вздох и непонятная зависть. Хотя я не знал, чему завидую.

Все это время в зале стояла тишина, изредка прерываемая шепотом. Но мисс Элизабет уже пришла в себя и собралась с силами объявить начало мероприятия. Будто все ждали появления именно этой необычной пары.

— Прекрасный вечер, — произнесла наша классная наставница, и писк микрофона ударил по ушам. Через несколько секунд она продолжила. — Для прекрасных учеников «Хартвуда». Надеюсь, наше мероприятие поможет вам провести время с пользой, научиться новому или узнать себя с какой-то иной стороны. Ведь все мы многогранны и уникальны. Я не буду говорить много, потому что мы ценим каждую секунду этого вечера...

— До десяти? — выкрикнул из толпы Колин, по-хозяйски оперевшись на плечо сестры.

— Лично тебе до девяти, — не растерялась мисс Элизабет, но тут же вновь подарила окружающим вежливую улыбку, решив на этом закончить. — Музыка!

Из массивных колонок, подвешенных во всех углах помещения, заиграл незнакомый мне вальс. Я плохо разбирался в музыке, особенно классической, хотя без труда мог узнать около двух десятков приевшихся сочинений австрийских и немецких классиков. С неохотой я слушал и современную музыку: лучшей мелодией я считал тишину, а самой пронзительной песней — молчание. Зато танцевать я умел, об этом позаботилась мама, в одинокие вечера развлекая себя моим обучением. Не то чтобы я был способным учеником, но отказать ей, так нуждающейся в поддержке и моем присутствии, просто не мог. Будь мы полной семьей, я бы фыркал и говорил: «Танцуй с папой!» А мама бы смеялась и включала любимые вальсы, кружась по гостиной со своим мужем. Но ее холодные руки держал я, потому что все было не так, как мне давно мечталось.

Лили тоже неплохо танцевала. Мои глаза, словно на охоте, следили за единственной парой, хотя несколько раз я цеплял взглядом Колина с Леоной, утомленной и такой безразличной, что невольно я кривил губы. Девушка, несмотря на все ее великолепие, казалась мне отвратительной. А особенно меня раздражала ее спесь и тот неприятный взгляд, который я порою ощущал на себе. Шаг, снова шаг. Скрипка, фортепиано. Зеленое, коричневое. Нил Джонатан Уэбб. Один. Я не двигался, но мои зрачки танцевали вместе с Дарси и Блейн, которые уже не смотрелись вместе настолько нелепо, как поначалу. Его руки бережно ложились на ее талию, а длинные пальцы девушки впивались в плечо партнера так, будто тонули в нем. «Ему же больно, отпусти», — мысленно скомандовал я, но сразу устыдился, потупив взгляд. Такая бестактность, даже внутренняя, немая, пугала меня. Я был не единственным, кто пришел один: возле стены стояло большое количество народу. Одной

из них была моя одноклассница, но едва я взглянул на нее, как она тут же отвернулась, сделав вид, что не заметила. Какие же они все... подвластные воле Колина. Но это не очень и обидело меня. Мне хватало и взглядов. Сегодняшний вечер не был похож на тот, что я себе представлял накануне: никаких пышных нарядов, вееров и аристократизма. По-настоящему на аристократов походили только Дарси и Леона. Невольно я даже представил их в паре и восхитился, ведь без сомнений, вместе они смотрелись бы идеально. Но только мой темноволосый знакомый не смотрел на ослепительную девушку. Он не смотрел никуда. Или же... Вновь я поймал его взгляд. Но уже без улыбки. Зачем? Мы не друзья. Не враги. Никто. И от последней мысли мне стало немного не по себе. Мне было тяжело это принять, но Арлен был интересным человеком, и единственным, с кем мне захотелось стать хоть немного ближе.

За танцем шел другой танец, менялась музыка, партнеры. По залу разносился смех тех, кто, столпясь возле стены, делился школьными сплетнями. Я поежился и в очередной раз опустил взгляд. Мне хотелось уйти, но казалось, что это будет слишком заметно, а значит неловко. Внимание не было приятным, поэтому, медленно мучая себя, я продолжал стоять в одиночестве. Наконец-то удалось разглядеть Манна: вальсировал он неуклюже, зато от души. Юноша вел себя вполне обычно, танцевал, видимо, с одноклассницами, посмеивался и кривлялся. Но вечно поворачивал голову, пытаясь обернуться назад, да так, что казалось, сейчас он свернет ее. Его глаза усиленно выискивали кого-то в толпе танцующих. Может, он раскаялся, что бросил меня одного?.. Вальс сменялся на другой вальс, затем музыка веселела, а после вновь наполнялась светлой грустью. Ноги устали держать меня и по стене я сполз вниз, тяжело вобрав в себя сухой воздух, пронизанный запахом пяти десятков парфюмов. Именно столько, по моим представлениям, здесь было народу, включая учителей, кураторов и безжалостного коменданта. Я, было, начал скучать, опять наблюдая, как меняются многие пары, но внезапно музыка поутихла. Колин, вышедший на середину, громко захлопал в ладоши. Народ столпился вокруг белокурого парня, и я, не желая оставаться в неведении, тоже поспешил подойти. В руках одноклассник держал деревянный ящик, до самого верха наполненный какими-то бумажками. Я напрягся и отступил, хотя не почувствовав ничего враждебного, решил дослушать. С другой стороны круга я разглядел невозмутимого Дарси и такую же напряженную, как я, Лили.

— Ежегодная игра для классов шесть-один и шесть-два, — громко объявил затейник и встряхнул коробочку, накрыв ее крышкой. — Те, кто младше, могут не соваться.

Тут же с разочарованием толпу покинула четверть стоявших, и зал разбился на небольшие компании. Мягкой поступью, все такая же невеселая и безразличная, с похожим ящичком подросла Леона, буквально сунув его в руки брату. Тут же девушка пробежалась взглядом по толпе, и я наконец-то вновь услышал ее голос, резкий и строгий:

— Если кто-то не знает правил, то напоминаю. Из ящика тянем одно имя. Этот для девушек, — Леона кивнула на верхнюю коробку, а затем на нижнюю. — А этот для остальных.

— Для остальных... — нахмурился один из моих одноклассников, со злостью взглянув сначала на девушку, а затем на ее брата. — Твоя сестра не много себе позволяет?

— Я сама отвечаю за себя, — отрезала белокурая, но брат сразу ее перебил:

— Замолчи. Обращались не к тебе.

Компанию тут же обняла тишина. Заметив напряженное внимание толпы, Колин постарался улыбнуться присутствующим, а затем продолжил, как ни в чем не бывало:

— Человек, чье имя вы вытянули, будет танцевать с вами один танец. Играем в две половины. Разделитесь, и начнем, — юноша первый запустил руку в один из ящиков и достал оттуда имя, громогласно объявив. — Ребекка!

Кудрявая девушка, стоящая неподалеку, мученически вздохнула и театрально сдула с лица прядь волос. Затем имя вытянул Денни, после него — Этан. Темноволосые расхохотались, сохранив имена в секрете, чем немного озадачили присутствующих. После них настала очередь юноши, которого я уже видел однажды, Вацлав, тот самый парень, считающий Арлена другом. Вытянув листочек, он таинственно обвел глазами свою публику, но долго мучить девушек не стал: — «Агата!» Затем коробка начала путешествовать из одних рук в другие, и я немного зазевался, когда она, наконец-то, добралась до меня. Я отвлекся от созерцания бабочек из золотой бумаги и с неловкостью обратил взгляд на Колина. Тот, будто бы никогда и не обижал меня, подбадривающе кивнул. Моя рука скользнула в коробку, и внезапно губы присутствующих начали кривиться от ухмылок. Осторожно я достал листочек и зажал его в ладони, не понимая, что происходит. А вокруг компании старших классов вновь наступила тишина. Я разжал кулак и взглянул на имя. Затем вновь взглянул. И вновь, решив, что этого не может быть. Это была не та коробка...

— Ну, кто там у тебя, Уэбб? — пытаюсь сдержать смешки, поинтересовался Этан.

— Да, кто, Нил, скажи нам? — подхватил Денни.

Во рту пересохло, а мои щеки налились алым. Нет, я не мог этого сказать. Но промолчать было бы глупее. Поэтому, стараясь держать самообладание, я ответил:

— Арлен.

Без сомнений, одноклассники подсунули не ту коробку, стоило мне лишь зазеваться. Испуганно я поднял глаза к лицу Дарси, будто я был в чем-то виноват. А юноша молчал. Смотрел на меня и молчал. Музыка становилась громче — перерыв закончился. А вокруг меня все еще стояли люди, наслаждаясь моей беспомощностью. И едва я успел сжать кулак, чтобы скомкать листок и запустить его в обидчиков, Арлен сделал шаг навстречу, и на глазах изумленных ребят вытянул меня на середину зала. Видимо, такого поворота событий не ожидал никто, даже Колин, поэтому все дружно обратили на нас взгляды. Руки моего партнера были горячими, словно уголь из непотухшего костра. Голова тут же закружилась, и я сделал неловкий шаг, заставивший партнера нахмуриться. Невозмутимо он опустил ладонь мне на талию, а другою рукой с силой сжал мою кисть, да так, что меня будто парализовало.

— Не бойся побеждать. И ты будешь победителем, — престранно произнес Дарси, пытаюсь слиться с мелодией. Его плечи гордо расправились, а сам он гордо вытянулся, готовый вести.

— А ты побеждаешь? — спросил я, опустив брови к переносице и повинуясь ритму танца.

— Я просто не соревнуюсь, — отчеканил собеседник.

Я ничего не ответил и, стараясь не смотреть на окружающих, считал шаги, чтобы не сбиться. Но я ошибался и оступался несколько раз: шеи касалось дыхание партнера, такое же горячее, как его руки. Будто весь Арлен был создан из огня: пылал им, дышал им, источал его. Но быть ведомым мне нравилось больше, чем вести, ведь мне не приходилось ни о чем думать. Дарси был выше и плечистее сублильного меня, на долю секунды мне стало даже комфортно рядом. Однако, стоило лишь вспомнить о сотне глаз, сверлящих нас с недоумением, я терялся. Арлен практически не замечал никого вокруг, и наслаждался мелодией. «O Fortuna!» Орфа, под которую нам выпало танцевать, идеально отражала гамму

моих чувств — от смятения и стыда до некоего наслаждения. Дарси танцевал слишком хорошо. Внезапно я вспомнил про Лили и, повернув голову, взглядом зацепил свою одноклассницу. Она стояла не двигаясь, а на искаженном лице девушки читалась горечь и недоумение. Блейн было больно. Ей было стыдно. Унизили не только меня, но и ее. Заметив, что я засмотрелся, Арлен ловко отстранил меня, а затем вновь притянул к себе, полупрошептом произнес:

— Ты знаешь, что танец даже интимнее, чем банальное занятие любовью?

— Не задумывался, — огрызнулся такой наглости я, но заставить свои налившиеся краской щеки вновь вернуться к своему цвету не мог. Дарси вновь говорил странные вещи, от которых по шее и до самых кончиков пальцев бежали мурашки. «Он просто учит меня побеждать», — убедил себя я и немного успокоился. Финальный аккорд. Трагичный и торжественный. Я утер испарину со лба и поспешил отстраниться, заведя за спину вспотевшие ладони. Темноволосый юноша вскинул голову и, промолчав, вновь направился к своей спутнице. Молчали и все остальные, не в силах подобрать слов. Молчал и я, полностью погруженный в самого себя.

Я ненавидел Дарси. Но с ним мир становился миром.

Сегодня первый раз в жизни я получил удовольствие от вальса.

Вечер удался. Я вернулся раньше, чем предполагал, и, едва захлопнув дверь, уселся на край стола. Все тело ломило, охватывало жаром, а мысли рассыпались и рассыпались, как бусы матери, которые та однажды случайно порвала. Все остальное время, что я провел в зале, Арлен даже не смотрел на меня, развлекая своим присутствием и разговорами Лили и Вацлава. Ей, наверное, нравилось это: впервые в этой школе кто-то был обходителен с ней, да и не просто кто-то, а сам Дарси. Поляк тоже казался приятным, и в его жестах и взглядах на мою подругу я не видел ничего враждебного. Зато, как смотрели на Блейн другие девушки... Все-таки я надеялся, что это не обернется для нее чем-то неприятным.

За мною тут же зашел сосед, споткнувшись о небольшой порог. Гаррет рассмеялся и обратился ко мне:

— Вы так классно танцевали.

Почему-то меня не удивило то, что он отметил это, едва увидел меня. Я сразу поспешил оправдаться. Было неловко, ведь кто-то мог уловить в этом танце совсем не то, что было на самом деле.

— Меня хотели разыграть. Но Арлен выручил.

— Да, Дарси довольно непредсказуем. Играет на публику. Такой он. Но ведь ты говорил, что вы недолюбливаете друг друга?

— Так и есть.

— Тогда это странно. Если бы так было, то он не выручил бы тебя, — уже без улыбки произнес старшеклассник. Когда Манн уставал, он казался серьезнее. — Пару лет назад, помню, один парень чем-то шантажировал Дарси. Правда, так никто и не узнал, чем. Может, это был просто слух. Но суть в том, что едва Арлен узнал об этом, парень перевелся.

— Я ничего не знаю, — покачав головой ответил я. — И знать не хочется. По крайней мере, сегодня. Я буду спать...

Собеседник кивнул, погасил свет и включил для себя настольную лампу. Мне нравилось, что Гаррет умел меня понять.

Примечания:

Люцифер в "Божественной комедии" Данте несет свое наказание, вмерзнув в лед.

O Fortuna — первая композиция пролога сценической кантаты немецкого композитора Карла Орфа.

Осень вечно роняет слезы. За это я не люблю ее: она рыжая, печальная, продрогшая и измученная. Не то что расцветающая молодая весна. Мокрые ржавые листья клеятся к стеклу, будто просятся внутрь. А я прикладываю ладони к его мутной от дождя глади и разглядываю почерневшие узоры, венами пронизывающие некогда кленовый наряд. И что-то под ребрами жрет меня, тянет, мучает. Но только тело тут не причем: это не травма, это не болезнь, это — тоска. Я знал, каково это, испытывать одиночество. Но сегодня оно не было приятным. Не было приятным и вчера, позавчера, и даже неделю назад. В «Хартвуде» все некогда теплые мне чувства становились горькими и тяжелыми. Но я знал, что делаю это не ради кого-то, а ради своей семьи. Не будь меня рядом, все наладится. Ведь то, из-за чего мои родители изводили друг друга, — единственный сын. Чем дальше я, тем холоднее мне, но теплее им. По крайней мере, мне хотелось так думать.

— Нил Уэбб, — прервал мои размышления учитель, и я тут же оторвался от себя самого, недоуменным взглядом окинув мистера Бронкса. — Так сколько новелл в «Декамероне»?

— Сто, — ответил я, заставив присутствующих заскучать. Видимо, те ожидали, что я ошибусь, и уже приготовились смеяться. Все равно было только Леоне, с пренебрежением разглядывающей иллюстрации книги. Хотя, почему это не удивило меня?..

Когда я впервые увидел свою ослепительную одноклассницу на уроке литературы, который посещали всего пять человек, страшно удивился: образ красивой девушки с книгой давно был вытеснен образом той же красивой девушки, но только с бестолковым журналом или мобильным телефоном в руках. Но не то чтобы я мыслил стереотипами. Просто Паттерсон — такова была фамилия Леоны и ее брата — казалась мне настолько красивой, что я и не мог представить для нее занятие, никак не связанное с внешностью. Признаться, мое первое впечатление оказалось обманчивым, как и о многих вокруг. Ей нравились литература, нравились книги, нравились пронизанные чувством строки, но расспросить девушку обо всем мне не хватало смелости. К тому же, я не был уверен, что она вообще захочет со мной говорить. Я часто ловил на себе взгляды темно-синих глаз, и каждый раз видел в них глубокое презрение и бездонную усталость.

Слушать мистера Бронкса я не мог. Не сказать, что он был плохим учителем. Порою, он даже удивлял меня тем, что столько знает о средневековой литературе. Но сегодня явно не такой день. Голос мужчины был далеким, а все вокруг — эфемерным. Сейчас я жил внутри себя. В своей жизни я никогда ничего не писал, хоть и всегда мечтал создавать книги. Казалось, что все мои знания и чувства — крупички в нашей вселенной, которые вряд ли подарят людям новую историю. Но сейчас все было иначе. Из-под моих пальцев родились настоящие строки, поселившись на первой странице некогда пустого блокнота. Всего два четверостишия, но мне казалось, что я сделал гигантский шаг навстречу своей мечте. Это было мое первое стихотворение. Я бережно расправил лист, и, гордый собой, наконец-то обратил внимание на учителя. Но было поздно. По коридорам пронесся звонок с урока.

— Читаем Данте, друзья. Все помнят? — произнес Бронкс, и Леона с очарованием Беатриче кивнула старику в ответ. Я даже не удосужился ничего записать — сразу же понесся к выходу, прижимая к груди блокнот. Мне не верилось, что я сумел что-то сотворить, поэтому спешил к себе, вновь прочесть и осознать, что это так.

— Эй, отшельник, твой карандаш, — раздался голос сзади, но я не обратил внимания, увлеченный лишь одним. По-моему, это был момент, который полностью определил мою судьбу.

Я спустился по лестнице и сразу направился к выходу, хотя обещал себе свернуть в сторону библиотеки и позаимствовать «Божественную комедию». Однако было не до этого. Блокнот был теплым — в нем поселились живые строки. Я не знал, о ком писал, просто чувства внезапно вылились разом, и этот ливень из эмоций накрыл меня прямо на занятии. Непередаваемое ощущение: жар в сердце, бегающие мысли, сбивчивое дыхание. И карандаш, скользящий по белому листу, ломающийся грифель оттого, что спешишь, боясь забыть свою мысль. До сегодняшнего дня я не знал ничего подобного. Должно быть, это то, что зовут вдохновением.

Я вышел из учебного здания и направился в сторону общежития, потупив взгляд, вокруг меня было много народу, следовавшего туда же. Я заметил, что был единственным, кто не накинул куртку. На улице заканчивался октябрь, и погода уже не походила на летнюю, как это было в первый месяц учебы. И сколько же я успел здесь вытерпеть? Хватит ли у меня сил дойти до конца? Ну вот, уже рядом родное общежитие, заменившее дом. Стоит мне запутаться в мыслях — и время ускоряется в несколько сотен раз. Знакомые лестницы, мой этаж. Я стремительно приближался к своей комнате, но внезапно почувствовал, как кто-то потянул меня за шиворот. От неожиданности я выронил блокнот и резко обернулся, взглядом встретившись со своим главным обидчиком. Колин как всегда ухмыльнулся и жутковато подмигнул. Внезапно он заметил мою вещь и нагнулся, чтобы поднять ее.

— Не смей трогать! — престранно завопил я, но Денни, толкнув, отбросил меня к стене. Тут же вокруг начали собираться соседи-зеваки.

— Почему? — издевательски протянул юноша, листая пустые страницы. — Хранишь здесь что-то секретное? Письма к возлюбленной Блейн?

— Заткнись, — вновь с пеной у рта прокричал я и дернулся в попытке отобрать свою вещь. Но вновь ощутил удар в плечо и застыл, будто пригвожденный к стене. Тем временем Колин отыскал нужную страницу и рассмеялся, едва глаза коснулись строк:

— Нет, вы только послушайте. Уэбб у нас поэт!

— Читай! — взвизгнул от восторга один из близнецов, и белокурый юноша начал читать с абсурдной наигранностью:

«Мне взгляды твои — штыки.

И руки твои — огонь.

А кожа твоя во мне

Рождают болезнь, лишь тронь».

— Прекратите! — попытался остановить мальчишек я, но Этан взял инициативу в свои руки, выхватив блокнот из рук друга:

«Вкус ночи бессонной познав,

В себя я вонзаю клыки.

Мне руки твои — огонь.

И взгляды твои — штыки».

Моментаально мои одноклассники громко захохотали и вогнали меня в краску. Я был зол. Зол и взбешен, как никогда прежде. Я даже не задумался о том, что может худой низкорослый мальчишка против троих высоких соперников. В тот момент мною руководила звериная ярость и обида, заставившая глаза наполниться слезами. А одноклассники все

смеялись и смеялись, но громче всех — Колин, виновник моего позора. Однако я не растерялся, чем удивил обидчиков. Ноги сами сделали шаг, затем другой, и я застыл напротив Паттерсона, хмурия брови и не обращая внимания на проступившие слезы. Не знаю, как это пришло мне в голову, но мои осмеянные первые стихи стали последней каплей. Я размахнулся и кулаком изо всех сил ударил Колина в челюсть. Вокруг воцарилось молчание. Зеваки расступились и в страхе начали медленно отступать. Все знали, что бывает в школе за драки, и даже за косвенное присутствие на них. Тем временем юноша пришел в себя и, утерев проступившую кровь на губах, изо всех сил толкнул меня. Я рухнул, ударившись коленями о прохладный паркет. Удар под ребра не заставил себя ждать — Денни тоже не растерялся. Я накрыл лицо руками, но это не помогло — со всех сторон на меня сыпались побои. Сопротивляться было практически бесполезно, через минуту я закашлял и сплюнул кровью, которая только раззадорила моих обидчиков. А народу вокруг становилось все меньше: никто не желал попасться на такой жестокой расправе. Игры моих одноклассников начинались по-детски наивно — с обзывательств, и достигли физической расправой. Что будет дальше? Они убьют меня?..

Внезапно сквозь туман, тошноту и головокружение, я услышал знакомый голос: «Пошли вон!». А затем характерный звук удара. Я поднял глаза и уперся взглядом в Колина, застывшего у стены. И он успокоился, как-то осел, замолчал, потупился. Был в шоке. А из носа юноши тонкой струйкой поползла бордовая кровь, как тогда, в душевой, только... Я резко обернулся и увидел своего спасителя. И не удивился. Им был Дарси. Вездесущий Арлен, которого я будто подсознательно ждал. Юноша не первый раз приходил мне на помощь, и от случая к случаю мне становилось все более неловко за это. Было заметно, что Колин и близнецы опасаются старшеклассника с крайне дурной славой. Я помню, как смотрела на него мисс Элизабет.

— Если я еще раз замечу, как вы распускаете руки, — голос брюнета прозвучал по-жуткому холодно, — я перестану отвечать за себя. Я не держусь за место в этой школе.

Паттерсон фыркнул, и, не сказав ни слова, развернулся в сторону своей комнаты, утирая нос платком. За ним поспешили его друзья, раздвигая круг ребят, оставшихся посмотреть развязку. «Какой же Дарси классный!» — раздался девичий голос из толпы. За ним другой: «Но даже страшно подойти, какой взгляд!». «Вы видели», — вновь завопил кто-то, — «его даже Колин боится».

— Встать сможешь? — абсолютно равнодушный к репликам, обратился ко мне Дарси.

— Могу, — ответил я и процедил воздух сквозь зубы. Боль была терпимой, но неприятной. Едва поднявшись, я обратил внимание на свои брюки — колени насквозь были пропитаны кровью.

— Не первый раз я нахожу тебя валяющимся на полу. Кстати, — брюнет наклонился и поднял мой блокнот, — это твое?

— Да, спасибо, — с вымученной улыбкой произнес я и любовно прижал вещь к груди. Тем временем Дарси ухватил меня за рукав и потащил совсем не туда, куда я планировал идти. Он был сильным и требовательным.

— Эй, — удивленно возразил я. — Куда мы? Мне нужно в госпиталь. Я разбил колени.

— Угу, — с явным сарказмом произнес мой спаситель. — А через неделю будешь ночевать у себя дома. Если ты, а тем более я, вновь попадемся на каком-то инциденте, то последствия не будут приятными.

— Но у меня колени кровоточат! Отпусти меня, остановись и взгляни!

— Ничего. У меня в комнате есть аптечка. А пара синяков — это урок.

Я озлобленно вздохнул и отдернул рукав, за который меня держал Арлен. Этот юноша всегда пытался вести себя так, будто я был ребенком, а он — прожившим жизнь мудрецом. Это невероятно раздражало, и из скромного мальчишки в такие моменты я превращался в мистера Хайда. Через мгновение руки требовательно втолкнули меня в помещение и, споткнувшись о высокий порог, я обернулся, гневливо взглянув на хозяина апартаментов. Комната была не больше нашей с Манном, и Арлен тоже делил ее со своим соседом. Такие же кровати из светлого дерева, стол, два стула, узкие шкафы для одежды. Единственное, что отличало наши комнаты, — огромный белый ковер из мягкого ворса и практически идеальный порядок. На нише аккуратно стояли в ряд книги и учебники, никакой одежды на полу, а на столе не валялись обертки от конфет. И запах. Тот самый мятный запах окутывал помещение.

— По-моему, спасти тебя — моя судьба, — начал Дарси, едва закрыл дверь.

— А вот по-моему, нет. Однажды ты чуть не убил меня, — я скривил от боли губы, но мой собеседник тут же указал на левую кровать, и я послушно присел на край.

— Ну и что? Если честно, иногда мне хочется вновь. Ты — настоящая живая проблема.

Я насупился и отвел взгляд к окну. Заметив это, брюнет едва улыбнулся и продолжил:

— Ладно, не обижайся. Я не со зла. Ты вносишь хоть какое-то разнообразие в мою жизнь.

— Я вношу разнообразие в жизнь всех подряд, только не в свою собственную, — вздохнул я и обратил глаза к юноше. Он аккуратно извлек из нижних ящиков кровати коробочку, и открыл ее, поставив на стол. В ней лежала вата, антисептик и еще много всякой ерунды.

— Снимай брюки.

— Снимать что? — возмутился я, но Арлен был непреклонен:

— Брюки. Плохо слышишь?

— Зачем?

— Как я обработаю твои колени через ткань? Или ты еще и слабоумный?

— Нормальный, — фыркнул я и потянулся к ремню. Нет, Дарси действительно хотел помочь, но это была настоящая пытка смущением. Пряжка звякнула, я разделся и стыдливо натянул рубашку пониже, чтобы не показывать нижнего белья. — Это ты странный, как Улисс.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Улисс? Кто это? — старшеклассник опустил передо мной на колени, и я затаил дыхание.

— По-латински — Одиссей.

— А что общего у меня и Одиссея? — удивился Арлен, прикладывая ватный диск, смоченный в антисептике, к правому колену. Я дернулся от боли, но парень опустил горячую ладонь на мою ногу и строго взглянул. Я вновь замер и ответил:

— Забудь...

Дарси пожал плечами и свернул грязную от крови вату, бросив ее в целлофановый пакет. Затем он вооружился пластырем и крестообразно заклеил колено, предварительно подув на него. По коже пронеслись мурашки, и я вновь невзначай дернулся.

— Такая уж пытка? — иронично обратился ко мне собеседник, подняв медовые глаза к моему лицу. Теплый цвет, но такие холодные...

— Тебе подходит образ инквизитора.

Осторожно мой спаситель проделал то же самое и с другим коленом. Боль начала постепенно потухать, хотя с самого начала спирт ужасно щипал кожу. Обработывал раны юноша уверенно, будто уже не раз занимался подобным. Затем он поднялся и немного прищурился, выискивая ранки на моем лице.

— И все-таки отделали тебя недостаточно сильно.

— Ты издеваешься? — воскликнул я, и скрестил руки на груди.

— Моя бы воля, я бы тебя совсем убил, — вздохнул старшекласник и опустился рядом со мной на кровать. — Расскажи о себе, Уэбб. У нас еще есть время до обеда.

— О себе?.. — моя уверенность сразу куда-то пропала, и я вновь стал самим собой. Сплета пальцы, я начал усиленно думать, с чего стоит начать. — Я из города Рочестер. Это родина Диккенса, он...

— О, прошу, только не о писателе. Диккенс давно сгнил в гробу, но о нем я знаю куда больше, чем о живом тебе.

Я откинулся на стену и вновь глубоко вдохнул, вбирая знакомый аромат. Теперь я понял, скорее всего, это был дезодорант Арлена. Так пахла вся комната, его одежда и кожа. Находиться рядом было мучительно. Я испытывал громадное напряжение, ведь этот тип был до жути непредсказуем. Но он выручал меня не один раз, и за это я испытывал свойственную мне благодарность и чувство вины.

— Я не знаю, что сказать. Я не считаю себя кем-то достойным, чтобы пересказывать свою биографию. Но я хочу стать писателем. Это моя мечта.

— По-моему, хорошая мечта, — ответил Дарси и тоже откинулся спиной на стену. Он был так близок, что я ощущал тепло его тела. — И что же ты пишешь?

— Ну-у... — заскромничал я, но отчего-то решился протянуть собеседнику свой блокнот. Это было моим ответом. Тот с интересом открыл его и принялся за чтение.

— Если честно, я ничего не понимаю в поэзии. Но как обыкновенный читатель могу сказать одно — мне понравилось, — таков был его вердикт. Мне стало теплее на душе. — Кому посвящены эти строки?

— Я... не знаю. Но здесь про любовь. Я никогда никого не любил, поэтому сейчас мне кажется, что в своем стихотворении я солгал.

— Чтобы писать об убийстве, не надо быть убийцей, — задумчиво произнес собеседник, стукнув меня корешком блокнота по макушке. — Значит, ты ошибся, когда сказал, что у тебя нет таланта. Я не могу утверждать, что это гениально, но мне кажется, у тебя все получится.

— Правда? — с надеждой обратился к нему я, и тот кивнул в ответ:

— Я никогда не лгу.

Дарси был не таким плохим, как казался. Он напоминал мне Леону — такой же гордый, такой же уставший, такой же красивый. Только Арлена отличал пытливый ум и несравненная проницательность. Мое напряжение спало, и я смог расслабиться рядом с ним, хотя он все еще виделся мне бесконечно странным. Я ничего не знал о нем: только то, что он редко улыбается, имеет крепкую хватку и здорово умеет обрабатывать раны. Еще я знал его запах, который теперь было сложно спутать с каким-то иным.

— А ты... Арлен. Расскажешь о се... — едва произнес я, как в кармане юноши зазвонил мобильный. Он поднялся с кровати и ответил на звонок, отправившись на другой конец комнаты. Было так тихо, что я мог слышать голос собеседника — это был Вацлав. Через

полминуты брюнет нажал отбой и обратился ко мне со своей привычной строгостью:

— Ладно. Одевайся и иди. Хватит с тебя моей благосклонности.

Я с горечью окинул взглядом лицо юноши и молча натянул брюки. А затем, захватив вещи, все в том же молчании двинулся к двери. Но я не отпускал сам себя. Мне ужасно хотелось остаться и сказать Дарси что-то еще. Почему он так резко поменялся?..

— Кстати, — не выдержал я, остановившись на пороге. — Спасибо, что выручил меня тогда на балу. Не было возможности сказать тебе спасибо.

— Закрой дверь и иди, — услышал я в ответ.

Примечания:

Беатриче — «муза» и тайная возлюбленная итальянского поэта Данте Алигьери.

Мистер Хайд — вторая личность доктора Джекиля, отражающая все негативные стороны главного героя. Из рассказа Р.Л.Стивенсона «Странный случай с доктором Джекилем и мистером Хайдом».

«**Ули́сс**» (англ. Ulysses) — роман ирландского писателя Джеймса Джойса, написанный сложной техникой «потока сознания». В литературных кругах шутят, что дочитать этот роман до конца — настоящее достижение. Назван в честь Одиссея (по-латински это имя звучит именно так), т. к по задумке автора в романе имеется множество отсылок к произведению Гомера.

Когда мне было двенадцать, я решил сказать своей матери, что собрался стать писателем. Почему-то она сочла меня сумасшедшим и строго заявила: «Будто ты не знаешь, что все писатели пьяницы, показушники и геи!». В тот момент я тяжело вздохнул и подумал лишь о том, что ей не стоило смотреть со мной фильм об Оскаре Уайльде. Не знаю, зачем я решил поделиться своей мечтой, ведь наперед предполагал, что не буду понят. Возможно, в тот момент я, еще ребенок, боявшийся даже самого себя, пытался найти поддержку. Тем временем мать продолжала всплескивать руками, только от восклицаний она перешла к вопросам: «Почему не адвокатом, как твой отец? Или как дедушка? Он был прекрасным ювелиром. Столько профессий, Нил, мой мальчик... Я обязана рассказать Эду!» Я вновь вздохнул и крепче сжал в руках «Коллекционера», спокойно наблюдая за тем, что происходит в моей комнате. Чай, который принесла мать, давно остыл, и я, едва отхлебнув, ощутил ненавистный вкус лимонной цедры. Мне было уже двенадцать, а она все еще не могла запомнить, что я терпеть не могу цитрусовые.

— Нора, — тихо произнес я, обращаясь к матери. Называть родителей по именам давно вошло в привычку. — Я еще твердо не решил.

— Правда? — она успокоилась, перестав причитать. И тут опустилась на край кровати, затем приобняв меня. Я через силу сделал глоток из своей чашки и положил голову ей на плечо. — Кстати, мне кажется, что эти детские обои в твоей комнате давно стоит переклеить. Ты уже такой взрослый, Нил. Так быстро растешь...

— Эй, Нил, ты уснул?..

— Нет, — встрепенулся я, шурясь от искусственного света. Вокруг уже почти не было людей, кроме Урсулы.

— Через полчаса я хотела закрывать библиотеку. Ты не высыпаешься? — собеседница опустилась на соседний стул. — Не заболел?

— Нет, — помотал головой я, все еще пытаюсь прийти в себя. Библиотека, Урсула, книги, уроки.

— Вообще, я могла бы дать тебе этот учебник с собой. Тебе необязательно проводить столько времени здесь. Семестровые каникулы длятся всего неделю...

— Все в порядке, — вновь возразил я, поднимаясь со своего места и собирая вещи. — Вы не видели Лили?

— Нет, Нил, если ты говоришь о Блейн. Возможно, я упустила ее, но, думаю, она бы поздоровалась, как делает это обычно.

Урсула такая многословная... Я любил общительных людей. Но, возможно, превращаюсь в мизантропа, вроде Дарси. Заразно. Кстати, пропущенный от Лили. Я встал и наспех собрал книги, вручив их уже полюбившейся работнице библиотеки. Все с той же нервной спешкой накинул на плечи куртку и двинулся к выходу, пробормотав что-то вроде: «Я зайду еще завтра. Обязательно. Не убирайте далеко». В ответ Урсула кивнула, а затем сочувственно помотала головой, то ли жалея меня, то ли недоумевая. Недавно она спросила меня, общаюсь ли я с кем-то из класса. Сперва я решил соврать, но вспомнив, что делаю это неубедительно, рассказал правду. После этого вместе мы хаяли Колина и близнецов. Урсуле не нравились люди, не умеющие заботиться о книгах. «Меж страниц душа, — говорила она, — и оставлять масляные пятна на бумаге, по-моему, истинное проявление свинства». Я

соглашался, хотя в тот момент мне было не совсем до этого. Голова была забита прошедшим балом.

Я вышел из читального зала, когда время на часах близилось к половине девятого. В тот момент начинало темнеть, и воздух становился таким тяжелым, что легкие будто опоясывал обруч. Я прошел сотню метров, не стал сворачивать к общежитию, а опустился на оградку клумбы. У меня болела голова, и все вокруг казалось густым, как мазутное пятно, мрачным. Выдохнув, ладонью я скользнул меж серебристого пара, пытаясь ощутить его призрачное тепло.

«Ты всегда должен быть учтивым, это поможет тебе в жизни, — говорила мать. — Улыбайся тете Роуз, даже если она сидит совсем рядом и у нее дурное дыхание». От тети Розалин и впрямь плохо пахло, но я искренне любил ее, и мне не нужно было проявлять учтивую любезность. Она была единственным человеком, кто поддерживал мое стремление писать книги. Мы сидели за обеденным столом все вместе, когда на мое тринадцатилетие она привезла мне коллекционное издание Шекспира из Стратфорда-на-Эйвоне.

— Держи, мой любимый книгоголец, — произнесла она, протягивая мне увесистый сверток. Я распаковал его и провел пальцами по тесненным буквам, не веря ни ей, ни своим глазам.

— Это правда мне?

— Тебе, дорогой, — ответила тетя. — Нравится?

Я не ответил, а только крепко обнял ее за шею и улыбнулся.

— Роуз, — обратился к своей сестре отец. У них были довольно напряженные отношения, и Эд всегда избегал ее появления в нашем доме, — ты балуешь моего сына. Тем более, у нас уже есть Шекспир.

— И что? — перебила его Розалин со всей строгостью.

— Тише, — вступила в их разговор Нора. — Нил, принесешь бокалы для вина?..

Все это время я молчал, но наконец-то мать спасла меня, избавив от неловкого присутствия. Я схватил тяжелые книги и поднялся к себе в комнату, чтобы отнести их. Тетя Роуз почему-то считала, что я пошел в ее покойного мужа, хотя с ним мы не были кровными родственниками: всю жизнь он мечтал написать книгу, но четверть века проработал на энергетической станции. Он умер за год до моего тринадцатилетия, и с тех пор тетя носила причудливые траурные платья, оплакивая своего Джоуша. Нет, дядя действительно казался прекрасным человеком. По крайней мере, я помнил его таким. Он был единственным, кто поддерживал моего отца в трудную минуту. Сейчас Эд успешный адвокат, но это лишь последние два года. До этого он занимался безнадежными делами местных воришек, а когда тех справедливо судили, не получал обещанного оклада. Но в какой-то момент ему выпало ответственное дело — отстаивать интересы предпринимателя-убийцы, который, кстати, таковым не являлся. Мне нравилось, когда отец рассказывал эту историю: мистер Райх был осужден за двойное убийство — собственной жены и ее любовника. Мотив был прост и понятен, алиби подтвердить никто не мог. Обвиняемый и сам плохо помнил, что случилось, потому что в ту ночь перебрал в баре. Как оказалось позже, убийцей была их двадцатилетняя дочь, имевшая связь с тем же мужчиной, что и мать. Обыкновенная ревность и человеческая глупость. Но отец был горд собой. Они выиграли дело, после чего работа пошла в гору. За помощью обращались друзья Райха, затем — друзья друзей. Мы разбогатели, и тетя Роуз перестала приезжать. Теперь мы не нуждались в ее финансовой помощи. Сестра Эда владела аптекой в Вест-Энде, и часто вносила в наш семейный бюджет большие суммы. Но сейчас

все иначе. Надо бы как-нибудь позвонить ей...

Капнуло. Затем вновь. Я почувствовал дождь, мелкий, мерзкий, стоило лишь поднять голову к небу. Во время семестровых каникул школа немного пустела, и я казался себе еще более одиноким. Ведь был одним из тех, кто в это время оставался здесь. Мне было некуда ехать — моя семья, мой стержень, треснула, рассыпалась. Мать в Рочестере, отец в Нортгемптоне, я в пригороде Хартпула. Но я все еще надеялся, что способен изменить случившееся. Однако как жаль, что шестнадцатилетние мальчишки так мало понимают в этой жизни. Я укутался поплотнее и обратил взгляд в сторону огоньков у ворот: ребята возвращались из города. Иногда старшеклассников отпускали за пределы школы, чтобы те не чувствовали себя, словно узники. Конечно, время, в которое те обычно являлись обратно, было четко установлено, но даже в дневное время суток кто-то всегда успевал сотворить глупость. Внезапно я тоже подумал, что хотелось бы посетить какой-нибудь книжный магазин в поисках современной прозы. Я так давно не читал ничего подобного, что уже и забыл, как пишут люди в наше время.

Тут же я вспомнил, что не всегда любил книги. Но нашелся человек, который помог понять мне это и найти самого себя. А точнее, наоборот — пропал. В Рочестере я провел не всю жизнь: когда мне было восемь, одно время мы жили недалеко от Гастингса. Это были всего каких-то два года, отрезок обстоятельств, но именно они позволили мне узнать, кто я, и для чего создан. Девочку, с которой я подружился, звали Джанет. Ее мать была француженкой, поэтому в речи дочери зачастую проскальзывали непонятные мне словечки. Но это забавляло меня, казалось изысканным и очень нравилось, как и она сама — миниатюрный, смешливый, очень жизнерадостный ребенок. Ей было уже десять, но мы неплохо ладили, и нам никогда не было скучно вдвоем. Нашей любимой забавой стал шалаш под деревом — вместе мы строили его практически целое лето, таская из дома и со свалок картон, доски и всякий ненужный хлам. Так однажды мы наткнулись на целых две коробки, доверху набитые разными пыльными книгами. «Пусть в нашем домике будут и они, — с важностью тогда заявила Джанет. — Не можем же мы бросить их тут. Мама говорит, что книги как живые. Все помнят, все знают. Возьмем, капитан!» Такое уж прозвище дала мне подруга — безумно нравилось и вдохновляло на подвиги ради нее. Мне казалось, что мы вырастем, поженимся и построим уже настоящий дом. Но кто же скажет ребенку о том, что у жизни не матовая поверхность. Однажды в конце лета я заболел: меня лихорадило несколько дней, и около недели я не видел Джанет и не слышал о ней никаких вестей. Стоило лишь прийти в себя, как я обратился к Норе с просьбой позвать подругу. Но мать отчего-то не торопилась этого делать и, как мне казалось, выглядела весьма взволнованной. Позже она сказала мне, что Джанет уехала навсегда, и запретила мне подходить к ее дому. Конечно, я не послушался — каждый день подолгу стоял возле забора, вглядываясь в занавешенные окна. Свет горел, но Джанет не было. Больше я никогда не видел ее. А в нашем шалаше я остался один, при этом чувствуя себя бесконечно одиноким: больше не с кем было поиграть в салочки, порисовать мелом или порешать головоломки. Первый раз в жизни я вкусил горького, словно терн, одиночества, но книги спасли меня. Постепенно я разбираю те самые коробки и, на удивление, в них было много детских историй. Дома мне редко читали, в основном я сам листал журналы или учебники с младшей школы. Но здесь, в уютном шалаше, я мог сидеть часами, гуляя по стране Оз, смеясь над Милновским Винни-Пухом или проникаясь уважением к храброму Айвенго. Я прочел все книги, которые были в коробках, но мне хотелось еще и еще. Несколькими годами позже мать рассказала мне о том,

что случилось с Джанет: в сильный ливень она возвращалась домой мимо брошенного котлована, и ветер унес ее соломенную шляпку прямо в яму. Девочка перелезла через ограду и попыталась достать свою вещь, но поскользнулась на размытой глине и покатила на дно. Возможно, я бы и увидел ее тогда через неделю, если бы не бетонные блоки на дне. Джанет умерла, и, пока я болел, ее родители успели похоронить дочь и поседеть от горя.

Чудилось, что я будто засыпаю под дождем, закрою глаза — рухну в лужу, растворюсь в себе, в мыслях, в переживаниях. Но щелчок зажигалки не дал мне этого сделать: я обернулся и рядом с собою увидел юношу, подкурившего сигарету. Удивленно я окинул его взглядом с ног до головы, но в темноте было сложно понять, знаю ли я его или нет.

— Не знаю, как ты тут сидишь, — голос был знакомый. — Жутко неудобно.

— Как-то, — престранно произнес я, прижимая пальцы к вискам. От вечерней влажности запах сигарет становился очень резким. По голосу я узнал собеседника, но не мог понять, как он тут оказался и с какой целью.

— Сигарету, может? — продолжил парень, протянув мне пачку. Из вежливости я вытянул одну штуку и покрутил ее меж пальцев, как это обычно делал Арлен. Тем временем школьник услужливо чиркнул зажигалкой, и я подкурил, закашляв с непривычки.

— Спасибо, — попытался ответить я, но глотнул дым и вновь разразился кашлем. Сидящий рядом мягко рассмеялся, скинув капюшон белоснежной спортивной ветровки.

— Меня зовут Вацлав. Кажется, ты тот самый парень, которого этот унылый мизантроп толкнул на лестнице. Еще, по-моему, он был с тобой на танцуйках. — старшекласник захихикал. — Было забавно тогда. Все глазели.

— Да уж, — поежился я, не зная, что и ответить. С неохотой я затянулся и выпустил клуб дыма, словно огнедышащий дракон. — А где Арлен?

— Да черт его знает, — сплюнул юноша, пожав плечами. — Может, с девушкой какой. Не видел его сегодня. Вы друзья?

— Не совсем, — ответил я, подняв взгляд к лицу собеседника. Вацлав был довольно смазливый и забавно вел себя — слишком непосредственно, чтобы нравиться девушкам. Обычно те предпочитают мрачную загадочную красоту, и это было единственной проблемой парня, а вовсе не польские корни. — Несколько раз он выручал меня. Передай ему мое спасибо, если увидишь.

— Выручал? — удивленно произнес старшекласник, будто не веря мне. — Нет, ты издеваешься? Чтобы он кого-то когда-нибудь выручил?

— Я серьезно. Последний раз он разбил нос Колину...

— А. Слышал, — Вацлав тут же закивал, последний раз затянувшись и потушив сигарету. Я тоже потушил в знак солидарности, к тому же, успел несколько раз пожалеть, что вообще решился покурить. Но говорят, это сближает.

— Вообще, я узнал тебя издалека. Решил спросить, как самочувствие. Давно стояло бы. Еще пару месяцев назад. Ну и идиот этот Дарси...

— Да ладно, — попытался отмахнуться я, но Вацлав покачал головой, недоумевая:

— Вечно он так. Никакой помощи или хотя бы сочувствия.

Я деликатно промолчал и решил, что лучше не рассказывать о том, что произошло с нами за все эти два с половиной месяца. Интересно, Вацлава привел сюда только запоздалый интерес к моему самочувствию или нечто иное?.. Хотя я не питал особенной неприязни к парню — было понятно, что к девушкам он относится специфично, впрочем, как и большинство молодых людей в наше время, но меня это не касалось, и делало этого

юношу нейтральным персонажем Хартвуда. Нам стало не о чем говорить, и в воздухе повисло тяжелое молчание.

— Ладно, — вздохнул я и поднялся со своего места. — Спасибо за то, что составил компанию. Но я пойду.

— Пока, — без сожалений ответил Вацлав и вновь накинул на голову капюшон.

Направляясь к общежитию, я растерял все свои мысли. Такое бывает — не думаешь ни о чем. Разум — белоснежная бесконечность, и ничего не существует. Будто ты никогда не жил. Едва я поднялся на свой этаж, как почувствовал что-то неладное: ребята в коридорах странно переговаривались, занижая тон, о чем-то беспокоились. Особенно озабоченность скользила в лицах выпускного класса. Я был слишком робок, чтобы поинтересоваться, поэтому решил обратиться к Гаррету. Но, когда я зашел в комнату, его еще не было. «Тренировка, — понял я по раскиданным вещам, хотя взгляд тут же скользнул к часам. — Но уже девять...» Я преспокойно убрался в комнате, съел сэндвич с семгой, припасенный с ужина и, включив настольную лампу, утонул в очередной книге. И вынырнул только когда услышал голос коменданта в половине одиннадцатого: «Через полчаса гасим свет!» Тогда я забеспокоился. Манн не мог уехать — все каникулы он должен был готовиться к соревнованиям, а сейчас почти отбой, его все нет. В принципе, на семестровые мало кто уезжал, поэтому в школе было почти так же шумно и многолюдно, как обычно. Почти одиннадцать. Тогда со вздохом я поднялся с кровати и босиком скользнул в коридор, о чем пожалел. Но возвращаться за обувью было лень. Мужчина, тонкий, как стручок, жеманный и непреклонный, стоял около лестницы и что-то жевал.

— Простите, — произнес я, хватая того за рукав. Комендант отдернул руку и гнусаво произнес:

— Чего тебе?

— Мой сосед не возвращается. Он не планировал уезжать, и...

— Манн? Гаррет, кажется. Ты о нем? — собеседник дожеввал, прежде, чем ответить.

— Да, он.

— Если ты так беспокоишься о нем, то где ты был, когда он сломал ногу?

— Что сделал? — переспросил я, не веря сказанному.

— Сломал ногу. Ты глухой? Отличные же вы друзья.

— Простите... — отстраненно извинился я и перевел дух. — Как такое могло случиться?

— Я что, был там? Что за глупые вопросы, мальчик? Ты точно не с этажа средней школы?

— Все в порядке, — пробормотал я, и, пребывая в прострации, вновь спросил. — Он в школе?

— До завтрашнего дня. В госпитале. А теперь прекрати разгуливать и иди спать.

— Хорошо, — кивнул я, тут же опуская голову, и двинулся к себе в комнату. Каждый шаг казался непреодолимым.

Внезапно кто-то окликнул меня:

— Рискуешь заболеть, Уэбб.

Конечно, этот голос не спутать с другим — Арлен. Я обернулся и взглянул на него пустыми от шока глазами. Отвечать не хотелось. Он тоже промолчал, а затем захлопнул дверь, будто смутился. А я... Что я. Шагнул через порог пустой комнаты, на ходу выключил лампу и рухнул на постель, не разбирая ее.

Я был готов простить Гаррету даже то, что он разбрасывал вещи, мусорил, разговаривал во сне и забывал выключать свет, когда уходил. Лишь бы не один. В снедающей тьме.

Примечания:

«Коллекционер» — роман, написанный Джоном Фаулзом в 1963 году.

Вест-Энд (англ. West End) — западная часть Лондона (к западу от стены Сити).

По-моему, я проплакал до рассвета. Не знаю, кого я жалел больше всего: Гаррета, себя, Лили Блейн или Арлена. Да и вообще, моя проблема заключалась в том, что я слишком много думал. Представить только, ведь есть люди, которые перед тем, как уснуть, не размышляют о невечности жизни, времени, которое сыплется, словно песок, и о счастье, понятии вообще расплывчатом и едва ли достижимом. Я не считал себя мудрецом или человеком, избранным нести истину в массы. Просто отчетливо осознавал, что в этом мире что-то понимаю больше других. Хотя я говорю не обо всем: например, я не умею целоваться. Никогда не пробовал, да и вообще не задумывался о подобных вещах. Все девушки казались мне такими неприступными, лишенными желания делиться радостью в обмен на взаимные чувства. Им подавай материальных благ. А мне бы книгу дочитать. Вот где точно водятся идеальные женщины.

Уснул я около четырех, а разомкнул глаза ровно в одиннадцать: проспал завтрак, даже не услышав противный голос нашего коменданта. Впрочем, есть и не хотелось. В горле будто поселился какой-то ком, мешая мне дышать, глотать и чувствовать себя комфортно. Постель Гаррета, неразобранная, закиданная вещами, все еще напоминала о случившемся. Тогда наспех я оделся, умылся, через силу съел шоколадный батончик и решил отправиться к своему соседу в госпиталь. Зачем-то я обернулся и обратил внимание на свое отражение в зеркале. Я и так не считал себя симпатичным, а сейчас смотрелся более чем жутко: опухшие веки, бледное лицо, потухшие глаза. Ладно, подумалось мне, все равно не нужно стараться выглядеть так, чтобы понравиться кому-то. Всем все равно. Это же Нил Джонатан Уэбб, местный чудак, козел отпущения и будущий писатель.

Когда я поднимался в госпиталь, то услышал, как кто-то окликнул меня. Девушка. И голос достаточно знакомый. Я точно знал ее, и в этом не ошибся: стоило обернуться, как за спиной я увидел свою одноклассницу. Ее звали Кейлин Формер, и я прекрасно помнил, что один раз Гаррет упоминал о ней в разговоре со мной. Лицо девушки носило явный отпечаток озабоченности. Выдавали ее беспокойство и подрагивающие пальцы, которыми та нервно сминала уголки какого-то тетрадного листа. Обычно веселая и бойкая, она выглядела как собственный антипод. Я даже не сразу понял, что она окликнула именно меня, и огляделся по сторонам. Но здесь мы были только вдвоем. Я откашлялся в кулак и неуверенно поинтересовался:

— Что-то случилось?..

— Нет, — помотала головой Кейлин и спрятала лист за спину, глазами уткнувшись в свою обувь. — Точнее, случилось. Но... Ты ведь к Гаррету? Вы соседи по комнате?

— Ну, да, — ответил я. Было непривычно, что кто-то из класса разговаривает со мной без насмешки. — Иду проведать его. А что? К нему нельзя?

— Нет-нет, — в неловкости замахала руками собеседница и явно смутилась: ее выдали порозовевшие щеки. — Просто я хотела попросить о помощи...

— Конечно, — кивнул я и спустился на ступеньку ниже. — Я слушаю.

— Вот, — она протянула мне тетрадный лист, сложенный в несколько раз. — Передай ему это. Можешь не говорить от кого. Или...

— Или?..

— Нет, лучше скажи, — девушка подняла взгляд на меня. Чувствовалась некая

храбрость, которая приходит к нам в моменты отчаяния. Я кивнул:

— Конечно. Не волнуйся. Больше ничего?

— Нет. Спасибо... Нил. Я думала, ты откажешь мне.

— Почему? — удивился я, но тут же вновь ощутил себя здесь чужим. — Из-за того, что ты смеялась надо мной вместе со всеми?

Кейлин промолчала в ответ, а затем все-таки кивнула. Я чувствовал, что в глубине души она испытывает некий стыд и вину. Гаррет... нравится ей? Я поспешил уладить неловкий момент и улыбнулся в ответ:

— Я не держу на тебя зла.

Формер облегченно вздохнула и, махнув на прощание рукой, поспешила покинуть здание. Я поморщился от удара захлопнувшейся двери и с любопытством окинул взглядом лист, который та передала мне. Заклеен скотчем. Впрочем, я бы в любом случае не стал смотреть, что там. Видно, нечто важное. И я отдам это своему... Другу. Странно, но я не боялся этого слова. Манн, такой добродушный, открытый, глуповатый, но невероятно очаровательный за это время успел стать мне близким человеком. Ведь это именно он был неким наставником, информатором и просто приятным собеседником. Благодаря Гаррету мне пришлось легче в этой школе: он всегда рассказывал мне, о чем бы я ни попросил. Могу представить, если бы моим соседом оказался бы, например, Арлен.

Зачем я постоянно думаю о Дарси?

Я помотал головой, чтобы разворошить муравейник собственных мыслей, а затем поднялся по лестнице и побрел по коридору госпиталя, под который был отведен почти целый этаж. Остановила меня женщина, спросившая, куда я иду. И только после внятного разъяснения, с явной неохотой она позволила мне войти в палату. Запах был мне знаком. Когда-то я тоже лежал здесь, между четырех белоснежных стен, а надо мною была пара медовых глаз... И опять я за свое. Но мысленно отругать себя не успел: взглядом я уперся в кровать, на которой лежал Гаррет. Он был полностью обнажен, но тело почти наполовину прикрывала белоснежная простыня. Ногу моего соседа по комнате держало подвешенной странное устройство, напоминавшее орудие средневековой инквизиции. Я даже поежился — никогда не ломал кости. Едва юноша заметил меня, он попытался улыбнуться, но улыбка эта вышла вымученной и неестественной. Зато я видел, как загорелись его глаза.

— Привет, — я мягко улыбнулся в ответ и подвинул стул к кровати.

— Давайте недолго, — перебила меня медсестра. Та самая, что вечно ворчала и на меня. Но, видимо, она узнала своего недавнего пациента и сменила неприязнь на милость — просто развернулась и ушла.

— Привет. Классно, что ты пришел, — тихо произнес Манн и непроизвольно вздохнул. — Я тут немного сломался.

— Насколько немного? — недоверчиво поинтересовался я, присаживаясь. — Как это вообще могло случиться?

— Да на тренировке. Я ударил по мячу, случайно толкнул Пирса. Но перед этим начал падать сам. Пирс упал на меня. Точнее, на мою ногу. На которую до этого я неудачно приземлился. В общем, глупость. Все заживет. Буду играть снова.

В словах Манна я не услышал уверенности.

— Комендант сказал, что ты уезжаешь.

— Родители хотят забрать меня домой. Нога будет долго заживать. Представляешь, я свихнусь: месяца три смотреть в белый потолок.

— Так долго, — загрустил я, но Гаррет попытался разрядить ситуацию:

— Зато будешь жить один. Никто не мешает, не устраивает беспорядка...

— Знаешь, — я тихо засмеялся, — буду скучать даже по этому. И сам стану раскидывать вещи.

— Эй, — Гаррет тоже развеселился. — Раз я старше, то должен учить тебя только хорошему.

— Спасибо. Ты и так многое для меня сделал. Без тебя было бы сложнее освоиться здесь.

— Для чего еще нужны соседи, — Манн улыбнулся, а затем в его глазах скользнула грусть — юноша взглянул на свою ногу.

— И друзья, — кивнул я.

Внезапно за спиной вновь возникла фигура медсестры. «Давайте заканчивайте», — проворчала она. Я вздохнул и протянул сложенный листок Гаррету.

— Это тебе передала та девушка...

— Кейлин? — встрепнулся он так, что крепление пошатнулось.

— Да, моя одноклассница. Про которую ты тогда спрашивал. Она была здесь, но почему-то так и не зашла. Попросила меня передать.

Рывком Гаррет схватил письмо и, престранно понюхав его, спрятал меж складок простыни. Будто вдохнув аромат клетчатой бумаги, которой касались руки девушки, он удостоверился, что это послание именно от нее.

— Ладно, — я отступил и вернул стул на место. — Не хочу прощаться. Я уверен, что мы еще увидимся.

— Конечно, — закивал юноша, вновь одарив меня своей вымученной улыбкой. Будто уголки его губ поддерживали раскаленные штыки. Я тоже кивнул ему на прощание и осторожно вышел из палаты, притворив за собой дверь. Фигура медсестры удалялась вглубь коридора, и отчего-то я не сдвинулся с места, а замер за дверным косяком. Краем глаза сквозь едва заметную щель в двери я видел своего соседа. Мне не хотелось спускать с него глаз. Казалось, едва я отвернусь, и он навсегда исчезнет из моей жизни. Как однажды исчезла Джанет, исчез отец и исчез Рочестер. Дрожащими руками Манн развернул письмо, вновь вдохнул его аромат, только глубже и с большим наслаждением. Я затаил дыхание и вновь взглянул вглубь коридора, но там никого. Было бы неловко попасться на глупом подглядывании. Тем временем глаза юноши забегали по строчкам, а губы, как показалось, задрожали. Нет, в тот момент мне не показалось: через несколько секунд Гаррет откинул голову, накрыл лицо ладонями и зарыдал, словно ребенок. Я не ожидал такого поворота событий, и мое сердце забилося так, что мне казалось, сейчас оно расколется на части. Манн плакал. Так, как плачут от безысходности и отчаяния. Я знал, теперь уехать из «Хартвуда» ему будет в миллионы раз тяжелее.

В неком смятении я отстранился от двери и тихо прошел к лестнице. Мои шаги становились все быстрее и быстрее. Вскоре я практически бежал, спотыкаясь о ступени. Чувства вины и грусти переполняли меня, и даже переливались через край — я едва сдерживал слезы. Эта сцена настолько сильно тронула нечто внутри меня, что ее кадры вновь и вновь проносились перед глазами. Гаррет и Кейлин... любят друг друга? И может ли не познанное мной чувство — любовь — быть настолько сильным?

Вернувшись в свою комнату, я застал на пороге молодую женщину, которая аккуратно паковала вещи Манна в винтажные чемоданы из грубой кожи. Она была высокой, такой же

смуглой и кареглазой, как Гаррет. Единственное, что отличало их, — цвет волос. Волосы девушки были совсем черными, видимо, крашенные. Незнакомка кивнула мне в знак приветствия и поспешила сообщить, что она сестра моего соседа. Я ответил, что сразу догадался. Затем в комнату вошла мать Гаррета, женщина на вид пятидесяти лет, подвижная, живая и моложавая. Я не стал смущать их своим присутствием, и, накинув кожаную куртку, вооружился «Божественной комедией», тут же поспешив в сад. Оборачиваться не хотелось. Гаррет исчезал. Но я верил, что мы скоро увидимся.

Около шести часов вечера я закончил эссе по истории, закинул книги на полку и щекою припал к крышке стола. Она была горячей от света настольной лампы. Глазами я бегал по бумажным плакатам с изображением футболистов, которые почему-то родные моего соседа решили не снимать. Хотя это к лучшему — остается ощущение, что Манн скоро-скоро вернется. Меня никогда не интересовал футбол, хотя, возможно, я всего лишь внушил себе это: просто, сколько я ни пытался принять участие в игре, футболист из меня был довольно паршивый. На физической культуре меня никогда не брали в команду, и я всегда отсиживался на скамье запасных. Но не сказать, что это меня расстраивало.

Через несколько секунд раздались три резких удара в дверь, и без особых церемоний кто-то шагнул через порог. Я совсем не отреагировал.

— Уэбб, — за спиною я услышал голос коменданта. — Так ведь?

— Да, Нил Уэбб, — ответил я и, без особого энтузиазма, обернулся.

— Ты объявил голодовку? Или худеешь? Не видел тебя сегодня на завтраке и обеде. Слышал, подобным занимаются девчонки, но, может, и парни туда же...

— Нет-нет, — возразил я. Тут же пришлось соврать: — Немного болел живот, но я дошел до госпиталя и мне дали таблетку. Сейчас все в порядке.

— А, другое дело, — кивнул мужчина, бросив на пол увесистую картонную коробку. От сонливости я не сразу ее заметил, но теперь поспешил спросить:

— Что это?

— А, это... Мы решили переселить к тебе одного мальчишку. Его сосед по комнате каждую неделю оставляет письменные жалобы с просьбой как-то вмешаться в ситуацию. Не сошлись характерами. Но этот парень-конфликтер имеет проблемы со многими. Попробуем поселить его с тобой.

— Ну... — пришлось вздохнуть. — Я неконфликтный. Может, и выйдет.

— Если что, то просто говори мне. Не было возможности переселить его, и меняться тоже никто не хотел...

— А, — попытался перебить коменданта я. — Кто он?..

Мужчина не отреагировал и тем временем высунул голову в дверной проем, прокричав что-то о коробках. Затем он отворил настежь дверь, чтобы юноше, который переносил свои вещи, было удобнее. Мне было печально наблюдать за тем, как на кровать Гаррета и в его шкаф перемещаются чужие вещи. Лучше бы одному. Но я никто, чтобы возражать. Возможно, это и к лучшему, меня не будет медленно убивать одиночество и рефлексия, одолевающая, когда я наедине с мыслями. Это стало происходить здесь, в «Хартвуде».

— Так кто он? — чуть громче повторил я в надежде все-таки быть услышанным. Но ответил мне не комендант, а мой новый сосед, бросивший очередную коробку на пороге.

— Кто-кто. Арлен Дарси.

— О, господи... — произнес я, едва завидел черноволосого старшеклассника в своей

комнате. — Почему я не сомневался, когда услышал, что с тобою никто не хочет жить в одной комнате?

Юноша отряхнул руки и уничижающе взглянул на меня. Я тут же потупил взгляд и со стула перешел на свою кровать, машинально схватившись за первую попавшуюся книгу. Я даже не знал, что сейчас держу в руках, а лихорадочно листал страницы, делая вид, что ищу закладку. Хотелось сделать вид, что меня абсолютно не интересует происходящее. Я сразу насупился, надулся, словно голубь, и попытался изобразить безразличие.

— Вы знакомы? — спросил комендант, внося очередную коробку и бросая ее на пол.

— К сожалению, — с показным раздражением ответил я и приложил раскрытую книгу к лицу. Быть честным, я немного побаивался Дарси, но какой-то внутренний подлец вечно заставлял меня пытаться счастье и вести себя неприветливо. По-моему, это переселение было самым жутким, что могло случиться со мной за последнее время. Затем я глубоко вдохнул и нашел в себе силы взглянуть на нового соседа: без привычного зеленого пиджака, который позволяли не надевать по время каникул, он казался мне еще более красивым. Дарси носил свободный свитер темно-вишневого цвета и обыкновенные синие джинсы. Его волосы как обычно блестели, были аккуратно уложены на бок, а их кончики едва заметно завивались. Обыкновенный Арлен со своим обыкновенным ядовитым прищуром и скривившимися губами. Как будто все вокруг, включая меня, было ему отвратительно.

— Чего уставился? — спросил старшеклассник, ногой подвинув одну коробку к другой.

— Ничего не уставился, — пробормотал я и вновь зарылся лицом в страницы. Было неловко.

— Уставился же, — не отставал новый сосед, и даже не видя его лица, я понял, что он ухмыляется.

— Отвяжись.

— Я и не привязывался.

— Тише, — вступился комендант, и книга выпала из моих рук. — Пожалуйста, Арлен, не ссорься хотя бы здесь. Что мешает жить, если и не в дружбе, то хотя бы мирно?

— Ваше занудство, — как всегда серьезно ответил юноша, и лицо мужчины покраснело от злости. — Вроде бы, все, что у меня есть, перенесли. На этом спасибо. Мы все разберем. Нил поможет. Правда?

— Да, — вздохнув, ответил я. Это было чистой воды ложью, но пришлось подыграть, чтобы комендант скорее ушел.

— Тогда все в порядке. Я пойду. И, да, — Ральф, так звали коменданта мужского крыла, продолжил, — не ссорьтесь.

Мы закивали в унисон, и дверь в комнату захлопнулась через несколько секунд. Я, было, хотел выразить старшекласснику свое удивление по поводу соседства, но тот выдал что-то вроде: «Просто замолчи», и я насупленно отполз к стене, чтобы не мешать. Он разбирал коробки, медленно заполняя пустые ниши своими вещами. Ниши, принадлежавшие Гаррету. Затем грубо, будто с какой-то злостью, руки Арлена сорвали со стены футбольные плакаты, а ладони скомкали глянцевого листы. Было обидно, ведь теперь я понимал, что приятного соседства можно не ждать. Никто не расскажет мне веселой истории, не приободрит перед сложным тестом и не научит, как делать пистолет из соломинок от сока. Теперь только мрачность, идеально сложенные вещи и хандра, которой Дарси тут же отдался, забросив разбирать пожитки. Парень лег на кровать, и уперся взглядом в потолок.

— Почему ты ссорился со своим соседом? — спросил я, сев на край письменного стола.

Я решил не приближаться сильно, поэтому тактично поставил стул, как преграду.

— Он полный идиот, а я постоянно напоминал ему об этом.

— И тебя совсем не тревожит, что тебя многие недолюбливают?

— Можно подумать, что я питаю ко всем большую симпатию.

— Но так нельзя, — приуныл я, двигая рукой стаканчик с карандашами. Естественно, учить самого Арлена Дарси было плохой идеей.

— Где это написано? — надменно спросил он и прикрыл глаза. Лежал, словно труп.

— С тобой бесполезно говорить, — пришлось закончить разговор, и я сполз со своего места, решив пройтись по комнате.

— Славно, что ты наконец-то замолчишь, — брюнет тоже встал с кровати и вновь принялся за коробки, легонько отстранив меня с пути. Несколько из них, самые большие, он оставил на потом, а другие продолжил разбирать: учебники, тетради, одежда и всякие мелочи. На тумбочку он тут же поставил электронный будильник, а большую часть письменного стола занял ноутбук. — И хватит пялиться. Лучше помоги.

Тут же я встрепенулся и в сердце кольнуло. Нет, я не ослышался? Он попросил помочь?.. Тогда с воодушевлением я принялся за самые маленькие коробки, но сразу же услышал недовольный голос: «Только не эти!». И все с тем же недовольством, будто скрывая что-то, задвинул одну из них далеко под кровать.

Я нахмурился и пожал плечами. Видимо, мне предстояло сложное соседство.

Естественно, с Арленом было нелегко. Вставал он за полчаса до подъема, бестактно шумел, включал свет и абсолютно не старался дать мне поспать. На стук коменданта просто нагло гнал того прочь, а мне обычно сообщал приказным тоном: «Поднимайся. Пора учиться». Конечно, в это время я давно не спал, а пытался как-то прийти в себя после ярких сновидений. Однажды мой новый сосед даже приснился мне, и, едва открыв глаза, я спросил у того, где мои тетради. Он взглянул на меня, как на умалишенного и промолчал. Свои вещи Дарси не разбрасывал, хотя излишней педантичностью тоже не отличался. Но теперь в нашей комнате поселилось хотя бы мусорное ведро, и, вместо стола с полом, обертки от сладостей и исписанные листы попадали туда. Практически каждый вечер приходил Вацлав, кивал мне и забирался на кровать Арлена в обуви. Тот сталкивал друга и перестилал покрывало. Вообще я заметил довольно противоречивые отношения между ними: говорили они обычно об абсолютно разных вещах, точнее, говорил Вацлав, а Дарси без интереса слушал или стучал клавишами ноутбука. Затем они уходили курить, возвращались, не обращали на меня никакого внимания, и вновь занимались одним и тем же. Каждый день. Будто я попал во временную петлю. Я мог бы пригласить Лили, но, к сожалению, в «Хартвуде» запрещалось приводить девушек в мужское крыло по понятным причинам.

Зато, прожив с Арленом целых три недели под одной крышей, я усвоил главное правило — молчи, пока не спросит. Он же пользовался другим — если спросит, молчи. Дарси не был общителен, и лишь изредка мы перекидывались парочкой фраз, в основном утром и перед сном. Казалось, что поселившись здесь, совсем рядом, он стал еще более неуловимым, загадочным и непонятным, словно интеграл. Он весь состоял из чисел, особенно это чувствовалось, когда он выключал верхний свет, садился за стол и открывал учебник по линейной алгебре. В такие моменты я не смел дышать, зато пару раз мне удалось тихо заглянуть соседу через плечо и ужаснуться: числа, состоящие более, чем из трех цифр, вгоняли меня в панику.

В одну из ночей, кажется, это было двадцать седьмое ноября, я проснулся, и, решив дойти до уборной, поднялся со своей кровати. Чтобы отыскать свои тапочки в темноте, я осветил комнату фонариком телефона, и случайно свет упал на лицо спящего Арлена. В тот миг я удивился, впервые увидев его без привычной надменности и уничтожающего взгляда. Он был еще более красив, чем обыкновенно, и, как эстет, я еще полминуты не мог оторвать своего взгляда. Хотелось бы стать ближе, хотя бы такими друзьями, какими мы были с Гарретом, но Дарси не оставлял мне шанса, и казалось, что порою он даже избегает меня. Я помялся еще несколько секунд и отправился туда, куда собирался, а по возвращении не удержался от соблазна вновь взглянуть на соседа. Так крепко спящим я видел его впервые: обычно Арлен ложился позже меня, а просыпался гораздо раньше. Потеряв всякий страх, я присел на край его кровати и зачем-то шепотом произнес:

— Если бы только узнать тебя получше... — спящий не отреагировал, и я все также тихонько начал вести пространственные суждения. — Но ты избегаешь меня, а это обижает. Если бы я не нравился тебе, то ты бы не помог мне эти несколько раз...

На секунду я испугался своей глупости и прикрыл рот ладонью, но дыхание юноши было все таким же ровным — спал он крепко. С детским любопытством я наклонился над его лицом и улыбнулся самому себе от удовольствия — если бы Дарси узнал о том, что сейчас я делаю, он бы точно убил меня. Прямо здесь. На месте. Спать резко расхотелось, и я вошел во вкус — кончиками пальцев дотронулся до шелка его волос, и, стараясь не дышать, разглядывал каждый участок его лица, словно полотно талантливого живописца. Затем я отстранился и вновь с сожалением произнес:

— Но ты недружелюбный, злой и спесивый. Гаррет хотя бы разговаривал со мной, а ты вечно молчишь и строишь из себя невротического аристократа. Отвратительный. Отвратительный Арлен.

Выговорившись, я в смятении отстранился. На часах половина второго, нужно бы спать. Осторожно я поднялся и на цыпочках ступил в сторону своей кровати, как за спиною раздался голос:

— И это обязательно рассказывать мне глубокой ночью?

Стоит ли описывать мое состояние в эти несколько секунд? Я взвился и бросился к своей кровати, словно ребенок, накрывшись одеялом с головой. Всем телом я припал к стене и замер, притворившись спящим. Сердце ломало ребра, а в ушах все еще стояли его слова. Неужели он не спал? И что он сделает мне? Убьет? Нет, это меньшее из зол. Страшно представить, на что способен этот Арлен. Тем временем парень начал ворочаться, и я даже зажмурился, боясь, что он идет сюда. Но внезапно я услышал лишь беззлобный приглушенный смех, а затем его слова:

— Какой же ты дурак. Ради всего святого, спи.

Я перевел дыхание и вынырнул из-под одеяла. Нет, еще неделя с ним, и я сойду с ума.

Ноябрьский ветер, тот самый, который приносит зиму, забрался мне под куртку и ужалил. Я поежился и выдохнул на руки, чтобы одеревенелые пальцы начали двигаться. Затем я поймал стук калитки сада и обратил взгляд к тропинке. Ко мне довольно стремительно, почти бегом, приближалась Лили. Мы договорились встретиться сразу после последнего занятия, чтобы вместе немного опоздать на обед.

— Привет еще раз, — девушка, укутанная в теплую куртку и шерстяной шарф, рухнула на скамейку рядом со мной. Тут же она ойкнула, а я покачал головой:

— Лучше не садись. Слишком холодно.

— Да, — кивнула она. — Я постою. Как поживает твой сосед?

— Сосед? — переспросил я, удивившись, почему Блейн вообще интересуется Гарретом.

По-моему, они даже не были знакомы... — Недавно он написал мне сообщение, что все в порядке. Надеюсь, его вновь поселят со мной по возвращении.

— Эм... — Лили замялась в неловкости и шаркнула о землю ножкой. — Я не о том парне. Я говорю об Арлене.

— А-а... — протянул я и вздохнул. Все еще не удалось отойти от случая той ночью. — Вроде бы, нормально. Кстати, представляешь, — я попытался уйти от темы, — я где-то потерял свой последний именной карандаш.

А эти карандаши были мне действительно дороги — на позапрошое Рождество они достались мне в подарок от тети Розы — золотистые, тонкие, необычные, они очень понравились мне. Но самым особенным была надпись на них — ближе к ластику тесными буквами было выгравировано мое имя. Я очень дорожил этими карандашами, но так вышло, что последний из них я потерял совсем недавно.

— Найдется, — без интереса махнула рукой Лили. — Ну, так Дарси говорил что-то обо мне?

— Подожди, — замотал головой я, пытаюсь отстранить от себя напирющую от любопытства Лили. — С чего ты взяла, что он вообще должен?

— Ну как так... — Блейн улыбнулась, и эта улыбка показалась мне мечтательной, но немного жутковатой. — Он приглашал меня на осенний бал, он здоровается со мной в школе, а иногда даже смотрит, не отводя взгляда.

— Лили, — я опустил руки на ее плечи. — Я не думаю...

— О чем?.. — удивленно поинтересовалась одноклассница. Она тут же поджала губы и испуганно опустила глаза. Внезапно меня одолела жалость, и я зачем-то соврал:

— Да неважно. Но он спрашивал. Буквально пару дней назад, помню, как сейчас...

Иногда сам с собою я играл в игру, о которой никогда никому не рассказывал: стоило мне подняться на последний этаж учебного корпуса и пойти по коридору мимо огромных окон, как я пытался представить, кого сейчас могу увидеть за стеклом. Иногда я отстранялся от подоконника с ликованием — компания старшеклассников, так и думал. А порою я разочарованно вздыхал — вместо свежих девчонок из средней школы по аллейке вышагивает пара немолодых преподавательниц. Еще я любил заходить в библиотеку, чтобы получить ответ на интересующий меня вопрос. Конечно, посетители косо смотрели на юношу, который стремительно приближался к одному из стеллажей, доставал книгу, открывал нужную страницу, а через несколько секунд ставил книгу обратно и уходил. Задача состояла в том, чтобы загадать стеллаж, полочку, порядковый номер книги и страницу, а уж ответ на мой вопрос всегда крылся в первом абзаце. Возможно, в это трудно поверить, но все, о чем говорили мне строчки, — сбывалось.

За неделю до рождественских каникул я ходил взбудораженный и возбужденный предстоящей встречей — несколько дней назад мне внезапно позвонил отец, и, особенно не расспрашивая о делах, как делал это обычно, заявил о желании встретиться. Мне жутко хотелось доехать с ним до Хартпула, попить лагте с кокосовым сиропом, купить несколько книг и просто поговорить о том, о сем, как это бывало раньше. День тоже выдался на редкость замечательный — уже вначале декабря землю слегка запорошило снегом, а сегодня зима решила довязать свое одеяло, и белоснежный покров на глазах становился все толще. С самого утра меня подстегивала радость, и время в свой выходной день я никак не мог заставить идти быстрее: то вновь играл в придуманную самим собой игру, то напевал незамысловатые мелодии, почти наполовину высунувшись из окна, то украдкой листал научные журналы, которые Арлен оставил на своей части стола.

К слову о Дарси, родительскому дню он рад не был — это было вполне понятно из его поведения. Если обычно юноша был абсолютно апатичен ко всему, пусть и со своей неистребимой надменностью, то сегодня к этому добавилось еще и нехилое раздражение. «Закрой окно!», — например, говорил он мне, хотя, когда он распахивал его ночью, чтобы покурить, я обычно молчал. Или вот еще: «Прекрати петь. Это раздражает!» Конечно, на последнее я не очень обижался, ведь знал, что природа не наградила меня голосом певца, но все равно, тон, с которым он обращался ко мне, задевал. Если бы Лили не уехала с самого раннего утра вместе с родителями, то я бы мог спокойно провести время с ней. Но так как друзьями я больше не обзавелся, коротал время в компании Дарси. В тот день мое настроение было настолько хорошее, что я осмелился сделать попытку узнать своего соседа получше.

— К тебе приедут родители, Арлен? — поинтересовался я. Юноша промолчал, сделав вид, что не услышал вопроса. На секунду я замялся, но вновь начал пробивать стену. — Ко мне вот приедет отец. Я не видел его уже несколько месяцев.

— Ко мне тоже приедет отец, — с неохотой произнес парень. — Никогда не понимал этого. Срывается с работы, едет сюда, а потом мы сидим в машине и почти не разговариваем. Просто не о чем.

— У тебя плохие отношения с ним?

— Нет. Обыкновенные. Просто так получается.

— Мои родители в разводе, — зачем-то объявил я, и Арлен серьезно кивнул в ответ. — Они ссорятся из-за меня. Постоянно. Поэтому, возможно, то, что я здесь, лучше для всех нас.

— Ерунда, — резко заключил собеседник, и, горделиво вскинув голову, взглянул на меня с привычной надменностью. Я уже привык к подобному и старался не обращать внимание. Но все-таки поспешил оправдаться:

— Мне почему-то кажется, что это лучший вариант...

Мои слова перебил звонок мобильного Арлена. Тот ответил на «входящий», а затем без всяких колебаний ухватил драповое полупальто с металлическими серебристыми пуговицами, которые очень нравились мне. Однажды, когда соседа не было в комнате, я даже потрогал их, и удивился мельчайшему узору на ребре каждой пуговички.

Через полчаса мне тоже позвонили — голос Эда был не менее взволнованный, чем мой. Я, наспех одевшись, бросился по шумным коридорам, раздвигая руками идущих. Случайно я толкнул свою темноволосую одноклассницу Нору, которая не нравилась мне по нескольким причинам: первой причиной было ее жуткое занудство типичной старосты, а второе — ее звали так же, как мою мать. Между ними не было никакого сходства, и подсознательно я ревновал имя, которое, мне казалось, должно принадлежать только моей Норе.

Приблизившись к контрольному пункту, я протянул охраннику свою личную карточку и, таким образом отметившись, толкнул массивную чугунную калитку. Наш хэтчбэк уже ожидал меня, радушно распахнув дверь. Я с разбегу нырнул в машину и вцепился в отца, будто не видел его уже несколько лет.

— Тише, тише, — рассмеялся Эд, ответно обнимая меня. — Иначе задушишь.

— Да нет, — счастливо улыбнулся я и потянулся захлопнуть дверь. Отец включил печку, и я приложил ладони к теплой панели автомобиля.

— Ну, как дела, рассказывай подробнее. Как учеба? Нравится кто-нибудь из девчонок?

— Все нормально, — закивал я. — Пока ощущения, что экзамены через год, нет. Но учусь, стараюсь. Мистер Бронкс хвалит мои сочинения. Особенно понравилось ему по «Декамерону». Думаю, шанс у меня есть.

— Ну, еще бы, — ладонь отца легла на мою макушку. Хвалил меня и гордо улыбался.

— А что касается девчонок, пока что никого нет на примете. Кстати, ты говорил, что хочешь рассказать нечто важное...

Отец нервно улыбнулся и сглотнул. Я видел, как дернулись его скулы.

— Да, хотел. Но, может, отъедем?

— Нет, — возмутился я. — Срочно говори. Умру от нетерпения через пять метров.

— Хорошо, — согласился отец. — Не знаю, как ты отреагируешь, но...

Я пытливо взглянул на него.

—..через четыре месяца у тебя родится брат.

— Что? — взвился от восторга я. — Брат? Не может быть! Мама ничего не говорила мне.

Лицо отца как-то покраснело, а взгляд стал более серьезным.

— Подожди, я объясню. Я не говорил этого раньше, считал, что ты не поймешь. Но твой брат родится не от твоей мамы.

— Стоп, Эд... — я помотал головой, пытаюсь осознать, где я недопонял. — Как не от мамы?

— Почти год я живу в Нортгемптоне с замечательной женщиной. Ее зовут Джесс. Ребенок будет у нее. Скоро мы планируем узаконить наши отношения.

Я вновь помотал головой, а затем ущипнул себя. Нет, не сон. И отец говорил вполне серьезно. Только я не хотел принимать сказанные им слова.

— Но как же Нора?

— Сынок, Нил... — отец смутился еще больше и я заметил, что руль, за который он держался, запотел от ладоней. — Наши с мамой отношения кончались. Когда ты станешь взрослым, то поймешь меня. В той ситуации не было выхода. Такое случается...

— Поэтому выход ты нашел в Нортгемптоне?! — разозлился я.

— Я вновь полюбил. Ты просто не знаешь Джесс. Она...

— Замолчи, — впад в оцепенение, произнес я, сжимая кулаки до дрожи. — Зачем ты только приехал? Зачем сказал мне это? Зачем вообще все это случилось?

— Прости, — ладонь отца коснулась моего плеча, но я сбросил ее, утирая слезы с уголков глаз. Но они все текли и текли. Вскоре я перестал обращать на них внимание и лихорадочно начал искать ручку машины. Хотелось уйти.

— Но я думал, ты поймешь меня... — продолжал отец. Слушать его было невыносимо. Я вышел из машины и на прощание с сожалением покачал головой.

— Мне не нужен никакой брат. И ты не нужен. Предатель, — вот что я сказал перед тем, как отправиться к воротам. Отец не остановил меня, а лишь беспомощно вытянул руку, глазами умоляя понять. Сунув карточку охраннику и получив ее обратно, практически бегом я бросился по аллейке, утирая слезы. Нет, такого предательства я вынести точно не мог. Всем сердцем я уже ненавидел неродившегося брата от какой-то там Нортгемптонской Джесс. Она представлялась мне жуткой — толстая, сварливая, с огромным животом, орлиным носом и маленькими злыми глазками. Такой уж портрет написало мое воображение. И тут же я представил, как Эд качает на руках того, кто заменит ему меня, и от тихого плача я перешел к рыданиям. Сам того не заметив, я добрался до сада, хлопнул плетеной калиткой, и, прямо напролом, двинулся через деревья к сарайчику с инвентарем. В тот момент это место казалось подходящим для моего горя, которое хотелось мучительно пережевывать в одиночестве. Я спрятался меж лопат, грабель и ящиков, носом уткнувшись в колени, которые через несколько минут стали влажными от моих безудержных слез. Я жалел Нору и себя, ведь фактически принес в жертву привычную жизнь в обмен на благополучие родителей. Если бы я знал раньше, то не оказался бы тут среди чужих мне по духу людей. В тот момент я ненавидел весь мир и рыдал, рыдал, пока голова не закружилась, а из носа не потекла кровь. Я вытер алые разводы салфеткой, и, сжав ее в кулаке, уставился в одну точку. Покачивался из стороны в сторону, словно умалишенный, пока вновь не прокрутил разговор в голове и не завыл, запрокинув голову. Будь проклят этот Эд, его новая жена, новый сын и новая жизнь.

Дверь скрипнула.

Я, словно зверек, загнанный в угол, спрятался за большую коробку и попытался не дышать. Но в нос попала пыль, и я незамедлительно чихнул.

— Вот ты где... — знакомая нота утомленности в голосе. Я высунул голову из укрытия, поспешно вытирая слезы. Возле входа стоял Дарси, в руках сжимая картонный глянцевый пакет. Он тут же отставил свою ношу в сторону и подобрался ближе.

— Чего тебе надо? — всхлипнув, озлобленно спросил я.

— Видел, как ты побежал сюда, — спокойно ответил юноша.

Я вновь утер рукавом лицо и отвернулся, чтобы собеседник не решил потешаться надо мной. Но он и не думал. Доверительно он опустил рядом и согнул длинные ноги в коленях.

— Между вами что-то произошло?

— Да, — хмуро ответил я, сочтя, что врать бесполезно. — Отец сказал, что у меня будет брат.

— И поэтому ты в таком расстройстве? — скептически повел бровью Арлен. Ежась от холода, я возразил:

— Нет.

Юноша тут же сбросил с себя полупальто и накинул его мне на плечи.

— Ни к чему такие любезности, — возмутился я, пытаясь сбросить с себя вещь, но приказное «Сиди!» парализовало. Тогда я решил быть откровенным. — Отец сказал, что у него будет сын от другой женщины, не от моей матери. Все это время он любил какую-то Джесс, а я не знал и, словно слепой котенок, не видел правды. Думал, что с мамой они ругаются просто из-за того, что в их отношениях какой-то кризис или что-то вроде того.

— Все равно это твой брат, — ненавязчиво произнес Дарси. — У меня вот нет никого, кроме родителей. И те, словно на другой планете. А тебе ничего не остается, кроме как принять случившееся за данность. Ты ничего не изменишь. Особенно, если будешь сидеть здесь в грязи, мерзнуть и рыдать, словно брошенная девчонка.

От слов Арлена мне не стало легче, и я вновь тихонечко завыл в рукав. Он явно не умел сострадать и успокаивать людей в таких ситуациях. А может, это я жалел себя настолько сильно, что кроме собственных всхлипов не мог ничего слышать.

— Ладно, ладно, — поспешил оправдаться старшеклассник. — Если ты замерз, то у меня тут кое-что есть.

— И что? — без капли доверия поинтересовался я, на несколько секунд прервав плач.

— Вот, — юноша продемонстрировал свой лаковый пакет, из которого тут же показалась темная бутылка.

— Зачем тебе в школе виски? — спросил я. Нет, Дарси умел удивить.

— Отец передал в подарок другу, который работает в «Хартвуде». Мистер Сайман. Но сейчас это неважно.

Парень опустил рядом со мной, и открутил крышку бутылки. В холодный воздух тут же вплелся душный аромат дорогого алкоголя.

— Ты что, предлагаешь выпить это? — я решил уточнить. Спиртное здесь было под строжайшим запретом.

— Нет, давай просто полюбуйся, — раздраженный моей глупостью, парировал Дарси. — Зато согреешься и успокоишься. Глотай...

Должен заметить, что я почти никогда не пил спиртное. Нет, пару раз со школьными товарищами в Рочестере в тайне мы пробовали темное пиво, а однажды один парень раздобыл настоящий коньяк. Впрочем, до моего совершеннолетия оставалось целых пять лет, и мысль о том, что я до этого времени не имею права ни курить, ни ощущать вкус алкоголя, немного разозлила меня.

— Давай, — нахмурившись, я принял бутылку из рук брюнета. Она была холодная, а жидкость, плескавшаяся в ней, напоминала цвет глаз моего собеседника. Губами я припал к стеклянному горлышку и сделал небольшой глоток. Меня тут же передернуло. Это как выпить огня. Я закашлял, пытаясь вобрать воздуха. Дарси промолчал и, забрав у меня бутылку, тоже отпил. Ни одна его мышца не дрогнула. Казалось, он даже получил наслаждение. Хотя стоило лишь спиртовому вкусу раствориться, я ощутил приятную нотку миндаля или чего-то вроде того. Арлен отставил бутылку и, достав сигарету, жадно закурил.

Я заметил, что юноша едва заметно дрожал, но всеми силами пытался это скрыть. Тогда, без всякой задней мысли, я подвинулся ближе и почувствовал его тело рядом со своим.

— Если ты замерз, то заведи пальто. Вообще-то, мне не очень холодно...

— И мне тоже, — перебил Дарси, стряхивая пепел на пол.

— Но ты дрожишь, я вижу, — смущенно произнес я, а старшеклассник, промолчав, сделал еще один большой глоток из бутылки. Затем виски переключались в мои руки, и я опять глотнул. В этот раз все оказалось лучше, чем в первый. Алкоголь потерял для меня свою горечь, хотя передергивающая терпкость и послевкусие остались. Неужели кто-то действительно получает удовольствие от этого напитка?..

— Лда бы сюда... — задумчиво произнес Арлен, выпуская дым из легких. Я пожал плечами и, желая сойти за умного, решил поддержать беседу:

— Ну, или колы. Слышал, ей неплохо разбавлять виски.

— Отвратительно, — поморщился мой сосед и, словно сокрушаясь, вновь с наслаждением отпил. — Такой благородный напиток не стоит смешивать со всякой дрянью.

— С людьми тоже такое бывает, — зачем-то произнес я, чем привлек удивленный взгляд Дарси. И я тут же поспешил пояснить свою аллегорию. — Ну, был человек хорошим, потом познакомился с кем-то плохим, и это его испортило.

На секунду старшеклассник показался мне очень задумчивым. С неким раздражением, даже злостью, он затушил сигарету о землю и бросил окурок в стену. Я поспешил сменить тему.

— Почему ты пошел за мной?..

— Ты сам сказал, что я кажусь отвратительным, ужасно себя веду и никому не помогаю. Считаю, что это мое первое доброе дело.

Мои щеки порозовели, едва я вспомнил о недавнем случае ночью.

— Я ничего не имел такого в виду... — машинально мои пальцы обхватили пуговицу на пальто Дарси. Красивая, очень красивая и теплая. Я начал чувствовать, что доски нашего сарая куда-то пытаются уплыть от моего взгляда.

— Да ладно, — ответил собеседник и встряхнул бутылку. Мы выпили уже больше половины, что по мне было заметно: голова немного кружилась, грусть больше не охватывала, а говорить хотелось откровеннее, чем обычно. Судя по всему, парень тоже почувствовал опьянение — без причины он мягко рассмеялся, а затем буквально вцепился в меня взглядом. Смотрел так, что смутил, и мне даже пришлось опустить голову. Но не тут-то было — моей щеки коснулись пальцы собеседника, заставив вздрогнуть. Будто Арлен требовал, чтобы я тоже смотрел на него. Я изумленно поднял глаза и уже хотел возмущенно сбросить с себя руку юноши, как тот накрыл мою ладонь своей. И я не стал этого делать. Дарси выглядел очень серьезно, а его медовые глаза опьяненно блестели. В тот момент и я не очень ясно соображал, рядом упала бутылка, и все, что там осталось, растеклось по полу. Но никто из нас не обернулся. Мы смотрели друг другу в глаза и будто разговаривали без слов. Мне уже стало неловко, и я, было, хотел прекратить это, как внезапно грубым жестом Дарси ухватил меня за ворот надетого на меня пальто. Что-то звякнуло, но он не обратил и малейшего внимания. Арлен был так близко, что я ощущал, насколько горячо его дыхание, которое прожигало меня, словно сухой бумажный лист. И я горел. Не знаю почему, но в этот раз не хотелось никого бить (а ведь со стороны все это выглядело совсем не по-дружески): может оттого, что я банально не мог встать на ноги, не то чтобы уж серьезно ударить; а может, потому что мне нравилось то, что я делал, и мне не казалось это отвратительным. Но

удивленно смотреть на красивое лицо Дарси и размышлять я тоже долго не смог. Потому что внезапно на моих губах осели губы старшеклассника, а его ладонь скользнула сквозь мои волосы и сжала затылок. Первые несколько секунд я не понимал, что происходит: в своей жизни я никогда никого не целовал, поэтому и не сразу осознал, что это и есть поцелуй. Я ощущал вкус виски, сигарет и мятной жвачки. Перемешавшись, эти ароматы стали единым — так в тот момент пах Арлен. И я ответил на этот поцелуй, так неловко укусив юношу за верхнюю губу. Тот ухмыльнулся, и другая его рука скользнула мне на плечо, притянув тело еще ближе. Весь я трепетал, таял. Дарси не был груб, скорее требователен, но в нем чувствовалась нежность. Я прикрыл глаза, считая секунды, но тут же сбился. На самом деле, мне было сложно судить, насколько отличается поцелуй с девушкой от поцелуя с парнем. Но я не был точно уверен, что мужчины с Марса, а женщины с Венеры, — мы все с Земли, — поэтому мысленно сделал вывод, что это не имеет никакого значения. По крайней мере, сейчас. По крайней мере, для меня. Для нас.

Арлен отстранился, и в его глазах я смог уловить некий испуг. Он облизал алые, словно от гранатового сока, губы и напряженно выдохнул. Его темные волосы слегка растрепались, а свободный ворот свитера сместился, обнажив острую ключицу. Старшеклассник все смотрел и смотрел на меня, словно гладиатор, ожидающий от Калигулы судьбоносного вердикта. Я замялся, тыльной стороной ладони утер рот и поднял с пола то, что звякнуло минуты три назад. Огонек зажигалки на мгновение осветил наши лица, Дарси подкурил и спросил:

— Так и будешь молчать?

Я помотал головой и протянул юноше открытую ладонь, в смятении ответив:

— От твоего пальто пуговица оторвалась.

Примечания:

Мужчины с Марса, женщины с Венеры — книга психолога Джона Грэя, опубликованная в мае 1992 года. Издавалась на многих языках и была бестселлером. (В моем случае упоминается в качестве отсылки).

Пуговица — это не пошедшая под откос жизнь. Ее можно пришить: черные нитки, иголка, умелые руки, и вот она, на своем месте. С жизнью так нельзя, как бы этого ни хотелось. Да и вообще, давно стало заметно, что чем старше я становился, тем больше вещей, которые когда-то казались простыми, становились, словно деление на ноль.

Но пуговицу хотя бы можно пришить, и все станет как прежде. Что не сказать обо мне — всю ночь после родительского дня меня ужасно тошнило, буквально выворачивало наизнанку, а моментами даже казалось, что я вот-вот изрыгну свой собственный желудок. Хотелось бы выплюнуть и мозг со всеми теми обрывками воспоминаний, которые не смог стереть алкоголь. Я даже не помнил, как оказался в общежитии и уж тем более был удивлен, как меня вместе с Дарси пропустил комендант. К слову о моем соседе, спал он очень сладко. Настолько, что не снял носки и футболку, надетую под свитер. Кровать Арлен тоже не разобрал, рухнул прямо так и засопел. Я бы тоже был рад беззаботно выключить себя, но только ужасная тошнота и бесконечные мысли, выстреливавшие по сознанию, словно пушки, не давали мне этого сделать. Сейчас даже отец и будущий брат волновали меня куда меньше, чем то, что произошло между мной и Дарси в том сарае для инвентаря. Меня целовал парень. Но проблема была не в этом. Проблемой было то, что я ответил на этот поцелуй.

Когда я выпил пару стаканов воды из кулера и принял душ, стало немного легче, хотя ощущение, что я готов лечь прямо на полу коридора и уснуть, оставалось. Тем не менее я поднялся к себе на этаж и даже нашел дверь комнаты, где меня ожидал неприятный сюрприз. При таком раскладе ночевать было бы приятнее в том сарае: все помещение пропитало жуткое зловоние перегорелого алкоголя и сигаретного дыма. Я запер дверь и, вновь борясь с тошнотой, не раздеваясь рухнул на кровать. А вот он — Арлен Дарси — аристократ, сволочь и кто-то вроде гения, лежит передо мной в пьяном забытьи. Что произошло между нами? Изменит ли это мою жизнь? «Ладно, — сказал я самому себе. Усталость и головная боль не давали сосредоточиться на мыслях. Тогда я решил воспользоваться мудростью Скарлетт О'Хара, и продолжил. — Подумаю об этом завтра». Стало легче. Я поставил на пол принесенный стакан с водой и прикрыл глаза на пару секунд. Только эта пара секунд превратилась в целую ночь — я уснул так быстро, как не засыпал никогда.

После всего произошедшего мы с Арленом не разговаривали два дня. Едва наши глаза встречались, мы с мучительной напряженностью отводили взгляды в сторону. Или, стоило завидеть друг друга в столовой, как мы старались разминуться, чтобы не чувствовать неприятного накала. Казалось, что Дарси стал настолько далек, что находится на другой стороне Земного шара. Будто мы говорили на разных языках, исповедовали разные религии и в разное время встречали закаты с рассветами. Но, засыпая, лицом отвернувшись к стене, я ощущал, что безумно хочу поговорить. Я балансировал на канате, руками пытаюсь удержаться за воздух, но знал, что если сумею изменить ситуацию, то непременно выживу.

Утром третьего дня он вновь не сказал ни слова. Вместо этого мой дорогой сосед быстро собрался и с привычной вальяжностью пошагал по коридору на завтрак. Я решил, что мне стоит начать действовать: если мы не обговорим то, что произошло между нами, в смысле, тот поцелуй, то я не смогу двигаться дальше по жизни. Возможно, в тот момент я

воспринимал все слишком близко к сердцу, но мне с мучительной тоской казалось, что моя душа зацепилась за его губы. Я нагнал Арлена прямо перед дверью в столовую. Но большинство ребят уже начинали расходиться, поэтому меня произвольно отбросило потоком, и на несколько секунд я потерял юношу из виду. Как всегда, мне удалось показаться самому себе жалким и неуклюжим. Сделав усилие, я все-таки вновь нашел Дарси взглядом. Как всегда статный, опрятный, отстраненно-вежливый и горделивый. Я замер возле дверного косяка и тут же покраснел от пришедшей мне в голову мысли: я поступаю так же, как глупые девчонки из средней школы, влюбленные и переполненные мучительной страстью. Недалеко от Дарси я уже заметил троицу учениц, глядевших в его сторону и обменивавшихся впечатлениями. И глуповатые смешки, и их голодные взгляды раздражали меня. Будто все вокруг стали назойливой массовкой для Дарси, мешали своим лишь присутствием. Внезапно я заметил, что рядом с Арленом замаячила знакомая фигурка, и в ней я без колебаний узнал Лили Блейн: ее выдавала легкая сутулость, манерный шаг и нервные движения. Вместе с юношей они сели за один стол и, кажется, на завтрак даже взяли одно и то же: большой стакан какао, медовые круассаны и печенье. Я покачал головой и с некой горечью развернулся в сторону этажей с комнатами. Есть расхотелось. Жить отчего-то тоже. А губы горели и горели, будто я коснулся ими перца.

К вечеру я понял, что еще более замкнулся в себе, чем когда-либо прежде. Ноги не держали меня — стоило встать, как колени тряслись, но лишь я садился, как одолевало невероятное желание встать и пройтись. Я попал в замкнутый круг. Ничего не могло меня отвлечь: книги падали из рук, строчки ускользали от взгляда, странички в социальных сетях не обновлялись, а от попытки перекусить подкатывала тошнота. Я не находил места ни себе, ни своей душе. Дарси, доказавший свою эгоистическую природу, лишил меня прежней жизни, и теперь я был вынужден барахтаться в волнах собственного сомнения, ожидая спасительного круга от виновника этого предрождественского подарка. Не то чтобы я оправдывал себя. Нет. Просто твердо знал, что моей вины в произошедшем меньше. К тому же, меня коробило поведение Арлена — он молчал, будто признавая свою причастность к произошедшему, но при этом лишал нас возможности объясниться. Игнорировал. Избегал.

Дверь хлопнула, и в тот момент Дарси попался в мою ловушку. Он вернулся с ужина, который я предпочел пропустить. Но от его одежды пахло табаком, так что не обошлось и без привычного перекура после еды. Я смотрел в его затылок и умирал сотни раз за секунду, пока он скидывал пиджак и аккуратно укладывал свои вещи. Я знал, что если не сейчас, то уже никогда. В груди трещали угли, в голове звенела пустота, а кончики пальцев немели, покалывали. Но все-таки я начал, сделав жадный вдох утопающего:

— Тебе не кажется странным, что мы не разговариваем уже несколько дней?

Голова закружилась от волнения. Дарси медленно обернулся и с неким сарказмом поинтересовался:

— А ты можешь назвать хоть что-то в своей жизни, что не является странным?

Я осекся и недовольно нахмурился. Это были его первые слова, адресованные мне за последние три дня. Но я знал, что подобный встречный вопрос — провокация, чтобы избежать нужной темы. Наверняка Арлен плохо знал, насколько настойчивым я умею быть.

— Давай обойдемся без этого. Ты знаешь, что мы не можем оставить все так, как есть.

В ту секунду мой голос дрогнул, и чтобы собеседник не прочел волнения в моих глазах, я сел за стол к нему спиной. Меня будто жгло — я знал, что холодный взгляд, каким бы

странным это ни казалось, превращает меня в пепел. Я рассыпаюсь. И ведь уже был готов отступить, испугаться, как юноша вновь заговорил.

— Я бы сказал тебе многое. Но если скажу, то твоя жизнь перестанет быть прежней.

Он будто мог читать мои мысли. Но я собрал волю в кулак и вновь глубоко вдохнул. Это помогало: будто вбираешь в себя побольше слов для ответа. Только вдох этот получился прерывистый и нервный. Я успел миллионы раз за секунду пожалеть, что решился заговорить, тысячи раз смутиться и сотни раз ощутить желание пустить слезу от какого-то чувства унижения. Но унижением для меня был не тот поцелуй со вкусом виски и сигаретного смога, а собственный взгляд на ситуацию. Мне казалось, что если Арлен просто извинится и попросит забыть, я расстроюсь. Все это время я пытался скрыть правду в каком-то сундучке в самом дальнем ящике своей души, но кто-то нашел от него ключ. Я хотел нравиться Дарси и сейчас понимал, что готов на это даже так. Я чувствовал его запах, слышал его голос, ощущал взгляд, но боялся повернуться. Было страшно услышать, что все произошедшее — ошибка. Как и я сам.

Арлен вновь заговорил.

— Мы можем списать все на алкоголь. Виски слишком безумен, чтобы не дать нам стать такими же безумными. И если ты скажешь, что все это ошибка, то это будет так.

В воздухе повисло напряжение. Да, я знал, что два парня — это ужасно. Не просто ужасно — отвратительно, неверно и бесперспективно. Так твердила общественность, и я кивал, мысленно недоумевая, как можно полюбить мужчину. Конечно, я не был уверен, что именно люблю Дарси, но отдавал себе отчет, что испытываю сильнейшую привязанность. И он, будто весь сотканный из тайны, ядовитого дыма и аромата мяты, располагал к себе. Взгляд приковывал, заставлял смотреть только на него, а эта молчаливость и загадочность внушали, что стоит пробивать стену меж нами, даже если кулаки уже стерты в кровь.

— Нил, — серьезно продолжил юноша и подошел, опустив ладони на мои плечи. Я молча слушал, и даже не возникло чувства отвращения от этого прикосновения. Только запылали губы, а за ними и щеки. — Я знаю, что ты сейчас думаешь обо мне. Я тоже бываю слаб. И я старался держать себя, ты видел, понимал, чувствовал. Поэтому если ты хочешь забыть...

— Нет! — вскинулся я, и мой голос сорвался на последнем звуке. Я тут же прикрыл рот ладонью, чтобы не привлечь посторонних, и обернулся, умоляя глазами. — Только не забывать.

Арлен застыл в удивлении — он явно рассчитывал на что угодно, но не на это. Я мог ударить его, проклясть, рассказать обо всем администрации, только не умолять не забывать произошедшее. Но я просил именно об этом. Парень поспешно убрал руки, выпрямился и откашлялся в кулак. Тут же я увидел, как в нем возрождается на секунду утерянная горделивость и стать. Он вновь продолжил:

— Ты должен ответить, было ли это ошибкой. И прежде всего — самому себе.

Я потерялся где-то между первым и последним его словом. Арлен молчал и, чуть обернувшись, напряженно наблюдал за мной, а я все еще сжимал кулак, ощущая пульсацию вен под кожей. Мне хотелось сказать многое, но если я не мог сказать это себе, то, естественно, не мог никому. Я просто слушал тишину и считал удары своего сердца. Настолько частые, что я тут же сбился. Нет, я сам затеял этот разговор...

— Просто. Не знаю. Мне кажется, ты особенный.

— А ты? — перебил меня Арлен.

— А я... Становлюсь особенным рядом с тобой. И не только я — все становится.

Вновь между нами возникло чувство неловкости. Сложившаяся ситуация очень раздражала: мы оба ходили вокруг да около, но никто не решался сказать что-то большее, чем просто слова. Безликие предложения тянулись чередой, но я все еще не мог собраться с силами.

— В общем, — пришлось продолжить после паузы в несколько секунд. — Если это была вина алкоголя и снедающего одиночества, то не без участия моей собственной воли. Как бы странно это ни прозвучало, мы стали ближе. А значит, я рад.

И тут произошло невообразимое — непробиваемый Арлен Дарси улыбнулся. Сперва мне показалось, что уголки его губ поднимаются в привычной кривой ухмылке, но тут же я понял, что это нечто иное. Такое теплое, хоть и отстраненное, как солнце на летнем рассвете. Удивительно, что улыбка придавала лицу юноши совсем другие черты, и я не мог солгать себе, что он стал еще более красив. И красота его была нетипична. Лучшим примером для контраста, мне казалось, было сравнение с Вацлавом, слащавым парнишкой, идеально подходящим на роль парня из подросткового бой-бенда. Арлен же обладал красотой погибших римских богов. Будто сам он шагнул с пантеона, и эта улыбка была его даром мне. Я мягко улыбнулся в ответ, и мои скулы свело от смущения. В тот момент до меня наконец-то дошло, что я только что практически признался в любви парню. Но пока это чувство, рождавшееся во мне, напоминало привязанность Ахилла к Патроклу.

Дарси завел руки за спину и двумя шагами сократил расстояние между нами. Он буквально навис надо мной, руками уперевшись в крышку стола, а я, подняв голову, глазами, полными удивления, смотрел на него снизу. Так было всегда — по жизни я стоял на ступень ниже, чем он, но отчего-то даже этого мне было достаточно. Сейчас я чувствовал горячее сбивчивое дыхание на своей коже и едва вздрагивал, когда случайно мое плечо касалось его напряженных рук. Но мы все еще были за тысячи световых лет друг от друга. Невольно я встряхнул волосами и убедительно отстранил юношу, поднявшись со стула.

— Прости, — бросил я, накидывая куртку и быстро обувая кроссовки, — мне нужно немного побыть одному.

В ответ Арлен кивнул и уселся на мое место. Медовые глаза провожали меня. Но Дарси знал, что я вернусь.

Станный разговор, наша беседа, полная накала и недомолвок, сверлила меня. Было немало времени, около восьми, но я все равно решил глотнуть свежего зимнего воздуха, чтобы освежить свою голову. В такие моменты хотелось иметь кнопку «перезагрузка», тогда, уверен, в жизни было бы в три раза меньше проблем. Я даже махнул рукой на отца и его новую семью. В конце концов, Арлен был прав — все мои попытки склеить разбитую чашу отношений были бессмысленны и бесперспективны. Когда я уезжал в «Хартвуд», через край лилось чувство вины: казалось, что родители ссорятся из-за меня. Теперь же я освободился, хоть и пришлось отколоть кусочек своего сердца. Мне не стоило жить чужой жизнью. Оказалось, что моя ничуть не скучней.

Я уже, было, собрался спуститься по лестнице, даже преодолел несколько ступеней, как где-то в самом низу услышал странный грохот. Через секунду я перегнулся через перила, и моим глазам предстала такая картина: девушка не удержала массивную стопку книг, и несколько из них глухо ударились о ступени, а затем скатились вниз. Я моментально отреагировал и бросился на помощь. Не подумайте, что я хвастаюсь доблестью, но, воспитанный рыцарскими романами, я всегда проявлял себя в лучшем свете и не мог пройти

мимо чужой беды. А тем более, когда в помощи нуждалась девушка. В моих руках оказался томик неизвестного мне автора, который я тут же поспешил вернуть хозяйке, но едва девушка подняла голову, а на ее плечо легли светлые длинные пряди, как меня укусило сомнение — передо мной стояла Леона, только вместо привычного хвоста ее волосы были распущены. Это помешало мне сразу узнать одноклассницу, но я сумел взять себя в руки и заговорить:

— Возьми, пожалуйста.

— В друзья набиваешься? — с раздражением Паттерсон вырвала книгу из моих рук, но мне показалось, что ее взгляд разнился с тем, что она говорила. Девушка вновь попыталась удержать стопку, но она была настолько тяжела, что я едва успел поймать вновь падающую книгу.

— Нет, — покачал головой в ответ я. — Если ты этого не хочешь. Разрешишь хотя бы помочь?

— Помогай, — с наигранным страданием Лео вздохнула. — Нужно отнести в библиотеку, пока Урсула не закрыла ее.

Я подхватил добрую половину стопки и с гордым видом двинулся вперед. Мне казалось, что моей спутнице не очень нравится то, что я иду рядом. С другой стороны, я не смог отказать себе в соблазне обернуться и вновь взглянуть на нее — без грамма косметики и с такой прической она казалась мне естественнее и мягче, только девушка извечно клонила голову вниз, будто боясь, что я коснусь ее взглядом.

— Не смотри, — Леона скривила губы и гневливо выдохнув, отвернулась.

«Ну прямо как Дарси», — мысленно усмехнулся я и продолжил путь. Отчего-то я отделял эту одноклассницу ото всех остальных: она никогда не смеялась надо мной, редко с энтузиазмом занималась общественными делами, извечно была серьезна и замкнута. Сперва мне казалось, что ее просто разъезла гордыня, но чем ближе я узнавал Леону, тем чаще понимал, что это не так. В ней было что-то иное, странное, она была как разобранный пазл. Ох, и везет же мне на сложных людей.

Мы почти дошли до здания библиотеки, как прямо перед нами резко загорелся фонарь — стемнело уже около часа назад, а его, видимо, совсем позабыли включить вовремя. Инстинктивно я обернулся в сторону своей спутницы, а та застыла, испуганно глядя на меня. Внезапный порыв ветра отбросил волосы девушки, и тут я заметил, что прямо на ее скуле красуется светло-лиловое пятно. Леона поспешила вновь закрыться волосами и сделать вид, что последних десяти секунд вовсе никогда не было в наших жизнях.

— Ты испачкалась... кажется, — проронил я, пальцем указав на щеку девушки. Та недовольно сдвинула брови и потеряла кожу, но грязь и не думала оттираться.

— Пошли, — раздраженно выпалила Леона, всего несколькими шагами сравнявшись со мной. И тут мне выпала возможность разглядеть пятно поближе, и удержаться я не смог:

— Это синяк, Лео.

— Синяк? — поинтересовалась девушка без удивления. Тут же она изменилась в лице — как-то смутилась и отстранилась от меня. — Наверное, ударилась во сне о кровать.

Слова прозвучали неуверенно.

— Ладно, — пожал плечами я. Вообще, ввязываться в чужие дела я не любил, но уже упоминал, что будучи человеком чести, не мог не предложить помощь. Я не был полностью уверен, но мне казалось, что Леона ударилась не во сне и не об кровать. Да и вообще, ударилась не сама. — Если тебя что-то тревожит, то можешь рассказать это мне.

— Еще чего, — через зубы выпалила девушка и, обогнав меня, нырнула в двери библиотеки. Я вздохнул и обернулся, невзначай издалека взглянув на сад. Припорошенный снегом, он был точно тем местом, куда ступила нога маленькой Люси, шагнувшей в Нарнию.

После того, как я помог Леоне донести книги, она выпалила сухое спасибо, вновь прикрылась волосами и развернулась в сторону мощеной аллейки. Но прежде, чем отойти далеко, девушка обернулась и, явно собравшись с силами (кому, как не мне, неуверенному в себе человеку, не заметить этого напряжения), крикнула:

— Я хотела бы кое-что отдать тебе!

— Что? — крикнул я, ладонью сделав козырек от яркого света фонаря. Леона в тот момент казалась мне маленькой черной фигуркой, словно шахматной ладьей. Она помялась, а затем резко выдала:

— Твое чувство собственного достоинства.

Я потупил взгляд к земле и досчитал до трех, а когда вновь поднял голову, то увидел лишь извилистую цепь следов, и вновь эта черная ладья, бегом направляющаяся к зданию общежития. Я не уверен, но мне казалось, Леона не сказала того, что на самом деле планировала. Хотя, скорее всего, мне лишь хотелось так думать. Я еще немного потоптался на улице, дошел до автомата с едой и за фунт, который завалился в кармане, купил разноцветные жевательные конфеты. Еще в тот вечер я заметил, что мне нравилось ходить по чужим следам. При этом я думал, что кто-то решит, что мои собственные следы оборвались и с их обладателем случилось что-то загадочное. Конечно, я знал, что мало кто обращает внимание на такую мелочь, как следы от подошв, и уж тем более крупные хлопья снега к утру все заметут, но эти идеи казались мне интересными. По крайней мере, я всячески оттягивал размышления о том, ради чего вышел подышать свежим воздухом. Так я не заметил, как дошел до общежития. Тогда я закинул очередную конфету в рот и двинулся в комнату, тщательно отряхнув свои ботинки.

Через минуту я ощутил металл дверной ручки собственной комнаты. Нет, не собственной. Увы, я жил не один — у меня был самый «завидный» сосед во всем общежитии. Я давно заметил, что зачастую, проходя мимо нашей комнаты, ученики перешептывались и показывали пальцем, будто это была вовсе не двести пятьдесят третья, а знаменитая Даунинг-стрит, 10. Деликатно постучав три раза и не получив отклика, я отворил дверь и переступил порог. В тот же миг я погрузился в полную тьму, и меня слегка напугал приказной голос: «Не включай свет!». Приглядевшись, я заметил Арлена, словно труп, лежащего на светлом мягком ковре. К слову, тот самый ковер, на который я обратил внимание еще когда парень жил в другой комнате, принадлежал именно Дарси, и переехал сюда вместе со своим хозяином. Я вообще уже привык ко всему странному, поэтому перестал удивляться: юноша лежал посреди комнаты в полной темноте, взглядом сверля потолок. Молчал. Молчал и глядел. На секунду я засомневался, не поехала ли у моего соседа крыша, но, вздохнув и внезапно отыскав во всем этом прелесть, я решил не придавать значения. Пусть все будет так, как это должно быть. Сбросив куртку и обувь, по мягкому ворсу я прошел на середину комнаты и опустился рядом с Арленом. Тот слепил веки, даже не взглянув на меня. Тогда я вытянулся рядом, и тоже решил посвятить себя странному занятию. Все происходящее напоминало мне кино в стиле арт-хаус: вдвоем мы валялись на полу, а потолок был нашим звездным небом. Возможно, во всем можно было бы найти скрытый смысл, в каждом нашем действии — аллегория, а в каждой вещи — символ. Но нам было хорошо и так — просто лежать рядом, молчать и смотреть в темноту. Хотя через

несколько минут я не выдержал:

— Хочешь конфету?

— Какую? — Дарси лениво разлепил веки и перевел взгляд с потолка в мою сторону. Я поспешно залез в карман и продемонстрировал мятый пакетик. Парень, по-моему, даже не разглядел обертку, и, махнув рукой, заявил. — Давай.

— Сможешь угадать, с чем она?

Я вложил в ладонь Арлена конфету алого цвета. В момент съев ее, он серьезно ответил:

— Малина.

— А вот эта с чем? Угадаешь?

— Лимон.

— Точно-точно, — засмеялся я. — Ну а вот эта?

Юноша повторил свои предыдущие действия, и, хмыкнув, заявил:

— Со вкусом красителя и консерванта.

— Да ну тебя, — беззлобно произнес я, улыбнувшись.

В тот момент я тоже положил в рот конфету и вновь устремил взгляд в потолок.

Я глядел в бездну. А бездна глядела в меня.

Примечания:

Кэти-Скарлетт О'Хара Гамильтон Кеннеди Батлер — главное действующее лицо романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром».

Бой-бэнд или бойбэнд (англ. boy band или boyband; букв. «мальчишечья группа») обычно определяется как вокальная поп-группа, состоящая из юношей привлекательной внешности.

Ахилл и Патрокл — в "Илиаде" Гомера — преданные друзья. Гомер не говорит прямо, что Ахилл и Патрокл были любовниками. Однако их отношения друг к другу больше похожи на влюбленность, чем на спокойную дружбу.

Снег завораживал меня. Особенно красивыми, изящными снежинки казались из окна нашей с Арленом комнаты: подсвеченный фонарем, снегопад становился поистине сказочным, и я уже чувствовал дух приближающегося Рождества. Будучи ребенком, я был рад зиме не меньше, чем сейчас. Выбегал с расстегнутой курткой, стоило лишь на утро завидеть сугробы, лепил зверей из снега, а потом неделю лежал в кровати с простудой и пил травяной чай, который мне варила Нора. Такие воспоминания были светом в моей душе, но и они же заставляли грустить. Только подумать: мне никогда не будет семи, десяти, и даже четырнадцати лет. Время не стоит на месте, и, когда в шестнадцать ты оглядываешься в прошлое, кажется, что за тобою по кирпичикам рушится мост, огромный мост. Я знал, что боюсь взрослеть, что-то менять в своей жизни, а в последнее время это приходилось делать слишком часто. Скоро я стану на год старше, и тогда за мной рухнет еще один пласт моего моста. Ни шагу назад. Прошлого не исправить.

— У тебя остались конфеты?

Я отступил от подоконника и обернулся. Юноша позвал меня так неожиданно, что невольно сердцебиение усилилось. Сразу я заметил, что за то время, что я отдавался раздумьям, с пола Дарси перекечевал на свою кровать. Но свет он так и не решился включить. В темноте нам обоим казалось, что мы — это вовсе не мы, а кто-то другой, более смелый, решительный и свободный.

— Увы, — покачал головой я, и тут же смутился, что доел все один. — Но если ты хочешь, я схожу вниз...

— Не ходи, — покачал головой Дарси и с видом господина подпер подбородок костяшками пальцев. Я плохо видел в темноте, но черный силуэт разглядеть мог. Опять же я вспомнил шахматы, хотя провести параллель между королем и Дарси не мог. Им скорее был я. Арлен превосходил меня во много раз, и по возможностям мог сравниться с шахматной королевой, безжалостной, могущественной и сильной. Тут же парень продолжил: — Кстати, написал чего-нибудь новенькое?

Я вновь смутился. Тему моего творчества мы с того дня не поднимали, поэтому собеседник не знал о том, что я ничего не пишу. Тогда бы он точно засмеял меня, ведь писатель, который ничего не сочиняет, это полнейший бред. Не зная, как выкрутиться, я с осторожностью присел на край кровати своего соседа и опустил руки на колени.

— Что-то не пишется.

Юноша ухмыльнулся и приклонился к самому моему уху, отчего по телу пробежал озноб:

— Когда напишешь, то дай прочесть мне.

Его голос был серьезным, без какого-то кокетства и ехидства, твердый и приглушенный. Прямо как его обладатель. Въедливый запах сигарет от одежды Арлена больше не казался мне недостатком, да и вообще, я начал замечать, что все минусы Дарси не что иное, как его плюсы. Грубость казалась мне проявлением силы, спесь — гордостью, холодность — аристократизмом, пренебрежительное отношение к окружающим — разборчивостью, а курение — изюминкой.

— Кстати, — решил развить разговор я. — Ты подружился с Лили?

— Если тебе хочется так думать, то думай именно так.

— А если честно? — не унимался я.

— А разве я вру тебе? — удивился Арлен. Мои глаза давно привыкли к полутьме, и я начал различать эмоции на его лице.

— Если честно, то не знаю. Сегодня на завтрак ты сидел вместе с ней...

— А ты был на завтрак? — вновь удивился собеседник, и я замахал руками:

— Я не ходил, но мне сказали!

— А я видел тебя, — невозмутимо возразил Дарси, отчего я покраснел, словно цветок мака.

— Правда?

Юноша тут же беззлобно, приглушенно рассмеялся, и я вновь почувствовал легкое тепло, исходящее от него. Подобное было непривычно, он не смеялся даже, когда проводил время с Вацлавом, а тут...

— Вообще-то я не видел тебя. Просто поймал на словах.

— Да как ты... — застыженно возмутился я, обратившись гневным взглядом к соседу, но внезапно произошло невообразимое. Сильные и требовательные руки сгребли меня в охапку, дыхание обожгло кожу, и мятный аромат защекотал нос. Секунда — на губах осели другие губы. В этот раз виновником нашего поцелуя не был алкоголь, и этим действием, я знал, Арлен спрашивал меня о том, что я для себя решил. Отвечу ему — моя жизнь не станет прежней, остановлю — и все вернется на свои места. Но кто сказал, что если жизнь изменится, то обязательно в худшую сторону? И я прикрыл глаза, послушно разомкнув подрагивающие от волнения губы. Дарси тут же поспешил углубить поцелуй, языком скользнув по моему небу, зубам, а затем отыскав и мой язык. Я в неловкости попытался отстраниться — не от отвращения, а скорее от того, что стыдился своей неопытности. Но юноша был проникателен, как никто другой. Тут же он разорвал поцелуй, и прижал мое тело к своему с такой силой, что казалось, сейчас разломится добрая половина костей. Я размяк и крепко зажмурил глаза, боясь поверить, что сейчас — это сейчас.

— Не бойся меня. А тем более себя, — бархатно произнес Арлен, после чего губами обхватил мочку моего уха. Я не стал открывать глаза, а моим ответом был сдавленный выдох — юноша скользнул языком по хрящичку, а затем прикусил зубами кожу. И было это настолько фантастическое ощущение, что я чувствовал себя шампанским, со дна которого поднимаются пузырьки. Он посасывал мочку моего уха, будоражил дыханием, вдыхал запах кожи. Длинные пальцы поднимались по моим предплечьям к шее, а затем к щекам: гладили, исследовали меня. Казалось, что весь этот невиданный серпантин эмоций оживляет меня, вдохновляет, заставляет желать выучить еще несколько языков, увидеть сотни стран, узнать тысячи людей и, конечно, написать книгу. Вот уж о чем, а о нравственности в тот момент я даже не задумывался. Мне было настолько хорошо, что я боялся умереть от наслаждения. На лбу даже выступила испарина, и, чтобы не казаться бездейственным, ладонью я скользнул в волосы Арлена, чем вызвал у того еще больший приступ страсти. Губами он прикасался к моим щекам, затем к вискам и даже глазам. Я морщился и мягко улыбался, поражаясь, насколько нежным может быть этот черствый парень. Но нежность его переплеталась с какой-то легкой грубостью, которая больше напоминала нетерпение. Через несколько секунд Дарси вновь припал к моим губам, обхватив лицо ладонями, а я ответил на поцелуй, но уже с большей смелостью.

Все было как в книгах.

Спустя минуту, задыхаясь от долгого поцелуя, я поднялся с кровати и, пошатываясь,

отошел к двери. За стеной уже ходил комендант, отвратительным голосом напоминая о скором отбое. Я отдышался и включил свет — вновь школа «Хартвуд», Арлен Дарси и Нил Джонатан Уэбб, обыкновенные ученики. Из темноты, пустоты, в которой нас благословляла сама смелость, мы вновь шагнули в привычную жизнь. Я пригладил взъерошенные волосы и, щурясь от яркого света, попытался взглянуть на своего соседа. В тот момент я испытывал странное чувство — будто совершил нечто против совести, убийство или кражу, что перечит моральным принципам. Сознание напоминало мне об этом каждую секунду, и душу будто черпали из меня огромным половником. Признаться, я никогда не испытывал влечение к противоположному полу, даже считал это неприемлемым. Впрочем, не испытывал и сейчас — любой абстрактный мужчина был мне физически неприятен. К Арлену, на удивление, я относился по-другому: он был вне всяких правил, и, в первую очередь, нравился мне как человек. Хотя не сказать, что его поцелуи были мне отвратительны...

В конце запутавшись, я вновь решил подумать обо всем завтра и начал разбирать кровать. Дарси принялся делать то же самое, но, вспомнив о вечернем душе, покинул комнату, оставив меня одного. Вот тогда и начались все круги ада по очереди — лицом в смятении чувств я зарывался в подушку, выламывал пальцы, кусал губы и накрывал руками лицо. Никогда столь странно я не ощущал себя — лицо не переставало пылать, сердце билось часто и будто поднималось к горлу, хотелось улыбаться, но вместе с этим злиться и ворочаться, безумно ворочаться. Арлен вернулся минут через пятнадцать, в тот момент, когда я, уткнувшись лицом в кровать, что-то невнятно мычал, пытаюсь избавиться от всего этого потока эмоций. Я не сразу услышал, как хлопнула дверь, зато придирчивый голос Дарси распознал моментально.

— Ты тронулся? — без особых эмоций поинтересовался он, а я повернулся, глазами наблюдая за собеседником.

— Нет. Я нормальный, честно.

— Ты уже спать?

— Ну, да, — напряженно произнес я. А затем, надумав лишнего, с возмущением произнес. — А ты думал, что я соглашусь на что-то большее?

— Нет, — со скептицизмом Арлен взглянул в мою сторону и стянул с себя футболку. — Просто, если бы ты сказал мне, то я бы выключил свет уходя.

Глазами я скользнул по обнаженному торсу старшекласника, и накрыл глаза ладонью, тут же отвернувшись к стене. Так бывает: сперва не испытываешь к человеку никаких чувств, и разговаривать с ним, дружить проще простого. Но стоит ощутить влечение, как даже взгляд становится настоящей пыткой. Сосед погасил свет, и мы вновь утонули в темноте. Но тут меня поцеловала смелость, и я поинтересовался:

— Как ты думаешь, все это нормально?..

Дарси помолчал несколько секунд, видимо, думал, как лучше ответить, а затем высказал свое мнение:

— По-моему, это твоя жизнь, и только тебе решать, что в ней нормально, а что нет.

— А ты как считаешь? — не отставал я, но сосед оставил мой вопрос без ответа, как делал это очень часто. Тогда я понял, что сегодня больше ничего не буду у него спрашивать. Юноша поднялся с кровати, проверил, заперта ли дверь, и отправился к окну, прихватив пачку сигарет. Я же решил поскорее уснуть, ведь завтра передо мной стояла сложная задача — признаться самому себе в раскрывающейся, словно цветок, влюбленности.

Не успел я прийти в класс, как на меня тут же вылили ведро насмешек. Колин, глава собравшейся возле меня компании, сегодня был явно не в настроении. Он хмурил брови, кривил губы и всячески пытался подколоть не только меня, но и окружающих, чем вызывал всеобщий страх быть осмеянным. Мне, если честно, давно было все равно. Я не видел смысла вдумываться в слова людей, которые давали пощечину сами себе, унижая слабых. Согласитесь, если бы я действительно был слаб, глуп, безволен и жалок, то вряд ли такое большое количество людей испытывало бы ко мне интерес. Вот и сейчас мое воображение рисовало меня в кресле сильного политика, вокруг которого столпились стервятники-оппозиционеры. Я был консерватор, а они — либералы. Или наоборот. Единственный человек, которого мне было жалко — это Лили, хотя в последнее время нападки в ее сторону прекратились. Я был интереснее.

— Ну, Нил, — Колин встал напротив моей парты и упер руки в бока, — как тебе удалось подружиться с Дарси? Каковы на вкус подошвы его ботинок? Долго лизал?

Я промолчал и терпеливо вздохнул. Вокруг, как гиены, захохотали парни и девушки. Чувствовал себя, словно на сафари.

— Чего молчишь? — выкрикнул кто-то за спиной главного обидчика.

— Мне не о чем с вами всеми говорить, — невозмутимо произнес я, взглянув на дверь. Возле нее отчужденно стояла Леона, наблюдая за происходящим. Волосы в хвост она все еще не собрала, а руки на груди держала крестообразно, что придавало ее виду строгости. Заметив мой взгляд, девушка сочувственно покачала головой и закатила глаза.

— А если заставим? — Колин нагнулся ко мне настолько низко, что я ощутил, как его изрядно отросшие с осени волосы, щекочут мне лоб. — Арлена своего на помощь позовешь? За деньги его, поди, нанял телохранителем. Или еще чем расплачиваешься?

Последняя фраза меня разозлила, и я подскочил со своего места, ухватив Колина за ворот поло. Тот затрепыхался от возмущения и начал раздувать ноздри, словно бык на корриде. Толпа вокруг нас расступилась — всех пугало жуткое напряжение между мной и моим обидчиком. Еще чуть-чуть и мы бы сцепились, стоило только одной искре проскочить между нами. И когда я успел стать таким бесстрашным и вспыльчивым?

— Прекращайте, мисс Элизабет идет! — вполголоса оповестила всех Леона и поспешно заняла место за своей партой. На этот раз она сидела далеко от меня. Остальные решили последовать примеру девушки. Я разомкнул ладонь, Паттерсон отшатнулся, и, сквозь зубы процедил — «Честно, убью тебя». Я понимающе закивал и попытался сровнять дыхание. Не хотел, чтобы учительница заметила неладное. Но мисс Элизабет так и не зашла — ни через десять секунд, ни через минуту. Я перевел взгляд на Леону и понял, что она солгала.

— Ну и где твоя Элизабет? — с разочарованием выкрикнул Денни. — Твои галлюцинации последствие наркотиков или шизофрении?

— Можешь заткнуться? — с раздражением ответила девушка. — Откуда я знаю? Может, завернула за угол или зашла в соседний кабинет.

— Что тут происходит? — гул стер, словно ластик, строгий голос нашей преподавательницы. Как всегда стильная, гордая и преисполненная важности, она вошла в класс. Сказать честно, меня немного раздражало, что мисс Элизабет постоянно опаздывает к первому уроку, хотя этому находилось оправдание. Учительница жила недалеко от Хартпула, не в школе, как многие другие работники, и каждое утро добиралась до «Хартвуда» на машине.

Леона победно взглянула на Денни, а затем надменно отвернулась, не желая

связываться с ним. Этан ткнул брата карандашом в спину и что-то издевательски прошептал на ухо, за что получил легкий удар в плечо. Поговаривали, брату Денни давно нравилась хорошенькая Паттерсон, но никаких шансов девушка ему не оставляла. Естественно, кто только испытает симпатию к человеку, большую часть времени ведущему себя как обезьяна.

Отсидев историю Британии, современный английский и литературу, я изрядно проголодался. Особенно неловко было мне на последнем из уроков — живот простонал прямо во время тихой паузы, когда Эмилия рассказывала наизусть стихотворение Кольриджа. Естественно, если это был бы не я, то никто и не подумал бы над этим смеяться, но захихикала даже Лео, только как-то по-доброму, мягко. После звонка, гордо подняв голову, я двинулся к лестнице. В мои планы входило позвонить Лили и вместе разделить ланч на цокольном этаже. В зимние холодные дни тоска по одичавшему школьному саду становилась все более явной. Если в теплое время года скрыться от посторонних взглядов можно было там, то сейчас даже выходить за пределы корпуса я не рисковал. Эта зима выдалась холодной для нашего привычного климата.

Практически рядом с перилами меня настигла Паттерсон. Я почувствовал ее ладонь на своем плече, и, чтобы не повторять ошибок Арлена, медленно обернулся. Девушка была чуть выше меня ростом, поэтому ощущение того, что она смотрит на меня сверху вниз, только усиливалось. Я еще помнил свой последний опыт общения с ней, поэтому в глубине души таил легкую обиду.

— Что-то хотела?

— Да, — закивала Леона и, осторожно ухватив меня за рукав, отвела от лестницы, где мы создавали пробку. — Не хочешь перекусить вместе?

— Что? — едва не поперхнувшись, спросил я. — Это уловка, чтобы выставить меня дураком и всем вместе посмеяться надо мной?

— Нет же, — оскорбившись, заверила собеседница. Оглядевшись по сторонам, вполголоса она продолжила. — Ты говорил, что если я захочу поговорить, то ты выслушаешь меня.

— У меня нет чувства собственного достоинства, — обиженно слетело с моих губ. Рукою я отстранил девушку в сторону, зашагав к ступенькам. Та раздраженно топнула ногой и, дрогнувшим голосом, почти закричала мне в спину:

— Но ты так сказал! Обещал!

Пришлось обернуться и молча взглянуть Леоне в глаза. Я опасался, что та заведет меня в ловушку, но ее взгляд был честен. Казалось, она борется с самой собой — гордость не давала переступить через принципы, но девушка пыталась, чем и вызвала мое уважение. Не жалость, какую вызывала Блейн, поднимавшая на меня печальные глаза, а именно чувство того, что мы на равных. Ведь мне тоже часто приходилось переступать через собственное я, чтобы балансировать по жизни. Странная штука, еще вчера ты думаешь, что не сделаешь ничего, что тебе не нравится, а сегодня вынужден отказаться от такой позиции. А Леона нравилась мне все больше: было в ней нечто неуловимое и легкое, но будто заточенное в тяжелую клетку. Как бабочка под сеткой сачка.

— Хорошо, — кивнул я. — Только позвоню Лили.

— Не надо, — с разочарованием и нерешительностью произнесла одноклассница. — Этот разговор довольно личный. А ты создаешь впечатление человека, которому можно доверять.

Я совсем-таки растаял, и от моей обиды не осталось и следа. Одарив Лео мягкой

улыбкой, я махнул ей рукой, призывая идти следом. Зимой мне нравилось перекусывать на цокольном этаже. На удивление, здесь было очень мало народу, зато стояло несколько пластмассовых столиков, стульев и скамеек. Где-то в пятнадцати метрах от автоматов с едой была дверь, ведущая в тренажерный зал. Когда-то здесь был бесхозный подвал, но администрация школы распорядилась переделать его в подобное помещение. Пускай здесь не было окон, царила прохлада, а панельные светлые стены отражали морозный свет неоновых ламп, мне нравилась сама атмосфера тишины и забытости. Остальные ученики предпочитали сбиваться в кучки в столовой, и только спортсмены изредка проходили мимо нас, посвистывая Леоне и подбрасывая холодные банки с колой. Вдвоем мы устроились на маленьком диванчике, стоящем между автоматом с едой и напитками, — так казалось уютнее. Совсем недалеко от нас блестела пластиковой листвой высокая пальма, и мне было смешно от взгляда на нее: такая же искусственная, как и многие здесь.

— Ты умеешь хранить секреты? — поинтересовалась Паттерсон, трубочкой пронзив пакет с соком. Я кивнул ей в ответ и зашумел фольгой от шоколада.

— Просто хотелось с кем-нибудь поделиться всем этим. Но никому доверять нельзя. Не могу. Станут болтать всякое.

— А ты уверена, что я не стану? — поинтересовался я, но девушка хмыкнула в ответ:

— С тобой все равно никто не общается. Кто тебя будет слушать?

— Ладно. Тогда почему не Лили? Она все-таки девушка. Поняла бы лучше...

— Лили? — с презрительным удивлением переспросила собеседница и даже слегка поперхнулась соком. — Она же стукачка.

Я пожал плечами и не считал нужным проливать свет на ситуацию. Конечно, в тот момент в моей власти было переубедить одноклассницу, рассказать о том, что Блейн не была ни в чем виновата, но Лео была настолько уверена в своей правоте, что все это было бы бесполезным. Девушка закатала рукава пиджака, и мой взгляд скользнул от изящных кистей ее рук к локтям. К ужасу для себя, я заметил лиловый синяк чуть выше запястья. Он был будто оставлен чьими-то пальцами.

— Что это?.. — напряженно произнес я, а Паттерсон, запрокинув голову и грустно уставившись в потолок, ответила:

— Колин.

— Зачем он сделал это? — с ужасом осведомился я, а девушка будто заранее знала мой вопрос.

— Не знаю. Наверное, ему нравится. Он всегда так относился ко мне, с детства. Мы не родные брат и сестра.

Я сочувственно посмотрел на Лео, и что-то поменялось в моем взгляде на нее. Она поспешила продолжить:

— Семнадцать лет назад у моего отца была любовница. Законная жена не могла родить ему ребенка, поэтому в их отношениях назрел кризис. Зато любовница могла, и однажды все-таки забеременела. Только вышло так, что через три месяца оказалось, что малыш будет и у жены. Отец порвал с любовницей, но спустя пару лет та заявила ему, что не может заботиться о ребенке и строить личную жизнь одновременно. Тогда отец забрал ребенка к себе. Естественно, жена приняла произошедшее, но для этого ей понадобилось время. Мы с Колином родились в один год. И любовница отца — моя мать.

— И Колин так относится к тебе, потому что ты не его единоутробная сестра?

— Скорее всего. Хотя обычно он мягок со мной, бывает заботлив, мил. Но до тех пор,

пока он доволен тем, что я делаю. Если же нет, то не упускает возможности напомнить мне, кто я, и кто моя мать. Однажды миссис Паттерсон сказала, что они с сыном никогда не признают меня до конца.

— Все это очень грустно, — задумчиво произнес я и поспешил отвернуться, заметив, что в глазах собеседницы заблестели слезы. Но Леона была сильной девушкой, поэтому, наспех утерев их, она пригрозила мне:

— Сам знаешь, что будет, если кому-то расскажешь.

— Могу поклясться, — закивал я, отправляя в рот дольку шоколада. — Хочешь немного?

— Нет, спасибо, — отвергла мое предложение девушка. — Хочешь, чтобы меня разнесло в талии, как Кейлин Формер?

Я не смог сдержать смеха от того, насколько серьезно и возмущенно произнесла это Леона. Заметив мой смех, сперва девушка смутилась, а потом и сама рассмеялась над тем, что сказала. Будто бы и не было той свинцово-тяжелой беседы и откровенного признания. И между нами я ощутил приятную связь: я хранил чужую тайну. Через несколько секунд веселье остановила длинная тень, упавшая нам под ноги. За автоматом не было видно, кто спускался по лестнице, но отчего-то возникло чувство странного дискомфорта. Шаги были все ближе, и от любопытства Леона выглянула из-за меня, тут же вернувшись в исходное положение. Ее губы скривились в неприятии. Человек остановился прямо возле меня и, подняв голову, я увидел Дарси. Не сказав ни слова, он засунул купюру в автомат, достал бутылку колы и, отвинтив крышку, отпил. Затем юноша отошел на пару шагов назад и окинул нас с Леоной своим недобрый взглядом. Я поежился. Будто повеяло холодом. Паттерсон тоже хранила напряжение, не понимая, что вообще происходит. Отпив еще, Арлен обратился к девушке:

— Между вами что-то есть?

— Между нами? — Лео взглянула сперва на меня, а затем на собеседника. — Только в параллельной вселенной. Мы просто разговариваем.

В ней чувствовалось раздражение. Я поспешил закивать головой в знак солидарности, и тут же решил сгладить непонятную ситуацию:

— Хочешь, Арлен, посиди с нами.

Юноша взглянул на наручные часы и отрицательно покачал головой. Его ответ был категоричен:

— Нет. К тому же, скоро перерыв закончится. Если будешь тут сидеть, опоздаешь на свою литературу.

Дарси развернулся и побрел к лестнице, покачивая бутылкой из стороны в сторону. Я и моя одноклассница выпали в осадок, смотря ему вслед. Мы задумчиво помолчали еще около минуты, а затем я зачем-то сказал:

— Мы с ним соседи по комнате.

— И это связано с тем, что ему от меня нужно? Зачем он спрашивал, встречаемся ли мы с тобой?

— Наверное, ты ему понравилась, — слукавил я, отведя глаза в сторону и надеясь, что сказанное прозвучало убедительно.

— Не уверена, — собеседница была проницательна. Не стоило путать ее с Лили, которая полностью зависела от чужого мнения. — Кстати, когда-то я была влюблена в Арлена.

— Правда? — я не удивился, но попытался всячески выразить удивление.

— Правда. Года два-три назад. Он всем и всегда нравился. Настоящий ублюдок.

— Эй, — нахмурился я, — отчего ты на него так?

— Ничего не изменилось. Если спросить у любой ученицы средней школы, кто из парней нравится ей больше всего, — пояснила Паттерсон, — она ответит, что Дарси. Я в то время умом тоже не блистала. Была как все. Арлен был такой мрачный, загадочный, смелый и сильный. По крайней мере, я его таким видела. Но моя пелена спала с глаз, когда...

Внезапно по ушам ударил школьный звонок. Лео бросила пакет от сока в мусорное ведро и строго объявила:

— Пошли.

— Но... ты не рассказала, — разочарованно возразил я, и тут же последовал за девушкой.

— Потом расскажу, — пообещала она.

На душе стало беспокойно.

Примечания:

Поло — предмет одежды, имеющий короткую застёжку со стояче-отложным воротником и короткими рукавами.

Сэмюэл Тэйлор Кольридж — английский поэт-романтик, критик и философ, выдающийся представитель «озёрной школы».

Вечером того же дня, сразу после ужина, я вышел на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. Прогулка в одиночестве казалась мне такой же необходимой, как стакан воды жаждущему в пустыне. Мороз освежал, а звон тишины будил мысли. Размеренным шагом, одну за другой, я оставлял позади заметенные снегом аллейки и, кутаясь в объемный мех капюшона, брел туда, где было мое место. Сказать честно, для себя я принял решение на рождественские каникулы остаться в «Хартвуде». Мне не хотелось заглядывать в грустные глаза матери и знать причину ее бесконечной череды бессонниц; не хотелось быть рядом с отцом, который держал за руку другую женщину и называл сыном другого ребенка. Уж лучше здесь, среди пластмассовых улыбок, недомолвок, сплетен и неприязни. Я уповал на то, что большинство ребят разъедутся сразу после сдачи последних семестровых тестов, а я смогу периодически ездить в Хартпул и гулять по городу в компании самого себя. Чугунные прутья забора, напоминавшие клетку, успели надоесть. За все время, что здесь пришлось провести, я мог насчитать не более трех раз, когда удавалось покинуть территорию школы. В какой-то момент я почувствовал, что мне настолько тошно от происходящего в моей жизни, что я готов сбежать на другой материк и начать жизнь заново. Но в голову тут же пришла мысль, что я все еще не разобрался с некоторыми делами здесь.

Едва я дошел до аллейки сада, как за спиной услышал быстрые шаги, переходящие в бег. Обернувшись, удивленным взглядом я встретил Лили, зачем-то догоняющую меня. Едва я успел что-то спросить, как запыхавшаяся девушка остановилась и уперлась рукой в мое плечо, чтобы отдышаться.

— Тебе идет твоя беретка, — заметил я, едва одноклассница подняла голову.

— Спасибо, — засмуцалась та, натянув темно-коричневую шапочку на уши. — Еле догнала тебя.

— А зачем вообще бежала? — я облокотился на калитку сада, и Блейн последовала моему примеру.

— Ну, во-первых, я не видела тебя после истории Британии...

— Черт, — ругнулся я, с досадой приложив руку к лицу. — Я забыл тебе позвонить перед ланчем. Ты хоть поела?

— Не переживай за меня, — Лили улыбнулась. В последнее время девушка выглядела лучше, чем прежде. Ее глаза блестели, словно граненые камни, на лице начала мелькать улыбка, а мраморные щеки порозовели. — Что ты тут делал?

— Да так. Гаррет звонил. Сказал, что сильнее тяжелого гипса ненавидит только ужасный зуд под ним.

Я не соврал. Манн действительно звонил мне, правда, несколькими часами раньше. Я всегда был рад услышать своего друга, но теперь колебался — хочу ли я, чтобы тот возвращался в нашу комнату.

— Как поживает Арлен?

— Арлен... — произнес на выдохе я и поджал губы.

Одноклассница выжидающе вцепилась в меня взглядом.

— Да нормально... — я попытался продолжить, но меня перебили:

— У тебя есть его номер телефона?..

— Нет, — покачал головой я, недоуменно скосив глаза в сторону собеседницы. — Мы

живем в одной комнате и это бессмысленно.

Поведение Лили начинало настораживать меня. Я знал, что она испытывает симпатию к Дарси, как и многие здесь девушки, но, кажется, Блейн твердо решила идти в наступление. Даже штурмовать. Мысленно я отругал своего соседа за то, что, возможно, непреднамеренно он давал ей ложные надежды: сегодняшний завтрак, танцы, редкие разговоры.

— Тогда передашь ему это? — собеседница протянула мне сложенный вдвое листок, и меня немедленно накрыло чувство дежавю. — Я знаю, что ты не будешь читать. Я доверяю тебе, Нил.

Лили так естественно и наивно улыбнулась, что я оказался полностью обескуражен. Пришлось положить листок в карман и в очередной раз задуматься, почему невысокий парнишка, который извечно заправляет рубашку в брюки и таскает с собой книги, вызывает чувство доверия. Я никогда не пытался располагать к себе людей, а тем более нравиться кому-то или навязывать хорошее о себе мнение. Так получалось, и для самого себя я оставался загадкой.

Молча постояв еще полминуты, я согрел дыханием ладони и обратился к однокласснице:

— Ты очень легко одета. Иди в корпус. Простудишься.

— А ты?

— Я догоню тебя. За записку переживаешь?

— Если честно, то нет, — Блейн вновь улыбнулась, а мне захотелось отвернуться. Накатывало странное чувство раздражения, будто Лили стала для меня камнем на шее, хотя до этого я никогда не избегал ее общества.

— Тогда все-таки иди.

В знак моей заботы и дружеского отношения, я размотал шарф и осторожно обернул его вокруг шеи девушки. Та благодарно кивнула и поспешила к общежитию, но через несколько шагов остановилась. Обернувшись, она напряженно взглянула на меня и произнесла:

— Ты в последнее время на себя не похож. Не высыпaeшьcя?

— Скорее всего, — с глуповатой растерянной улыбкой ответил я.

Блейн помахала рукой на прощание и уже окончательно покинула меня. Я остался один среди заснеженных деревьев, пустых аллеек и тусклых фонарей. Не знаю, что за чувство владело мной в тот момент: я знал о тоске, знал об одиночестве, тягостном смятении, жалости и боли. Но это было чем-то новым, режущем грудь. В кармане я сжимал записку, суетливо предполагая, что там. Конечно, я мог достать этот чертов листочек и прочесть все, что Лили написала своим неровным почерком. Но было понятно, что от этого мне не станет легче, зато я предам свои принципы и нарушу доверие между нами. Поэтому, шумно втянув морозный воздух, я зашагал к корпусу. Я отмахивался от снега и, словно шоры, натягивал капюшон. Погода все портилась, насылала ветер, который кружил в полутьме. Едва дойдя до первой попавшейся урны, я достал записку и, скомкав ее, выбросил.

Так будет легче всем. И Дарси, и Лили.

Поднявшись в свою комнату, я хлопнул дверью так, что сам испугался. Арлен, сидевший за уроками, медленно обернулся и гневливо окинул меня взглядом. Я поежился от этого немомого упрека, но промолчал. Скинув теплые вещи и убрав их в шкаф, я наконец-то обратил внимание на то, как приятно меняется внешность Дарси при свете одной только настольной лампы: его кожа становится теплее, а темные волосы по цвету напоминают жареные кофейные зерна, блестят, переливаются. Я встал около стола и скосил взгляд в сторону

тетради соседа. Мое плохое зрение не позволяло мне разглядеть всех цифр, но я без труда догадался, что это математика. Не хотелось отвлекать парня от его занятия, но молчать было бы мучительнее.

— Зачем ты даешь Лили ложные надежды?

— О чем ты? — сухо переспросил собеседник, не отрываясь от решения задач.

— Ты завтракал с ней. Постоянно разговариваешь, здороваешься... За что такая честь? На нее девчонки косо смотрят. И еще всякое придумывают.

— Пусть придумывают. Мне-то что?

— Придумывают не только они. Блейн тоже считает, что у тебя к ней интерес...

— Логарифм шестнадцати по основанию два, — громко произнес парень и тут же ответил сам себе. — Четыре.

— Ты вообще слушаешь? — обозлившись, я наклонился к Арлену и почти прокричал ему это на ухо. И откуда во мне появилось столько смелости?

— Заткнись ты уже, — ответил мне Дарси, и, поймав мой подбородок пальцами, приник губами к моим губам. На мгновение я затрепетал, но тут же отстранился и смущенно отвернулся. Мне не хотелось, чтобы парень видел мое зардевшееся лицо.

— Я просто разговаривал с ней о тебе, — вздохнул Арлен и я услышал, как он закрывает тетрадь и учебник. — Лили твой хороший друг, и кто, как не она, расскажет о Ниле Уэббе.

— Вообще-то у меня есть второе имя, — придиричиво произнес я, и тут же поджал губы, испугавшись, что Дарси может разозлиться. В последнее время я стал замечать, что он относится ко мне более лояльно, чем поначалу. И это проявлялось не только в безумных по своей природе поцелуях, но и во взгляде, голосе и многих мелочах. Будто бы до этого старшеклассник стоял за дверью, не решаясь отпереть ее, а потом зашел. И все изменилось. Хотя не сказать, что Арлен потерял свою привычную грубую манеру вести диалог и любовь к уничтожающим взглядам.

— Ты ревновал?

— Что? — пришлось переспросить.

— Если ты глухой, то не расслышишь и со второго раза.

— Я не ревную. С чего ты взял? — удивленно поинтересовался я и почувствовал, как сводит колени. А грудь будто пронзал тупой клинок, отчего болезненные ощущения усиливались в несколько раз. Лицо горело, воздуха не хватало. Мне бы долю секунды — и распасться на атомы. При любой мысли о том, что Лили испытывает чувства к Арлену, а тот благосклонен к ней, я попадал в бесконечную петлю этого неприятного ощущения.

Дарси хмыкнул и, встав из-за стола, подошел ко мне. Он не успел меня коснуться — я только почувствовал рядом тепло другого человека — а по телу тут же будто прошелся разряд. Юноша вдохнул запах моих волос и вполголоса произнес:

— Твои волнения беспочвенны.

Я предпочел не нарушать сложившийся тишины.

— Лили мне не нравится, — продолжил он.

— А кто-нибудь еще? — вздрогнул я.

Но теперь настала очередь Арлена молчать. Он отошел от меня и, недобро смерив взглядом, покинул комнату, оставив за собой ленту дивного мятного аромата. Я простонал и сполз на пол, все еще не понимая, что я делаю со своей жизнью.

После того, как я вошел в пятерку лучших по результатам семестровых тестов,

одноклассники начали смотреть на меня еще более косо. Зато душевные поздравления я получил от Леоны, Кейлин и Лили. Хотя последняя, в свою очередь, больше была озабочена посланием к Арлену, чем моими успехами. Всю неделю она вытягивала из меня малейшую информацию, которая касалась реакции моего соседа. «Ну, он прочел», — отводя в сторону глаза, говорил я. А когда Блейн не унималась и все более оживленно напирала, я начинал сочинять всякие подробности, каждый раз проклиная себя за эту глупость — «Убрал письмо куда-нибудь, наверное. Не выбросит же он его. Я почти уверен, что видел, как он делает это». Девушка оживала, и я не мог узнать ее: из мрачного забитого существа она превращалась в милую влюбленную девушку. Она питалась надеждой так, как бабочки питаются нектаром.

Взгляд Леоны тоже изменился. Если раньше ее глаза упорно не желали встречаться с моими, то теперь, как мне казалось, неустанно следили. Попыток сблизиться девушка не предпринимала: сдержанно кивала мне при встрече, порою просила совета по литературе, а то и вовсе проходила мимо, скользя по мне лишь взглядом. Но я не мог не заметить его. От этого становилось не по себе. Во всяком случае, Паттерсон относилась ко мне гораздо уважительнее, чем ее брат и остальные одноклассники: на днях я сел на жвачку, которую кто-то прилепил мне на стул, а незадолго до этого на моем шкафчике в душевой красовалось слово «Неудачник». Все это было настолько мелко, что я даже жалел ребят за отсутствие богатой фантазии. В общем, я не очень-то и страдал. Скорее тяготился всей атмосферой школы «Хартвуд», как бы ни был красив ее фасад.

Меня больше беспокоило другое — после того разговора Дарси будто потерял ко мне весь свой интерес. Он уже не смотрел на меня, как прежде, не контролировал дыхание, не дарил полуулыбку. Я даже начал сомневаться в своей адекватности и все, что произошло с нами за то время, стало казаться сном или очень реальным видением. Арлен все так же курил в окно без моего спроса, приводил Вацлава, который мог без умолку говорить об особенностях физиологии каждой из своих одноклассниц, сидел над учебниками, бубня себе под нос, и засыпал позже полуночи. Я ощущал дискомфорт, тоску, но не мог понять, что пошло не так. А начать разговор самому казалось бессмысленным: в прошлый раз я пытался завести речь о серьезном, но парень не захотел нормально разговаривать.

До начала Рождественских каникул оставалось всего несколько дней, когда, собравшись помочь с украшением холлов, я перепрыгивал с одной ступеньки на другую, ища миссис Луис. Именно она заведовала организацией времяпрепровождения учеников, например, направляла в различные секции, выискивала таланты и неутомимо повторяла, что все мы уникальны. Многие считали это лицемерием, а мне нравилась миссис Луис хотя бы потому что она была живой, восторженной и настоящей. Спустившись, я направился в сторону главного коридора учебного корпуса, но по невнимательности ошибся и повернул не совсем туда. Там-то меня и ожидало нечто, отчего свело скулы, а во рту пересохло так, что, казалось, там самая настоящая Сахара: возле дверей кабинета, вполне дружелюбно и без всякой показной спеси, мой сосед по комнате разговаривал с девушкой. Я не знал ее, хотя, возможно, видел до этого, но не обращал внимание. Она была довольно высокой и, как мне показалось, красивой: темно-каштановые волосы, заплетенные в две косы, изящно лежали на плечах, со спелых розовых губ не сходила улыбка, а голос — первое на что я обратил внимание — был очень приятный, бархатистый. Испуганно я притаился за углом, не зная, что мне делать дальше. Арлен сказал, что ему не нравится Лили. Но на вопрос о ком-нибудь еще он промолчал. Естественно, Дарси не имел в виду меня — что происходило между нами

вообще оставалось загадкой для нас обоих. Значит, он может испытывать интерес к кому угодно. Эта мысль отчего-то заставляла меня дышать чаще. Я осторожно выглянул из-за угла и вновь по моим глазам ударила красота той девушки. Уж не знаю, что мною руководило в тот момент, но я двинулся прочь, одержимый жутким раздражением. Мне расхотелось помогать в декорировании помещения, да и вообще расхотелось заниматься чем-то полезным. Твердо я решил отправиться в свою комнату, помучить себя «Историей мира в десяти с половиной главах», а потом беспечно уснуть. Нет, между ними явно что-то было. На нее Арлен смотрел иначе, чем на других, вел себя совсем не так, как было привычно. Я стремительно шел обратно, ускоряясь с каждым шагом. В тот момент я был водой, нагретой до девяноста восьми градусов. Еще чуть-чуть — и готов закипеть. От злости тряслись даже зрачки. Я бы многое отдал, чтобы взглянуть на себя со стороны, подобное не случалось со мной ни разу. Завыть и разорвать себе грудь хотелось первый раз в жизни.

— Уэбб, осторожнее!

Сам того не заметив, плечом я случайно задел Леону. Видимо, та решила отнести в библиотеку книги перед каникулами — в ее руках я увидел пару тонких сборников со стихами. Девушка отряхнула рукав и с укором взглянула на меня. Я поспешил утереть уголки глаз, в которых совсем недавно собирались проступить слезы, и извиниться.

— Тебя опять эти безмозглые обидели?

— Чтобы им меня по-настоящему обидеть, надо еще постараться.

— Не переживай, мы послезавтра с Колином уезжаем в Кардифф.

— Так ты из Уэльса? — поинтересовался я, на что девушка кивнула, а затем махнула в сторону выхода:

— Пойдем со мной, если не торопишься.

Отказать я счел бессмысленным. Мне было все равно, чем заниматься: будь то чтение, сон или прогулка с Паттерсон. Я был бы рад думать о чем-то обыкновенном, как бывало это раньше. Всего несколько месяцев назад я не знал забот, живя в своем собственном уютном мире. Тогда в голове было больше мыслей о важном и вечном. А сейчас ее забивали абсолютно мелочные мыслишки, связанные со здешними обитателями. Безынициативно я поплелся следом.

— Что-то случилось? — девушка, идущая впереди, обернулась и притормозила. Я же придержал ей дверь и с рассеянностью ответил:

— Нет. Кстати, ты знаешь кого-нибудь из класса шесть-два?

— Допустим, — Лео странно покосилась на меня и вздернула подбородок. — Тебе-то какая разница?

— Да есть небольшая, — губы скривились сами собой. — Ты знаешь одну девушку? Красивая такая. У нее длинные темно-каштановые волосы. Сегодня в две косы заплетены. Она была в платье с белым воротником, а пиджак на плечи накинут. И голос еще такой... Ну, приятный, мягкий.

— Я поняла, о ком ты, — одноклассница вздохнула, а затем, отведя взгляд в сторону вахты, произнесла. — Иди за курткой. Только быстрее. Не хочу ждать.

Все с той же вялостью я поднялся на свой этаж, накинул куртку, обул зимние ботинки и поспешил обратно к Леоне. Признаться, мне самому было интересно, как мы с ней смогли найти общий язык: я, тихий и скромный парень, она — настоящая красавица, гордая, очень женственная девушка. И, если хорошо подумать, мысленно перебрав киноленту прошлого, наш союз образовался случайно. А все случайное, как всегда мне казалось, самое

долговечное и крепкое.

Не хотелось, чтобы кто-то узнал о том, что Лео дружит со мной, поэтому и возвращался я тихо, не привлекая внимания. Вскоре, перегнувшись через деревянные лакированные перила, я заметил девушку. Паттерсон ждала, сидя на диванчике недалеко от консьержки, а ее взгляд скользил вслед за рыбками в огромном аквариуме напротив. И во взгляде этом читалась такая грусть, что в груди заныло. Я сжался, остановился на последней ступеньке, боясь спугнуть Леону, но та вскоре заметила меня и молча кивнула в сторону выхода. Я накинул капюшон, и вместе мы вышли из тесной коробки общежития в более просторную клетку двора. Глаза заслезились и, будто по команде, мы закрыли лица от яркого света, который отражался от привалившего снега. Темно-серое драповое пальто с объемным капюшоном и бесконечными карманами необычайно шло своей хозяйке. Мне нравилось рассматривать лицо Леоны и каждый раз находить в нем что-то новое. Вот и сейчас я заметил маленькую светлую родинку почти на кончике носа. Словно радар, отследив мой пристальный взгляд, одноклассница поджала губы и демонстративно отвернулась. Я смутился и потуже закрепил липучку на горле, а затем глубоко, наслаждаясь, вобрал в себя аномальный мороз декабрьского дня. Я не знал, или это зима вдруг стала такой холодной, или я промерз изнутри.

После того, как книги оказались в заботливых руках Урсулы, вместе с Лео мы оставляли следы на одной из занесенных аллеек, прогуливаясь в полной тишине. У меня, да и у Паттерсон, я уверен, в тот момент не было Рождественского настроения. Колокольчики, ветви ели и плам-пудинг рухнули в пропасть вместе с мостом моего прошлого. Праздники перестали творить чудеса. Да чудеса и сами перестали случаться.

— Так ты не рассказала про ту девушку...

— Я и забыла, — отозвалась собеседница, и я понял, что та слушавила. — Если это та, о ком ты говоришь, то это Лаура. Высокая?

— Высокая, — подтвердил я.

Леона пожала плечами так, словно ее уверенность всегда была непоколебима. Я чувствовал, что она не очень жалуется эту тему, но продолжал пытаться:

— А кто она вообще?

— Потасканная шлюха, вот кто, — с долей раздражения выпалила Паттерсон. — Стерва и дура.

— Ясно, — предельно кратко решил завершить диалог я, но девушка будто только того и ждала.

— Знаешь, говорят, что она переспала здесь со всеми, с кем можно. Даже с Колином.

Я поморщился.

— Не шучу.

— Я и не думал, что ты шутишь, — с некой брезгливостью отметил я. — Ладно, давай не будем о ней.

— Лучше, да...

Одноклассница замолчала на несколько секунд, но мне совсем не хотелось вновь ощутить ту напряженную тишину. Поэтому я, недолго думая, задал вопрос:

— Зачем тебе литература? Ну, точнее, зачем ты ее изучаешь.

Собеседница призадумалась, закусив ноготь темно-красного цвета.

— Хочу связать с ней свою жизнь.

— То есть, писать книги?..

— Нет, — как-то деликатно отмахнулась Паттерсон. Мне показалось, что теперь она смотрит на меня другими глазами. Ей стало интересно. — Книги писать у меня вряд ли выйдет. Я хочу писать о книгах. Пойду в критику.

— Здорово! — взвился я и от восторга машинально ухватил собеседницу за рукав. На секунду она остановилась, бросила совсем несвойственный ей растерянный взгляд, а потом отдернула руку. Я поник, смутившись. Между нами все еще была стена. Мы миновали занесенные снегом беседки, увитые черными стеблями погибшего плюща, и вышли на аллею, ведущую к школьному саду. Не знаю почему, но мне очень сильно захотелось признаться девушке в том, что я мечтаю писать книги. Там, в Рочестере, мои слова редко кто принимал всерьез, поэтому в какой-то момент я потерял желание раскрывать свой секрет. Здесь, рядом с понимающими людьми, я вновь обрел его.

— Знаешь, Лео, а я вот хотел бы...

Мои слова прервали шаги за спиной. Снег под ногами идущего хрустел, словно ломались кости. Вдвоем мы обернулись и мой взгляд разрезал блеск металлической золотистой пуговицы, поймавшей солнечный луч. Прямо за мной стоял Арлен, направив на нас свой неприветливый взгляд. Затем он прошел вперед, вновь заставив нас повернуться, и произнес:

— Пойдем.

Его голос был холоднее, чем сегодняшней день.

— Куда? — с неприятным удивлением переспросил я, ощутив вскипающее чувство в груди.

Парень не ответил, а медленно побрел вперед, а затем, отворив калитку, направился в сад. Я измученно вздохнул и спросил Леону:

— Ты не обидишься, если я поговорю с ним? Понятия не имею, чего ему от меня надо.

— Без проблем, — без всяких подозрений пожала плечами девушка, спрятав ладони в рукава, словно в муфту.

Тогда я похлопал Леону по плечу, кстати, потом мысленно отругав себя за такую фривольность, и почти бегом поспешил вслед за Арленом. Мне казалось крайне важным упрекнуть своего соседа в том, что тот ведет двойную игру — образ Лауры все еще раздражал меня, и я понял, что ненавижу кого-то в первый раз. Таких чувств я не испытывал даже к Колину, несмотря на то, что все мои беды обычно начинались с его идей. Я настолько громко хлопнул калиткой, что, не успев пройти и трех метров, ощутил, как на голову обрушился снег с ветвей голого клена. А Дарси все шел, не останавливаясь, только шаг его стал быстрее в несколько раз.

— Ты до края галактики дойти собрался? — закричал я ему, но не получил никакого ответа. Он умел делать вид, что не слышит.

Вскоре мы оказались в самой «чаще», и только тогда юноша остановился. Я последовал его примеру, только близко подходить не стал, а спрятался за стволом дерева, чтобы собеседник не видел моего лица.

— Зачем она солгала мне? — голос старшеклассника меня немного пугал. Вновь здесь тот самый Арлен, который вызывал во мне гамму эмоций — от страха и злости до восхищения.

— Кто? — переспросил я, не понимая, о чем речь.

— Та девушка. Со светлыми волосами.

— Здесь никто не лжет, кроме тебя, — тихо произнес я, выдав свою обиду.

— Тебе есть в чем меня упрекнуть? — удивился собеседник, обходя дерево и явившись прямо передо мной. Я сполз на землю и уткнулся носом в колени, не желая его видеть. Возникла пауза, но после нескольких секунд молчания я понял, что Дарси говорить не намерен. Пришлось мне.

— Леона не лгала тебе. В отличие от тебя. Мы с ней даже не друзья. А ты говорил с Лаурой так, будто вы хорошо общаетесь.

— С Лаурой? — переспросил парень, опускаясь на корточки напротив меня. Его колени хрустнули, а я поднял взгляд. Теперь мы были на равных. — На физике мы в паре работаем над лабораторными. Не сказать, что мне нравится ее образ жизни и поведение, но у нее есть мозги. А это делает Лауру удобной напарницей. И все.

Я поджал губы и почувствовал, как по розовой от мороза щеке тянется влажная дорожка. Как же глупо заплакать в рекордные минус шесть. Особенно, когда Дарси напротив.

— Чего я тебе сделал? — поинтересовался старшеклассник, тыльной стороной ладони утирая мою слезу. Я вздрогнул, а затем ответил, поникнув:

— Извини. За то, что нагрубил. Просто тогда ты не ответил на вопрос, нравится ли тебе кто-нибудь...

Арлен как-то расслабился, а его лицо стало менее строгим. Рукою он накрыл мои глаза и полупшепотом произнес: «Только ты». А затем я почувствовал, как его губы накрыли мои, и этот поцелуй сбросил с моей души тяжелый камень. Каждый раз подаваясь вперед в ответ на поцелуй, я уверял себя, что сошел с ума, но между тем знал, что влюбился. В сардоническую улыбку, в неиссякаемую иронию, в умопомрачительный запах и в загадку души Арлена, которую нельзя было разгадать. Ее можно было только принять и любить.

— Ты важен для меня, — отстранившись, заявил юноша. А я, разомлевший, невольно улыбнулся ему в ответ, ощущая, как холод щиплет покрасневшиеся от поцелуя губы. Но промолчать было сложно:

— Я, наверное, безумен, но испытываю то же самое.

Хотелось сказать что-то еще — пламенное, страстное, великое, но Дарси не дал мне этого сделать, повалив на снег и вновь сорвав с моих губ поцелуй.

Примечания:

Пламя-пудинг — традиционный рождественский десерт в Великобритании, Ирландии и других странах Содружества наций.

Для удобства читателей температура указывается по цельсию, а не по фаренгейту.

— Ты ревновал.

— Я не ревновал!

Вобрав воздух через зубы, лицом я уткнулся в подушку, отложив книгу. Дарси преспокойно сидел за столом со стопкой справочников, решив, что все задания на каникулы сможет выполнить за один вечер. И я не особенно сомневался в нем — его упрямства и усидчивости вполне могло на это хватить. Я же второй день никак не мог вдумчиво приняться за Мольера, извечно отвлекаясь на подколы и мягкие издевки со стороны соседа. Арлен, видимо, получал удовольствие от того, как нелепо я огрызаюсь. Ему все казалось нелепым. С того зимнего дня в саду прошло уже пять дней, а это значило, что сегодня, двадцать шестого декабря, день довольно особенный. И особенный он вовсе не потому, что Арлен впервые проснулся позже меня, а потому что еще вчера было время рождественского сочельника. Школа пестрила гирляндами, источала аромат хвои, часто вечерами играла музыка, создающая праздничное настроение тем, кто по каким-либо причинам остался заложником «Хартвуда». И отчего-то все казалось легким и невесомым, как гусиное перышко, которое я вытянул из шва подушки.

— И чего ты только не уехал? — проворчал я, сдув гусиный пух с ладони.

— К кому? — горько усмехнулся старшекласник и, убавив свет настольной лампы, поднялся и двинулся в мою сторону.

Я пожалел, что спросил. Недавно Арлен признался, что его отец не сможет приехать из Германии к Рождеству, а мать получила приглашение от подруги на праздник. У него больше не было ближайших родственников, поэтому Дарси пришлось остаться здесь. Отчасти я был доволен этим. Но радовался я отнюдь не чужому несчастью, а тому, что смогу побыть с неизведанным, как космос, Дарси в более неформальной обстановке. На мой взгляд, именно этого не хватало, чтобы сделать еще один шаг навстречу взаимопониманию. Лгать было бесполезно — мы были необходимы друг другу. Хотя, мои многолетние убеждения все еще не давали мне полностью раскрыться: постоянно я чувствовал смущение и некий дискомфорт рядом с Арленом, хотя его присутствие, несомненно, радовало. Мои двойственные чувства откликались и в настроении юноши — он становился более мрачным. Я ощущал в этом свою вину, но пока что ничего сделать с собою не мог.

В тот момент я проникнулся голосом Дарси и сочувственно взглянул на него. Медовые глаза ответили блеском: юноша явно только того и ждал. Стоило мне лишь расслабиться, как он заломил мне за спину руки и припал к шее, губами захватывая кожу и доводя меня до гаммы чувств своим рваным дыханием. Я простонал, то ли от боли, то ли от удовольствия. Тогда, шесть дней назад, мы в полной тишине вернулись в комнату и до ночи целовались, словно одержимые. Реальность вывернулась наизнанку, подарив мне мою первую в жизни заветную тайну, до жути скандальную и странную.

— Кто-нибудь зайдет, дверь открыта, — промычал я, пытаясь сбросить с себя Дарси. Но он был гораздо сильнее и тяжелее, чем хотелось бы.

— Да кому ты нужен, — усмехнулся парень и тут же невзначай добавил: — Кроме меня.

Последняя его реплика заставила меня замереть, и я ощутил, как от смущения сводит мышцы и ломит зубы. Постепенно ко мне приходило осознание того, что с Арленом мы некто больше, чем соседи по комнате. Его поцелуи, прикосновения, даже слова пробуждали

во мне залп восторга (это как фейерверк, только из эмоций вместо пороха), и, судя по всему, старшеклассник тоже испытывал нечто подобное. Вообще, мы старались не обсуждать то, кем мы приходимся друг другу, а в повседневной жизни вели себя точно так же, как раньше. Но стоило нам оказаться в запертой комнате, как руки Дарси обхватывали мое лицо, а мои губы искали его. Хотя взгляд Арлена все-таки изменился. Если раньше, стоило нам пересечься в коридоре или столовой, мы делали вид, будто не знаем друг друга, то сейчас я знал, что медовые глаза, которые стали казаться огненными, скользят вслед за уходящим мной. Подарить ответный взгляд смелости не всегда хватало. Да и вообще, сказать честно, Дарси стал чаще создавать возле меня неловкие ситуации. И даже будто развлекался этим. Особенно он сумел смутить меня в Рождественский сочельник. В тот вечер для ребят, оставшихся в школе, — а нас было совсем немного — организовали чаепитие. Мне удалось прийти позже всех и сесть с краю, чтобы в любой момент можно было уйти, никого не беспокоя. Но не тут-то было — Арлен явился и сел рядом. Разговаривал со мной так, будто мы друзья, нарочито смеялся и даже один раз похлопал меня по плечу. Я сразу заметил на себе странные взгляды, поэтому все полчаса за столом в смущении ковырял свой пудинг и даже не допил фруктовый чай. Зато удовольствие получил сам Арлен. Он любил вести себя вызывающе, но в то же время со вкусом. Даже мисс Элизабет смотрела на нас с долей удивления. Вот кто уж точно всем сердцем не любил Дарси. Иногда можно было заметить войну взглядами между ними: моя классная наставница смотрела на старшеклассника с долей презрения, а он на нее с вызовом и нахальством.

В общем, в «Хартворде» все было обычно, за исключением наших с Арленом отношений.

— Кстати, — произнес юноша, оставив меня в покое и вновь облачившись в свой постоянный облик холодного, как Нептун, юнца.

— Что такое? — поспешил уточнить я и с живота перевернулся на спину, пригладив растрепавшиеся волосы.

— Я предлагаю съездить со мной в Хартпул.

— Что? — удивившись, я решил переспросить.

Арлен терпеть не мог встречные вопросы, поэтому сразу дерзко заявил:

— Видимо, вместо шарфа стоило подарить тебе слуховой аппарат.

Я немного обиделся, но вида не подал. Привык. Кстати, о шарфе. В качестве подарка на Рождество Дарси обмотал меня им, едва не удушив. Пах он своим предыдущим владельцем, то бишь Арленом, и этот запах рождал во мне удовольствие. Скорее всего, рефлекторно.

Тем временем брюнет вновь заговорил:

— Зайдем в книжный. Я знаю, ты бы хотел туда. После выпьем кофе. Можем посмотреть кино. А потом... — он будто смутился на секунду: его глаза странно скользнули к полу, — ...потом у меня есть одно дело, и я хотел попросить тебя составить мне компанию.

— Какое дело? — поинтересовался я и, поднявшись, подошел к окну. Двор был пуст, словно в школе мы были вдвоем. Дарси промолчал на мой вопрос, а значит, ответ я узнаю не сейчас. Мне совсем не нравилось, когда он так поступал, но я был готов простить этому человеку, задевшему мою душу, практически все его небольшие недостатки.

— Это будет тридцать первого декабря.

— Новый год? — по своей глупости переспросил я.

— Ну, если ты отмечаешь какой-то другой праздник в этот день, то я не против.

Пришлось поникнуть. Рядом с Арленом я всегда ощущал себя полным кретином. То, что мы обоюдно признались в симпатии, не особенно изменило привычные отношения между нами, и уж желчи в Дарси меньше точно не стало. Еще меня до сих пор беспокоила та история, которую однажды Леона так и не успела мне рассказать. Пару раз я хотел напомнить девушке о ней, но почему-то смущался, да и она явно в моменты наших встреч не была настроена говорить о человеке, к которому испытывала антипатию.

— Мы, думаю, останемся в городе на ночь. Я же говорил, у меня там дела.

— Нас никто не отпустит на ночь, — покачал головой я, зная местные порядки. Если Арлену нарушить их ничего не стоило, то я скорее причислял себя к законопослушным ученикам.

— Насчет этого не беспокойся, — махнул рукой парень и я немного напрягся, пытаюсь понять, что он задумал. Конечно, я доверял Дарси, но оставаться в неведении тоже не очень нравилось.

Я, было, хотел возразить или высказать свое мнение, но в кармане Арлена зазвонил телефон и тот, выругавшись, вышел из комнаты. Я остался один с возможностью только догадываться о том, чего тот скрывает от меня с такой неловкостью.

Однажды, когда я был еще совсем ребенком, мои родители поссорились. Вообще, такое случалось довольно часто, но в памяти, словно отпечаток, остался именно этот момент: в пылу раздора отец оделся и ушел, хлопнув дверью. Я видел, как это произошло, и, будучи маленьким мальчиком, очень близко принял случившееся к сердцу. «Мама, куда папа пошел?» — обратился я к Норе, впившись в нее печальными глазами. Она опустилась рядом со мной на колени, шмыгнула носом и обняла. Мама всегда была теплой и приятно пахла. Так, как пах наш дом. «Он победит злого волшебника и вернется», — Нора умела убедить. Тогда я гордо выпрямился, и мои плохие предчувствия растворились — ведь не каждый отец вечером уходит сражаться со злом! С тех пор прошло уже двенадцать лет, а я все еще верил в злых волшебников. Только понял, что все они — внутри нас.

В дороге меня почему-то всегда одолевали воспоминания о детстве, и неважно, что это было за путешествие — долгая переправа через Ла-Манш или поездка от «Хартвуда» до ближайшего города. Сейчас мой путь, а точнее — наш, лежал к Хартпулу. Часы показывали десять утра, и, полусонный, я периодически ударялся о стекло лбом, борясь с желанием уснуть. Арлен спокойно сидел рядом, а его пальцы беспорядочно плясали на сенсорном экране мобильного.

— И все-таки, как тебе удалось их уговорить отпустить нас до вечера в новый год? — поинтересовался я, вдыхая специфический аромат своего енотового воротника.

— Отстань, — как отрезал Дарси, даже не взглянув на меня.

«Не выспался что ли?» — рассерженно про себя заметил я, но поспешил отступить. Если Арлен был не в духе, то моя глупость могла лишь еще больше его разозлить. Мне очень хотелось припасть лбом к его плечу и вздремнуть, но в автобусе было полно народу. Особенно заставляла меня напрячься странная немолодая женщина, скорее даже бабушка, в не менее странном зеленом берете грубой вязки. Она глаз с меня не сводила, отчего я порою звучно сглатывал и старался взглядом отыскать что-нибудь интересное за окном. Тщетно. Некогда зеленые поля превратились в белоснежные пустыни: будто вместо песка в них был сахар.

Через полчаса мы сошли практически в центре города, и Арлен поспешил озвучить наш

список дел на сегодняшний день:

— Сперва выпьем кофе, иначе до полуночи я не доживу. Затем пройдемся по торговому центру, зайдем в книжный, например. Можем посетить причал или сходить в кино.

— На причале холодно, — справедливо отметил я и поежился. Конечно, за последние дни температура немного поднялась, став почти привычной, но я все еще ощущал ветряных змей, кусающих кожу.

— Ну, тогда кино.

Арлен показался мне довольно безынициативным. Будто телом он был тут, а мыслями уносился куда-то далеко. Это не очень радовало меня, но взять и спросить в чем дело я считал бестактным. К тому же, я не был уверен, что мне не кажется.

— Как насчет «Боевого коня»? Я слышал кучу хороших рецензий.

— Конь, так конь, — пожал плечами друг и поправил мою шапку, которая налезла на брови. Я тут же растаял и мои руки, спрятанные в карманы, начали дрожать. Я не мог ничего с собой поделать — противоречивые эмоции просто выедали мои внутренности. Да, мне было приятно внимание человека, к которому я искренне испытывал привязанность, но все, что это за собой влекло, казалось мне по меньшей мере девиантным. И пугало меня тем, что нравилось.

Конечно же, Арлен любил черный кофе. Без сахара. И пил его с таким лицом, будто не было на свете ничего более вкусного, чем горькое угольное месиво. Наверное, подобное мнение вычитало из меня пятьдесят процентов интеллигентного человека, но понять пристрастие к такому кофе я не мог. Зато я испытывал небывалое наслаждение, медленно потягивая приторный латте. Особенно приятно это было делать под «Strangers in The Night» Фрэнка Синатры. Стоило выглянуть в окно, как за тонкой стеклянной гладью я видел десятки спешащих людей. В Хартпуле едва можно было насчитать и сто тысяч жителей, но сегодня на улицах было так много народу, что можно было подумать, что это город-миллионник. Вокруг остались украшения с предыдущего торжества, и люди все еще хранили в сердцах то тепло. И пусть Новый год не такой важный и уютный праздник, как Рождество, зато в нем тоже есть особенное очарование.

После кофейни мы посмотрели фильм, а затем прошли по довольно просторному торговому центру. Вместе мы обошли несколько магазинов с одеждой, начиная от любимого мной «Н&М» и заканчивая «Austin Reed», в котором я, мягко сказать, чувствовал себя немного неуютно. Зато Дарси, с присущей ему важностью, померил несколько жакетов, и, не спрашивая моего мнения, выбрал один. По его словам, это было самое достойное место, чтобы одеться со вкусом, при этом не тратя бешеные деньги. Под новый год ажиотаж в магазинах немного спадал — если на Рождество было принято преподносить друг другу довольно ценные подарки, то в полночь с тридцать первого декабря на первое января люди обычно обходились маленькими сувенирами. На первом этаже торгового центра мы набрели на небольшой и очень уютный книжный магазин, по стилизации больше напоминавший лавку. Там я надолго утонул, с интересом перебирая книги, а Дарси, тем временем, куда-то ушел, оставив меня одного. Впрочем, я не особенно и переживал — я мог расслабиться и немного побыть самим собой. На кассе я стал счастливым обладателем нашумевшей книги «Не отпускай меня», какую, к стыду своему, еще не прочел, и небольшого альбома с открытками. Честно, покупать эти открытки я сначала не собирался, но едва взял альбом в руки и начал разглядывать глянцевые картинки, тут же меня переполнил восторг: на каждой поздравительной карточке были изображены герои Диккенса, сестер Бронте, Остин и

многих других писателей. Каждая иллюстрация сопровождалась той или иной уместной цитатой из книги. Я был уверен, что даже в Лондоне не отыскал бы такого сокровища всего за шесть фунтов. Поблагодарив отзывчивого продавца, я поспешил к эскалатору, щурясь от света многочисленных неоновых ламп. Вывески магазинов были украшены мишурой, имитирующей еловые ветки, блестящими шариками, символичной омелой⁴, алыми бантиками и милыми колокольчиками. Я вдыхал сладкий аромат горячей выпечки и глинтвейна, периодически озираясь по сторонам. Глазами разыскивал своего спутника. А вот и он — важный, гордый, собирает на себе любопытные взгляды покупателей. Признаться, я только недавно заметил, что в свои почти восемнадцать, Арлен выглядит старше года на четыре. Нет, честно, будь я другим человеком, просто прохожим, я вполне счел бы его за совершеннолетнего.

День близился к праздничному вечеру, и на улицах появлялось все больше народу. Мы, уставшие, зашли в небольшое кафе, чтобы перекусить. У меня во рту не было ничего с того момента, как утром я выпил латте, поэтому я взял себе огромную порцию ризотто, даже зная, что могу с ней не справиться.

— В тебя столько влезет? — скептически поинтересовался Арлен, глядя на то, как я уплетаю свой обед.

— Я бы даже тебя сейчас съел, — не задумываясь, ответил я, отправляя в рот очередную ложку.

— Зубы бы поломал, — усмехнулся Арлен и принялся за свой кофе с легким сэндвичем. После того, как парень отпил из чашки, он поинтересовался:

— Чего купил в книжном?

— Точно! — с энтузиазмом закивал головой я и протянул собеседнику две открытки из своего набора. — Вот, одну я подписал для тебя, смотри — «Арлену Дарси от Нила Джонатана Уэбба, новый год 2012».

Юноша принял вещь из моих рук и снисходительно улыбнулся. Впервые за сегодняшний день он показался мне расслабленным.

— А вторая? — поинтересовался он, разглядывая сцену бала из «Гордости и предубеждения».

— А вторая просто так. Ну, если ты вдруг захочешь кому-то подарить. Или на память. Нет, ты только взгляни, какие они классные! — я перевалился через стол. Арлен отстранил меня, оглядевшись по сторонам. И тут же сделал мне замечание, нахмутив брови:

— Прекрати, сядь нормально.

Я немного приуныл, и, заметив это, старшеклассник поспешил искупить вину. Глазами он в течение нескольких секунд изучал карточки, а затем произнес:

— Действительно, очень красивые.

Затем он убрал их в один из пакетов, а я заликовал.

— Куда теперь? Уже семь, нам пора возвращаться в «Хартвуд».

— Кто тебе сказал, что мы собираемся возвращаться?

— Подожди, — помотал головой я, отодвигая тарелку. Арлен был прав — я съел только чуть больше половины. — То есть ты хочешь сказать, что новый год мы встретим в городе? Как тебе удалось?

— В принципе, да. А, как, неважно, — задумчиво произнес Дарси, заглянув на дно чашки. — Я же говорил тебе, что у меня есть здесь дело. Так вот, с ним я еще не закончил.

— Да что за дело-то? — рассердился я. Арлен, оставив на столе чаевые, уже направился

к выходу. Я наспех надел шапку, накинул пальто и замотал на шею шарф, и только чудом поспел за другом. Тот поймал такси и буквально за шкуру втащил меня в салон.

— Хилкартер Отель, — заявил Дарси водителю.

— Зачем нам туда? — гневным полупшепотом поинтересовался я, поправляя шапку, но вместо старшеклассника рядом со мной сидело каменное изваяние. «Отлично, — едва сдерживая от обиды слезы, подумал я. — Если он считает, что может распоряжаться мной, как хочет, то это зря». Буквально через несколько минут мы оказались возле достаточно большого здания из красного кирпича. Пока я с открытым ртом разглядывал тонкости архитектуры, Арлен скрылся внутри. Всегда приходилось едва поспевать за ним. После небольшого разговора на ресепшне, парень передал мне свои пакеты и заявил:

— Второй этаж, тридцать восемь.

— Но у меня даже ключа нет, — и я кивнул в сторону стенда с ключами-картами.

— Там открыто, иди. Я скоро.

Мне даже не хотелось думать над тем, что он задумал. Но, словно покорный раб, я поднимался на этаж и считал двери, чтобы не пропустить свою. Нет, вот она — тридцать восьмая комната. И, действительно, открыта. Не заходя, я снял куртку и ее капюшон уткнулся мне в лицо. Почти что на ощупь я зашел в помещение и добрался до ближайшего кресла, куда сбросил многочисленные покупки. Но, стоило мне поднять голову и спокойно выдохнуть, как мое тело оцепенело от увиденного. Тут же я смутился, отступив к выходу. Нет, тридцать восемь. Арлен точно сказал тридцать восемь.

Без всякого удивления, даже с любопытством, на меня смотрели две пары глаз. За небольшим журнальным столиком сидели мужчина и женщина средних лет.

«Вот черт...» — мысленно выругался я и тут же услышал мягкий голос женщины:

— Здравствуй, Нил. Садись, не стесняйся. Арлен скоро подойдет.

Примечания:

«Боевой конь» — военная драма режиссёра Стивена Спилберга по одноимённому роману Майкла Морпурго.

H&M (Hennes & Mauritz) — шведская компания, крупнейшая в Европе розничная сеть по торговле одеждой.

Austin Reed — бренд, производящий одежду для мужчин и женщин, аксессуары и различную верхнюю одежду в классическом английском стиле.

Рождественская омела — основное традиционное рождественское украшение в Англии.

Их было двое — мужчина и женщина. Оба сидели в некой напряженности, а я в растерянности, красный, как зимняя рябина, стоял напротив них, не зная что сказать. И впервые в жизни я именно не знал — в голове носились лишь две мысли: «Кто эти люди и что здесь происходит?». Мои глаза скользнули к мужчине — он был спокойно равнодушен, но вместе с тем жутко холоден. Незнакомка рядом с ним в противовес казалась солнечно-теплой, мягкой и добродушной. Откуда-то они знали мое имя, но я был полностью уверен, что вижу эту пару в первый раз.

Постепенно я осмелел и, по указанию женщины, сел в кресло. Та дружески кивнула — ничего враждебного. Тогда более открытым взглядом я скользнул по знакомке, и что-то во внешности показалось смутно знакомым: волосы ее были каштановыми, аккуратно собранными в женственную прическу. Лицо внушало доверие: с губ не сходила улыбка, а ореховые глаза горели явным интересом ко всему происходящему. Одета она была со вкусом, так же и накрашена. Ничего лишнего — все на своем месте. Гармонично, просто. Понять, что мужчина, сидевший напротив, высокого роста, было легко. Худой, сухопарый, с легкой щетиной и различимыми синяками под глазами, он выглядел уставшим и строгим. Его взгляд был неприятен мне — смотрел так, будто даже молча мог заставить почувствовать себя полным нулем. Ладонью он скользнул в темные чуть кудрявые волосы, и тут все встало на свои места...

— Привет, — голос в дверях заставил меня вздрогнуть. На пороге стоял Арлен. Юношка поспешно вошел, прикрыл за собой дверь и бросил пальто на спинку кресла, в котором я сидел. Затем он опустился по левую сторону от меня, в единственную кресло-качалку в номере.

— Арлен... — начала, было, женщина, грустно улыбнувшись, но юноша перебил ее:

— Знакомлю лично. Мой новый друг и соратник — Нил Джонатан Уэбб.

Я встал со своего места и вежливо пожал руку мужчине, а затем женщине. Мозаика складывалась.

— Это мои родители — мистер Каллен Дарси и...

— Кэрри, — перебила мать Арлена, мягко улыбнувшись мне.

— Мама... — страдальчески произнес друг, и женщина тут же исправилась, приятно рассмеявшись:

— Кэролайн Дарси.

Мужчина встал со своего места, продемонстрировав идеальную джентльменскую осанку. В комнате, как мне казалось, атмосфера была довольно гнетущая, и тот, видимо, решил ее немного разрядить. Отец Арлена жутковато нахмурил свои темные совиные брови и, шагами измеряя комнату, начал с расспросов:

— Как в школе?

— Обычно, — равнодушно ответил ему сын, одарив скучающим взглядом. — Математика, физика, химия, всякая дребедень.

— Не нужно так, — покачал мужчина головой. — Ты определился с университетом?

— Да дай ты ему хорошо подумать! — возмутилась миссис Дарси. Затем она обратилась непосредственно к Арлену. — Милый, ты точно хочешь заниматься всеми этими технологиями?

Несколько секунд юноша молчал, а затем перевел взгляд на меня. Я, оробев, опустил глаза, делая вид, что ничего не слышу. Я не понимал, зачем он привел меня сюда, если хотел встретить новый год с родителями. Я чувствовал себя лишним. Будто забрался в чужой дом без разрешения и теперь наблюдал за его обитателями. А уж решения познакомить меня со своей семьей я от друга вообще не ожидал, и счел этот поступок более, чем интимным.

— По-моему, сегодня праздник, — серьезно обратился к родителям парень, — давайте не будем обсуждать все это хотя бы сейчас. Да и Нилу это не особенно интересно.

— Согласна, — засуетилась Кэролайн и поспешила зашуршать пакетами. — Папа только вчера смог прилететь. Берлин всегда его задерживает. Мы привезли тебе подарки. И твоему другу. Как замечательно, что ты рассказал о нем!

Мама Арлена была прелестной женщиной: очень улыбчивая и по-женски мягкая, она казалась антиподом собственного мужа. Мой друг ни в чем не уступал своему отцу и, видимо, взял большинство своих качеств именно от него. Мистер Дарси был хмур, суров и очень лаконичен. Без всяких слов он принял коробку из рук жены и передал ее сыну. Тот кивнул в знак благодарности и перевел на меня взгляд. Театрально закатив глаза, Арлен дал мне понять, что все происходящее немного утомляет. Я глупо улыбнулся и отреагировал на слова обратившейся ко мне миссис Дарси:

— Нил, милый, а это для тебя.

В неловкости я принял сверток из ее рук, и, даже не разворачивая его, понял, что это книга.

— Простите, — решил оправдаться я, — не знал, что вы приедете. Он не предупредил. У меня не найдется для вас подарка...

— Глупости! — заверила женщина и, поднявшись со своего места, потрепала меня по волосам. — Ты очень милый. И, если честно, не выглядишь как старшеклассник.

— Это его ранит в самое сердце, — решил съерничать Арлен, распаковывая свою коробку. Я кинул недовольный взгляд в его сторону и поблагодарил свою собеседницу:

— Спасибо. От Вас приятно слышать все, что угодно.

Миссис Дарси весело рассмеялась и обратилась к мужу:

— Каллен, расскажи, что это за книга.

— Сказки. Немецкие, — ответил тот, впервые посмотрев мне в глаза. Я не выдержал взгляда и потупился в сверток.

— Такие мягкие волосы, — продолжала нахваливать меня мать Арлена. — И цвет потрясающий...

— Да ладно вам, — запинаясь, начал отговариваться я. Аккуратно я развернул грубую бумагу и прикоснулся к тисненой золотистыми буквами изумрудной обложке. Мои глаза загорелись, а дыхание перехватило — чего стоила одна лишь иллюстрация на титульном листе. С восторгом я распахнул свой подарок и ладонями пробежался по ароматным гляцевым страницам. А затем, не удержавшись, воскликнул. — Это просто потрясающе!

— Вот видите, — усмехнулся Арлен, — библиофил.

Книги на сайте — Книголюб. нет

Подхватив мой восторг, миссис Дарси тоже рассмеялась. Она нравилась мне — была счастлива за всех и словно передавала это счастье всем вокруг. Правда, кроме меня, по-моему, никто здесь этого не ценил. Но смеялась женщина не для кого-то, а для себя, поэтому не замечала безразличия сына и мужа к эмоциям. Арлен церемониально вручил родителям свои подарки, мы выпили по чашке чая, немного поговорили обо мне, о том, как долго

думает их сын над поступлением в университет, о «Хартвуде» и о зиме. Напряжение немного спало, но я все равно видел, как неуютно чувствует себя Арлен. Казалось бы, семья — то место, где мы спасаемся от несправедливого и враждебного нам мира. Семья — это люди, которые всегда поймут и поддержат. Это наш внутренний стержень, и то, что делает из нас тех, кем мы становимся. В глазах друга я видел трагедию — он отторгал собственных отца и мать, не испытывал комфорта и не стремился быть откровеннее и ближе с ними. Я не знал, в чем кроется причина, и все происходящее начало напоминать мне кукольный дом. Это являлось мне каким-то спектаклем, хотя были заметны и просветы искренности. Миссис и мистер Дарси всячески пытались достучаться до сердца своего сына, но тот умел делать вид, что не слышит. Я чувствовал, что глубоко внутри Арлен за что-то не простил родителей. В особенности отца.

Примерно через час гости засуетились. Кэролайн взглянула на часы и охнула — «Половина десятого!». Ее муж поднялся со своего места и отряхнул брюки. Затем он достал сотовый телефон и начал кому-то звонить.

— Сынок, за сколько мы с папой доедем до Дарема?

— Не знаю. Минут сорок, полчаса, если повезет.

— До десяти успеем? — крикнула женщина своему мужу, а тот, не желая прерывать разговор, строго взглянул на нее. Затем, нажав отбой, он обратился к Арлену:

— Ключи оставляю на столе. Надеюсь, за твоих друзей нам не придется краснеть.

Я удивленно взглянул на друга, но тот одними лишь глазами приказал мне молчать. Я взглянул на миссис Дарси, ища поддержки, а она, накинув на плечи легкий полушубок, наклонилась к моему уху и произнесла вполголоса:

— Я вижу, что ты хороший парень, Нил. Пожалуйста, проследи, чтобы он не связался с какой-нибудь испорченной девчонкой. Жутко из-за этого беспокоюсь.

— Не волнуйтесь, — смущенно ответил я. — Попытаюсь повлиять, если что.

— Кэролайн, идем уже! Все почти собрались.

— Редко у кого получается подобрать к Арли ключ. Тебе есть, чем гордиться, — вновь заговорила женщина.

Я в конце застеснялся и кивнул в знак благодарности за комплимент. Особенно меня смутила уменьшительно-ласкательная форма имени друга. Уверен, услышь Дарси такое из моих уст, и беды не миновать. Но это было настолько забавно, что сдержать улыбку не удалось.

— И ничего такого, за что нам потом придется краснеть, — напоследок уточнил отец Арлена в то время, как Кэролайн с родительской нежностью оставила на лбу сына поцелуй.

Через пять минут о пребывании здесь гостей напоминал лишь приятный запах женских духов. Вдвоем мы стояли посреди помещения, которое, полностью избавившись от напряжения, я мог получше разглядеть. Родители юноши сняли просторную комнату в недорогом, но приличном отеле. Здесь было все, и даже больше, что обычно нужно для комфортного уикенда: довольно широкая кровать, задвинутая в альков, небольшой диванчик, чайный стол, рядом с которым находилось кресло. С левой стороны я заметил узкую дверь, ведущую в ванную комнату и туалет. Бежевые стены украшали полки, какие-то абстракции в минималистических рамках, от легкого сквозняка шуршали невесомые шелковые занавески кремового цвета. Позабавил меня небольшой электрический камин, встроенный в стену — в гостиной «Хартвуда» был настоящий, огромный и жаркий. По углам, словно копии друг друга, стояли высокие зеленые шефлеры. В общем, не сказать, что я был поражен

интерьером номера, но счел, что для обыкновенного Хартпулского отеля обстановка очень даже ничего. С разочарованием я отложил книгу, дожидаясь, когда Арлен запрет дверь.

— Почему ты не предупредил меня? — начал я, едва тот принялся распаковывать свой подарок.

— Я предупреждал, — отозвался юноша, извлекая из коробки пару дорогих мужских ботинок на шнуровке. — Так и знал. Как тебе?

— Мне не нравится, что ты уходишь от темы, — покачал головой я, крестообразно сложив руки.

— А зачем поднимать тему, если и так все понятно? Я не хотел быть с ними наедине.

— Ладно, — сдался я, но не потерял желание упрекнуть Дарси. — Все равно ты поставил меня в неловкую ситуацию...

— Смотри, — перебил меня собеседник, достав из коробки бутылку вина. — Мама в своем репертуаре. Кстати, урожай года твоего рождения.

Я кивнул, поняв намек, и взял с полки два объемных, невысоких бокала. Часы показывали практически десять, а до полуночи все равно нужно было чем-то занимать себя. Вообще, признаться, сейчас я чувствовал себя довольно неловко. Казалось бы, находиться вдвоем с Арленом было для меня привычным делом, но сегодня обстановка была другая, как и события, поэтому я ощущал себя совсем иначе. Мой взгляд обратился в сторону юноши — нахмутив брови, сосредоточенно и с интересом он вчитывался в текст на этикетке бутылки. Сегодня парень был бледнее, чем обычно, а джинсовая рубашка, как я отметил, необычайно шла ему. Поработав штопором, Дарси наполнил бокалы до самого края, и, без особых церемоний и речей, мы молча принялись за алое, как кровь, вино. Минута — и парень выпил все до дна, а затем расслабленно откинулся на спинку дивана, подняв взгляд к потолку и раскинув руки. Я скромно отодвинулся, медленно смакуя алкоголь. Я не ожидал, но разговор он начал сам, не дожидаясь моих наводящих вопросов:

— Я никогда не был близок с отцом. Не сказать, что я очень сильно переживаю из-за этого, но идиотское молчание меня напрягает. Нам редко когда удается нормально поговорить — обычно это или наука, или мое поступление. Отец пытается наверстать упущенное, но удается ему это весьма скудно.

— Наверстать?..

— Сколько его помню, он всегда куда-то уезжал. Сначала занимался организацией конференций, потом его пригласили в Германию. Ну, талантливые микротехнологи везде нужны. Потом приобрел известность как ученый, за ним — признание. В общем, ему было всегда не до нас. Не знаю, на чем вообще держится их союз с мамой.

— Может, еще не поздно наладить отношения? — робко поинтересовался я, ощущая во рту терпкий виноградный вкус.

— В том-то и дело, что поздно. Отец был нужен ребенку. Взрослому отец ни к чему.

— Зря ты так. Я бы попытался.

— Ты другой, — юноша опустил ладонь на мои волосы. — И я очень ценю в тебе это. Но разговаривать с моим отцом, все равно, что стучать в закрытую дверь. Он сам себя законсервировал. Не хочу даже думать о его реакции, узнай он о том, какие отношения нас с тобой связывают.

Арлен вновь ухватился за бутылку и наполнил свой бокал. Вино быстро заканчивалось, как и чувство недосказанности между нами. Арлен открывался, и в моих руках была потрясающая возможность понять его.

— А с мамой зачем тогда так? — недовольно я взглянул на собеседника, а затем сделал последний глоток. На том, чтобы налить мне еще вина, Дарси настаивать не стал, видимо, все еще ощущая вину за тот вероломный виски.

— Мама хорошая. Она понимает меня как сына, но не понимает как человека. Любые слова отца для нее — единственная истина. Не потому, что она считает, что так и должно быть. Она просто не умеет формировать своих. Ей так проще.

Я робко поднял взгляд и посмотрел на Арлена. От духоты тот расстегнул верхнюю пуговицу своей джинсовой рубашки, а его губы адели от вина. Расслабленный, такой печальный, сейчас он не был похожим на самого себя. В его волосах плясали блики, а огненные глаза смотрели прямо перед собой. Я любил Дарси, и в этот вечер даже был готов полностью признаться себе в этом. Наконец-то я почувствовал, что между нами медленно распускается весна, и стоит мне лишь помочь ему обрести себя, мы станем самыми счастливыми людьми на свете.

— Арлен... — в неловкости произнес я, головой прислонившись к его плечу. Юноша удивленно обратился ко мне глазами, и, было, хотел что-то спросить, как я продолжил, утонув в аромате его тела. — Победи злого волшебника. Внутри себя.

— Кого? — неуверенно переспросил парень, чуть наклонившись ко мне. А я, вобрав смелости и воодушевившись, приник губами к его губам.

Интересно, какое у Дарси было в тот момент выражение лица? Сумел ли я удивить его?..

Через час, когда электронные часы над дверью показывали почти одиннадцать, Арлен сгреб все фишки и победно выложил «стрит». Я насупился и поджал губы. Никогда не любил проигрывать. Сейчас я жутко жалел, что вообще согласился сыграть в покер с этим жуликом.

— Победить меня пять раз подряд — нереально. У каждого в игре один на один есть шанс.

— И ты его не использовал, — пожал плечами Дарси, аккуратно складывая карты в коробку. Он был мягче, чем обычно, правда, не знаю, что было первостепенной причиной — очарование сегодняшнего вечера или бутылка вина. Затем юноша поднялся с пола, убрал покер на полку и, произнеся «Я сейчас», скрылся за дверью в уборную. Я немного приуныл и подполз к подоконнику, подняв голову и оценивающим взглядом обведя припорошенную снегом улицу. За окном собиралось больше и больше народу, и мощеная мостовая напомнила мне быстрый живой ручей — люди стекались к главной площади, где обычно проходили основные празднества. Сперва я тоже хотел потянуть туда Арлена, но, вспомнив о холоде и толпе, решил, что отметить новый год можно и вдвоем. Маму с наступающим праздником я поздравил, заодно пришлось позвонить и папе. Не сказать, что я простил его, но моя ярость, перемешанная со жгучей обидой, стали менее концентрированными. В конце концов, я не имею права осуждать человека, который сделал для меня в сотни раз больше, чем я для него.

Отбросив лишние мысли, я поднялся с пола и присел на край кровати. На пару минут стоило зайти в интернет и проверить социальные сети. Но едва я загрузил свою страницу, вышел Арлен и, довольно потянувшись, рухнул рядом. С любопытством он глядел мне через плечо. Не заметив этого, я открыл новое сообщение от Леоны и довольно улыбнулся. Мне было приятно, что она вспоминает обо мне даже в праздник. Это означало, что мы больше, чем просто одноклассники. В этой строгой и замкнутой девушке я начинал видеть друга.

— Опять она?

Голос за спиной заставил меня вздрогнуть. Я повел плечами, а затем ответил:

— Леона — мой друг. Это нормально.

— Может, тогда подскажешь мне номер Блейн?

— Отстань, — я поджал губы, а рукавом свитера накрыл глаза. И, мне не показалось,

Арлен приглушенно рассмеялся, а затем сомкнул объятия на моей груди и притянул к себе.

— Убирай телефон, — заявил он. — Это наш с тобой вечер.

— Я не давал согласия, — пробурчал я, за что объятия скрепились так сильно, что я едва выдохнул.

— Но это не значит, что тебе не нравится, — прохладный нос Арлена уткнулся мне в шею, и по коже будто разряд прошелся. Я едва ощутимо вздрогнул и почувствовал, что кровь в моих венах ускорила свой ход.

— Я кажусь странным? — вдруг поинтересовался я, сплетя меж собой пальцы.

— Больше, чем многие. Но это не умаляет моих чувств.

Чувств. Это слово странно осело на дне моей души. Раз за разом я повторял его в своей голове и полностью растворялся в нем. Чувствовать. Именно так. Когда Арлен рядом, я чувствую все. Будто мир становится настоящим только рядом с ним. Это как демо-версия и лицензия компьютерных программ.

— Мне нравятся твои слова... — тихо произнес я и замолк, ожидая реакции. На мгновение повисла тишина.

— Тебе еще много чего понравится.

Внезапно Дарси ухватил меня за подбородок и развернул лицом к себе, губами крепко прикинув к моим губам. Я растерялся, а затем углубил поцелуй, корпусом почти полностью развернувшись к юноше. Его ладонь скользнула по моим волосам, а губы внезапно опустились ниже — сперва к подбородку, а затем к шее. Горячее дыхание, словно воск, стекало по коже, обжигало и волновало так, что рефлекторно я подался вперед, ничего не видя перед собой. В глазах мутнело, свет становился слишком ярким, дыхание разрывалось... И тут я почувствовал, что моя плоть испытывает возбуждение. Это было самым жутким, что могло со мной случиться именно сейчас.

— Все в порядке? — поинтересовался Арлен и легким поцелуем обжег мое предплечье.

— Д-да, — в ужасной неловкости пробормотал я и попытался сесть так, чтобы моего казуса не было заметно. Нет, подумать только, у меня эрекция на парня. Какой стыд.

— Нет, ты явно чем-то взволнован, — покачал головой старшеклассник и, подняв глаза к моему лицу, холодно произнес. — Отвечай.

От обескураженности меня парализовало, и я носом уткнулся в его плечо, вдыхая аромат, исходивший от одежды. Говорить подобное и смотреть в глаза — невыносимо. Проще умереть прямо тут.

— От твоих поцелуев у меня... — голос сорвался, и я страдальчески промычал юноше в плечо.

— Встал, что ли?

Я прокряхтел, сжимая кулаки. И как он так быстро догадался?..

— А знаешь что? — спросил меня юноша, без всякого усилия укладывая меня на кровать. — Я испытываю то же самое.

— А-арлен, что ты делаешь? — с рассеянным испугом поинтересовался я, спиной чувствуя, как проваливаюсь в мягкую поверхность. Тут же меня охватила паника, и я начал озираться по сторонам. Не тут-то было — хлопком Арлен погасил свет, и мы будто

бросились в пучину темноты. И только в этот момент я наконец-то полностью осознал, что произошло со мной за последние несколько месяцев: я полюбил парня, а парень полюбил меня. Мама была права...

Его поцелуи на моей шее — такие страстные, такие безнравственные. Будто он поедал меня, руками до боли сжимая мои плечи. Я глотал ртом воздух, не понимая, что происходит — пах сдавливала боль и в то же время жуткое наслаждение. Затем губами парень припал к моему уху, как делал это всегда, но в этот раз все было намного серьезнее. Я ощущал, как дрожит тело Арлена от нетерпения, возбуждения и восторга. Он был относительно груб, но порою проскальзывали нотки нежности. Вновь мои губы, и укус — почти до крови, до вкуса металла во рту. Я простонал сквозь поцелуй, подаваясь навстречу. Его колено задело мой пах, и рефлекторно я процедил воздух сквозь зубы, пальцами изо всех сил сжимая пушистое покрывало. Мы будто пылали в костре, который разожгли обоюдной страстью.

Пальцы на ощупь приподняли мой пуловер, и юноша опустил ниже, губами исследуя мой живот. От паха он двигался к соскам, а я, повинувшись, парой движений вовсе избавился от кофты. По плечам пробежался холод, но руки старшеклассника грели меня. Одну за одной наспех он расстегнул пуговицы своей рубашки и бросил ее на пол рядом с моим свитером. Чуть осмелев, едва касаясь, я дотронулся до обнаженного тела Арлена и вновь почувствовал неловкость. Но это чувство заменило другое — бескрайняя эйфория, от которой кружилась голова. Дарси знал, как доставить удовольствие и заставить забыть обо всем во вселенной.

Молния на моих брюках звякнула, и, не дожидаясь моего позволения, Арлен стянул их с меня вместе с нижним бельем. Я был наг и беззащитен перед лицом его страшной силы.

— Что ты дела... — едва успел произнести я, как почувствовал такое цунами наслаждения, что едва не потерял рассудок. Губы парня осели на моем эрегированном члене, а пальцы ловко обнажили крайнюю плоть. Инстинктивно я прогнулся в спине и накрыл глаза ладонями, чтобы не видеть своего грехопадения. С чем я мог сравнить это небывалое чувство? Ни с чем. Оно было уникально. Настолько же уникально, как и человек, которому я безраздельно вверял свое тело и душу.

Руки и губы Дарси ласкали мой фаллос, который разбух от прилившего к нему возбуждения. Я чувствовал пульсацию вен под кожей, чувствовал влагу языка и рта. И сдержать себя не удалось — лишь минута, и я был готов излиться.

— Арлен, не надо, я сейчас... — попытался сказать я, но до конца предупредить не успел — по губам Арлена, по его рукам и моему члену спускались липкие дорожки спермы. Я прикрыл глаза, стораю от стыда, но увидел лишь полуулыбку своего друга. Тут же парень подтянулся выше, и его пальцы утонули в моем рту, а затем, едва я облизал их, он подарил мне очередной глубокий поцелуй.

Естественно, Арлен не мог терпеть вечно. Он тоже сбросил с себя всю одежду, и в полумраке его тело казалось абсолютно идеальным. Ладонью я обхватил его предплечья, пытаюсь остановить, и тут же почувствовал движение сильных мышц под кожей. Наконец-то старшеклассник заговорил:

— Не бойся. Если почувствуешь невыносимую боль, то остановишь меня. Я никогда не причиню тебе зла.

— Почему?.. — в полусознании поинтересовался я, ожидая от него всего трех слов. Но Дарси промолчал, усилием перевернув меня на живот. Носом я уткнулся в покрывало. Наверное, это самое безумное, что происходило со мной за всю жизнь.

Внезапно я ощутил что-то влажное меж ягодиц, и, приподнявшись на локтях, было,

решил возразить. Но это что-то (головка члена, как я тут же и понял), резко скользнула внутрь меня, разорвав на части. Нет, я был жив, хоть и больше, чем наполовину, не осознавал, где я и что происходит. От боли мои ноги свело, и я почувствовал жуткий спазм. Будто все мои кости сломались разом. И Дарси не спешил: вторгнулся в меня размеренно, но целеустремленно. Его фаллос, я уверен, точно был шириной с мое запястье. От боли закружилась голова, и я, сам того не понимая, произнес, пытаюсь отстраниться:

— Пожалуйста, давай остановимся.

— Тише, Нил... — от этого легкого и нежного шепота у меня дрогнуло сердце, а боль на несколько секунд отступила. — Первый раз всегда больно. Ты же знаешь, не маленький. Но потом будет приятно. Я тебе обещаю.

Я сглотнул загустевшую слюну и кивнул самому себе. Этот голос, эти слова были достойны того, чтобы терпеть. И Арлен оказался прав — через минуту и впрямь стало немного легче. Мышца немного расширилась, привыкнув к размеру, и я почувствовал щекочущее удовольствие. Толчок за толчком оно нарастало, и теперь я постанывал скорее от удовольствия, чем от режущей боли. Не сказать, что я был на седьмом небе, но что-то приятное заставляло меня принимать случившееся и смиряться. Темп ускорился. Дарси пронзал меня, как казалось, до желудка, и даже пришлось попросить его делать это потише.

— Прости, — вновь этот шепот, за который я был готов продать душу. — Я так долго ждал этого.

Апогея мы достигли быстро. Дарси хрипло простонал, а затем я ощутил его огненное семя в себе и на спине. Без сил мы оба рухнули на кровать, пытаюсь прийти в себя. Мощные руки притянули меня к себе и, приклонившись к моему уху, юноша произнес: «Я счастлив, как никогда». Я умиротворенно слепил веки и лицом повернулся к своему любовнику.

— У меня никогда не было никого до этого, — скромно признался я. — Ни девушки, ни парня.

— Думаешь, незаметно? — не без иронии попытался задеть меня Арлен. Я нахмурился, но тут же ощутил, что старшеклассник целует меня. Его губы остыли, но вместе с тем этот поцелуй был легким и нежным. Через минуту Арлен поднялся с кровати и, захватив одежду, отправился в душ. Я остался в полной темноте взглядом пилить потолок. Моя душа вернулась в тело, и сознание отчитывало ее. «Что ты наделал?» — интересовался я у самого себя. В тот момент мое наслаждение заместили глубокие, как бездна, чувства вины и стыда. Колени все еще сводило, я почти не мог пошевелиться. Обнаженный и потерянный, я лежал во мраке и слушал, как льется вода в ванной комнате. Но длилось это недолго. Через несколько минут Дарси вышел одетый и, включив свет, удивленно взглянул на меня. Завернувшись в покрывало, я сидел на середине кровати, и, захлебываясь от нескончаемых слез, зубами впивался в ладонь.

— Прости... — сокрушенно произнес юноша, приблизившись. Лбом он припал к моему лбу, и так, молча, мы замерли на несколько мгновений. Затем я постарался деликатно отстраниться и утереть слезы. Мир встал с ног на голову. Я смотрел на Арлена, на его влажные волосы, на свежую кожу и горящие глаза, и понимал, что влюбляюсь еще больше. Сожаление сделало шаг назад и, нервно выдохнув, я ответил:

— Все в порядке. Просто мне нужно время, чтобы осознать.

Дарси кивнул и, усевшись в кресло, закурил. Я и не думал сдвигаться с места, несмотря на то, что ванная освободилась. Комната наполнилась табачным смогом, и мне показалось, что меня за совершенный грех сжигают в аду. Я думал о вечном: о том, что поступил

неверно с точки зрения нравственности и морали. Но разве неверно я поступил с точки зрения любви? Разве это плохо, что человек полюбил человека?..

Тем временем юноша затушил сигарету о край пепельницы и принялся примерять новые ботинки. Но, едва его ноги скользнули в блестящие коричневые оксфорды, как он с разочарованием произнес:

— Малы.

Пожаром в моей душе догорели оставшиеся дни каникул. И то костер этот был в объятиях Арлена, то я сам сжигал себя, мечась между любовью и нравственностью. Все чаще ночи оборачивались чередой бессонниц и, вглядываясь в лицо спящего Дарси, я спрашивал у подсознания, насколько же сильно смог я полюбить, чтобы позволить себе отдаться парню. Хотя у меня не было возможности сравнить — я никогда не имел ничего с девушками, не целовался и даже не держал никого за руку. Может быть, все верно, так и должно быть?..

В последний день перед началом учебы школа вновь ожила — после каникул вернулись ученики. С некой тоскою из окна я наблюдал за тем, как те прощаются со своими родителями, волокут тяжелые саквояжи через турникет и глядят за спину в надежде получить последнюю улыбку. Все это напоминало мне конец августа — ржавеющие листья, заезд и шум детских голосов. Мрачно я растекся по подоконнику и обернулся. Пусто. Арлен давно куда-то ушел с Вацлавом и, судя по тому, что взял с собой куртку, на перекур. Иногда я задумывался — что было бы, если бы Гаррет не сломал ногу? Если бы тогда Арлен не толкнул меня на лестнице? Если бы я не заступился за Лили? Если бы я не перевелся в Хартвуд? И если бы мои родители не развелись?.. Все это рождало во мне целую кучу догадок, но в одном я был полностью уверен — тогда бы я уже был не я. Январский день, такой колючий, до мурашек сказочный и лиричный, заставлял меня думать в два раза больше обычного. Но мысли в том ключе, в котором они лились, меня не устраивали, поэтому я решительно отправился на поиски кого-нибудь, кто отвлечет меня.

Я знал, что Лили еще не приехала. Так сказала ее соседка сегодня за завтраком. Зато я видел Леону и Колина, прощавшихся с отцом. И сообщение от девушки не заставило себя долго ждать. «Давай в три. Около третьей лавочки за лестницей» — гласило послание в моем телефоне, не терпящее отказов или изменений. Но мне все равно было нечем заняться, поэтому, заперев свою меланхолию ненадолго под замком, я брел по коридору, разглядывая картины учеников «Хартвуда». Они остались здесь еще со времени Осеннего бала, когда все мы, от первого класса средней школы и до выпускных, должны были нарисовать что-то на осеннюю тематику. «Леона неплохо рисует, — отметил я ее пейзаж. — Эмили тоже. Вот картина Лили. Не ожидал от нее подобного — река как настоящая. Вот мой шедевр. Если бы я рисовал чаще, то у меня получалось бы не хуже, чем у Блейн. Странный сюрреализм от Вацлава, а это...». Взгляд мой затормозил на странной картине, и я прыснул со смеху, заметив знакомую фамилию под нелепой попыткой что-то нарисовать. И почему я не разглядывал картины до этого?.. На белом холсте расположилось существо, отдаленно напоминавшее лошадь — только с кривыми ногами и глазами, которые выползли от испуга почти к ушам. Линии были кривыми, краски — яркими, детскими. Нет, клянусь, я не знал, что Арлен так ужасно рисует...

Спустившись на первый этаж, я сразу увидел Леону и, дружественно помахав ей рукой, улыбнулся. В ответ я получил короткий кивок. Как всегда грустна, сдержанна и лаконична. Зато выглядела девушка отдохнувшей, и прическу она с высокого хвоста сменила на легкие локоны.

— Ну, что, как каникулы? — с хода начал я, приземлившись рядом с одноклассницей.

— В Эдинбурге мне было скучно, — вздохнула Лео, подперев щеку костяшками пальцев. — У меня там никогда не было друзей. Только в раннем детстве. А с семьей не

особенно повеселишься.

— Я всегда считал тебя серьезной, — добродушно улыбнулся я, заглядывая в серо-голубые глаза. — А ты про веселье тут...

— Я обычная, — как-то неловко насупилась блондинка и отвернулась от моего открытого взгляда. Я прикрыл рот ладонью, чтобы не выдать своей улыбки. Не хотелось этого признавать, но с Леоной было приятнее проводить время, чем с Лили. В моих глазах Паттерсон была слишком хороша: красивая, умная, гордая. Тому, кого она полюбит, можно лишь позавидовать. Единственное, что угнетало меня при взгляде на девушку — ее грусть и болезненное спокойствие. Будто она жила в стеклянном кубе, что стоит протянуть руку, как ладонь ударяется о прозрачную гладь. До Леоны нельзя дотронуться. И тут я вспомнил — ведь она так и не рассказала о том, чего я так сильно хотел знать. То ли забыла, то ли намеренно скрыла историю, связанную с Дарси. Первое время я считал спросить об этом напрямую делом очень смущающим, но сейчас осмелел, потому что любопытство переливалось через край — можно было и захлебнуться им. Собрав свою решительность и для смелости глотнув выдохшейся газировки, я пошел в наступление:

— Леона...

Девушка вздрогнула — я заметил это — а затем, закрыв часть лица волосами, поинтересовалась:

— Ну?..

— Помнишь тот день, когда мы сидели внизу возле автоматов с едой?

— Помню.

— Тогда прозвенел звонок...

—..И я не успела рассказать тебе про твоего Дарси... — без труда продолжила девушка. С ее губ слетел вздох. — Я вообще не уверена, что это имеет для тебя какое-то значение. Но ты всегда защищаешь его. Может, немного изменит твое мнение.

Я сжал металлическую баночку до вмятин и превратился в слух. Паттерсон продолжила:

— Моя соседка, Виола, всегда любила этого сноба. Мы вместе, так сказать, были его фанатками. Не завидовали друг другу, не соперничали, просто вели себя как дурочки и постоянно пытались произвести впечатление. Со временем мой интерес начал остывать — мне нравится другой тип людей, и я медленно осознавала это. Зато интерес Виолы становился все сильнее. Однажды мы вместе решили, что ей стоит признаться ему. Не лично, конечно. Хотя бы записку передать — жутко романтично и, как оказалось, глупо. Арлен даже не взял листочек, да и слушать Виолу не стал. Единственное, чего она удостоилась, безразличного: «Мне это неинтересно». Для нее два мучительных года любви к нему прощуршали пеплом под ногами. Она плакала всю ночь, а я вместе с ней. Так вот, Дарси просто оболочка, а внутри у него лучшее, что есть, — арктический холод и концентрированное безразличие. Ну и речь я загнула...

— Да нет, все в порядке, — покачал головой я, вслушиваясь в гудящий звук торгового автомата. Затем глаза скользнули в сторону перил. Встретаться взглядом с Лео не хотелось. Через мгновение я пригляделся и дернул одноклассницу за рукав.

— Смотри, Арлен, — кивком головы я указал в сторону входа. В тени возле двери, скрестив руки, стоял Дарси и смотрел на нас с подружкой исподлобья. Я знал, что он не очень-то жалуется на наше с ней общение. Да впрочем, Леона тоже испытывала к старшекласснику антипатию.

— Легко на помине, — брови девушки потянулись к переносице.

Медленным шагом Арлен приблизился и остановился возле нашей скамейки, собою подперев колонну. Он не поздоровался, не сказал ни слова, только со злобным прищуром глядел вдаль и постукивал пальцами по стеклу своих часов. В здании было холодно, поэтому поверх пиджака юноша накинул жилетку с подкладкой из овчины. Почему-то мне всегда нравилось, как она пахла.

— Эм... — замялся я, неловко глядя то на Дарси, то на Паттерсон. Я сразу почувствовал, что воздух стал тяжелее от напряжения. — Мы про Эдинбург разговариваем. Присоединяйся.

— Мне нечего сказать, — безразлично пожал плечами Арлен и продолжил стоять. Будто бы мне назло.

— Забавные из вас друзья, — голос Леоны снизился на тон. Затем девушка обратила свой взгляд к моему соседу и произнесла: — Мы ведь только заочно знаем друг друга. Я Леона.

— Арлен, — представился старшеклассник, даже не взглянув на человека, с которым знакомился. Это явно было актом оскорбления, но Паттерсон не восприняла его всерьез.

— Вы давно дружите? — вполне спокойно и с интересом поинтересовалась одноклассница. Я с облегчением выдохнул и смущенно сопроводил свой ответ пожатием плеч:

— Ну, с Осеннего бала, получается.

— Недолго... — глаза Лео обратились к Арлену, а ее ладонь легла на мою макушку. Я удивился такому фривольному жесту, но не возразил. — Знаешь, кого мне Нил напоминает?

Ответом Дарси было секундное напряжение. Слишком явное, чтобы не заметить его. А Паттерсон развивала монолог:

— Шелли. Моего бывшего одноклассника. Он весной перевелся. Вы, кажется, были довольно дружны с ним.

— Не более, чем с Вацлавом, — с чинным спокойствием возразил собеседник. Я же немного осунулся — мне не нравилось, когда в моем присутствии говорили о незнакомых людях.

— Но тогда, помнишь, на весеннем спортивном фестивале? Шелли разбил колени, подвернув ногу на стометровке. Ты бросился за ним, как обезумевший. Все видели, все помнят. Вы дружили.

— И что? — раздраженно переспросил Арлен. Его кулаки сжались, а уголки губ недовольно изломились. На лицо упала сизая тень, и теперь он вовсе стал каким-то жутким.

— Потом Шелли перевелся, — Леона не унималась, и мне становилось не по себе. Впервые за все время, что я был знаком с этими спорщиками, я немного боялся их обоих. С каждой долей секунды их обоюдная ненависть становилась все более густой, как кипящая смола.

— Причем здесь я, и то, что он перевелся?

— Хватит, пожалуйста! — зажмурившись, заявил я. Слушать все это было невыносимо. Они, словно стервятники, выклевывали друг другу глаза. И все это раздражение пришлось впитать в себя: я поднялся со своего места и, строго взглянув на прощание, поспешил к себе в комнату.

Я ненавидел, когда люди ссорятся, еще с детства. Это напоминало мне моих родителей, деливших все, начиная от места за компьютером и, в конце концов, заканчивая документами на дом. Со временем я смирился, что являюсь некой губкой для всего этого негатива, и

привычки не оставляли меня даже сейчас. Но я пообещал себе стать лучше, начать такую жизнь, о которой не пожалею. Поэтому смиряться с тем, что мне неприятно, я не собирался. Второе, что меня почему-то волновало — незнакомец, упомянутый в разговоре. «Кто такой Шелли?» — спросил я себя, пытаюсь вспомнить, впервые ли слышу это имя. В момент мысли я обернулся, решив проверить, спорят ли еще Арлен с Леоной, но на нашей скамейке уже сидел кто-то другой. «Ладно», — махнул рукой я и загнул рукава пиджака для удобства. Хотя больше, чем загадочный Шелли, меня задела история с запиской — я был полностью уверен, что, оказавшись я на месте Дарси, не посмел бы расколоть сердце девушки. Тут же я представлял себя на месте несчастной, и под ребрами начинало покалывать. Нет, определенно, Арлен — монстр. Хотя я монстр не хуже — внезапно на меня обрушился такой жуткий стыд, что хотелось раствориться: я вспомнил, как сам выбросил послание Лили в мусорное ведро.

Практически весь день я провел в библиотеке за любимым последним столом. Он был спрятан за бесконечными книжными полками и имел лишь один недостаток — плохо освещался. Я сидел, словно за ширмой, собранной из полного собрания томов Энциклопедии Британники. Зато все преимущества моего излюбленного места значительно перевешивали единственный минус — мне было уютно, спокойно, и сквозь щели в книжных стеллажах я без труда наблюдал за происходящим в библиотеке. Вот Урсула — мой друг и незаменимый советчик. Если бы не она, то я бы никогда не получал редких книг на руки. Вот миссис Авелин — одна из моих учителей. Почему-то она часто проводит тут время, хотя я редко вижу ее читающей книгу. Как всегда, знакомые и незнакомые лица ребят: кто-то спорит, толкается, кто-то вдумчиво выбирает беллетристику, кто-то подыскивает материалы для реферата, некоторые, как я, делают домашнюю работу. Отчего-то я решил в комнату пока что не возвращаться, а все пробелы в своей учебе заполнить здесь. И в один момент я так увлекся грамматикой, что не заметил на себе любопытного взгляда. Незнакомку выдал шорох, я поднял голову и увидел девушку, наблюдавшую за мной сквозь щель в книжной полке. Поняв, что я заметил ее, она поспешила отстраниться, но пыльный корешок энциклопедии заставил ее чихнуть. Тогда, совсем смущенная, она прижалась спиной к стеллажу и замерла.

— Привет... — неуверенно произнес я и поднялся со своего места. Со мной никогда не происходило ничего подобного, поэтому я действовал наугад, боясь спугнуть незнакомку. Судя по всему, она была ученицей средней школы — миниатюрная, прелестная и очень кукольная, девушка сразу показалась мне приятной. Особенно нравились мне ее русые вьющиеся волосы, цветом немного ударявшиеся в медь.

— Привет, — смущенно произнесла она, и в этом отчего-то я увидел недавнего себя. Нет, подумать только, я ведь почти перестал краснеть из-за глупостей, стал тверже и уверенней в себе. Влияние Дарси или взрослою?..

— Ты, наверное... меня искала... — попытался подобрать слово получше я. Конечно, «следила» напрашивалось само собой, но было бы не совсем верно начинать беседу с обвинений.

— Да, Нил. Ты ведь Нил?

Ну и красота: кожа — фарфор, зеленые глаза — июль, веснушки — россыпь янтаря.

— Нил Джонатан Уэбб, — энергично закивал я. Нет, зря я заикнулся про отсутствие у себя смущения — девушка напоминала мне книжную героиню, и я тут же зарделся от

восхищения.

— Меня зовут Люси, — произнесла незнакомка, потупившись, и я обратил внимание на ее руки, сминающие листок. Снова дежавю. Где я подобное уже видел?..

— Я чем-то могу помочь тебе?

— Да, — как-то невнятно пробормотала девушка, вконец порозовев от смущения. — Ты ведь сосед Арлена?

Я кивнул, а она продолжила:

— Передай ему вот это от меня. Ладно?

«О, черт...» — мысленно выругался я, но не принять послание не смог. Люси смотрела на меня глазами, полными светлой надежды и восторга. Видимо, она не ожидала, что я, старшеклассник, да еще и парень, соглашусь на такую авантюру. Признаться, я и сам был не рад, но, вспоминая историю Леоны, чувствовал, что во мне скандирует внутренний альтруист. «По-мо-гай! По-мо-гай!» — повторял он в моей голове, и я тут же улыбнулся новой знакомой, заверив ее:

— Конечно, положись на мою помощь...

Через полчаса я, гордый тем, что выполнил все до единого задания, возвращался в нашу с Дарси обитель. В мыслях я все еще поласкал моменты встречи с Люси — она, вместе с своей запиской, не отпускала меня. Листочек, сложенный вдвое, все еще лежал в моем кармане, и выбросить его было бы полным свинством. «Я был так странно дружелюбен, — боязливо рассуждал я по пути. — Верно, она решила, что это специально. Ну, посмеяться над ней хочу или вроде того...» Тихонько я скользнул за дверь без стука, и, не успев оглядеться по сторонам, почувствовал, как со спины меня прижали к себе мощные руки. Шеи тут же коснулись огненные губы, и я затрепыхался, словно бабочка, чувствующая иглу коллекционера.

— Пусти, пусти, Арлен...

— Еще чего, — усмехнулся в ответ он, шумно вдыхая запах моих волос. — У тебя идеальный запах.

— Все это хорошо, — не прекращал протестовать я, — но послушай...

— Да говори уже, — с раздражением отозвался он и резко отпустил меня, отчего я пошатнулся и чуть не упал. Но, нет, успел опереться спиной на дверь и повернуть замок.

— Гляди, — достав из кармана записку, я протянул ее Дарси. — Тебе передала ее девочка, которой ты сильно нравишься.

— Выброси, — без всяких эмоций произнес мой сосед и начал разматывать наушники от своего плеера.

— Но эта записка написана тебе. Мне кажется, ее автор вложила душу в слова.

— Чушь. Ненавижу все эти дурацкие записки. Как в младшей школе. Она бы еще на глиняной дощечке чего-нибудь нацарапала.

Нет, Арлен был неисправим.

— Мне кажется, ты должен написать ей ответ.

— Тебе кажется, — жутковато поморщившись, ответил парень.

— Да нет же, — я сбросил обувь и влез на кровать своего соседа, размахивая листом бумаги у того перед лицом. — Вот, слушай: «Арлен Дарси, мне кажется, я влюблена в тебя. В последнее время не могу думать ни о ком, только о тебе. Пожалуйста, ответь, если сочтешь нужным. Буду ждать. Люсия Доверберг.»

— Я не считал нужным. Все, выбрасывай. Зачем ты вообще взял это? Мне не нравятся

девушки, Нил...

С этими словами он приобнял меня за плечи — в этом жесте не было ничего отвратительно-романтического. Скорее это выглядело очень по-дружески. Но я-то знал с какими чувствами Арлен делает это. Я перестал приставать к нему, и через минуту парень расслабился. Тогда я снова решил продолжить пытку уговорами.

— А представь, если бы ты кого-то любил. И написал ему письмо. А оно не пришло бы ему. Никогда.

— Ладно, — вдруг сорвался Дарси, и я даже вздрогнул, чуть отстранившись. Я не успел сказать ничего особенного, как нечто повлияло на него — он изменился в лице, задумался, напрягся. Но момент упускать было нельзя. Я вручил парню ручку и велел написать на другой стороне что-нибудь разумное. «Прости, девочка, мне нужен только Нил» — вывел он, но я тут же выхватил листочек и, возмущенный, скомкал его. Арлену нравилось валять дурака. Иногда все-таки он умел становиться несерьезным.

С горем пополам, минут через пять мы общими усилиями смогли написать не совсем обидный отказ. Взамен на сомнительную услугу Дарси потребовал немногого — легким усилием он накрыл мое тело своим, чем полностью обездвигил, и впился в меня губами. Порой такая настойчивость пугала меня, но получал удовольствие я не меньшее. С повинованием я ответил на поцелуй, а мои руки скользнули под рубашку парня — обжигаться о его тело было безумно приятно. И вновь аромат мяты, исходивший от его кожи, одежды и волос. Через сотню мгновений, когда наши губы налились кровью, а все звуки вокруг слились в обоюдный хриплый стон, парень приподнял меня. Я сразу заподозрил что-то неладное, и мои догадки подтвердились, когда на голову легла тяжелая ладонь — требовательно Дарси заставлял меня спуститься. Я сполз на пол, и только тут до меня дошло...

— Ты, правда, думаешь это необходимо?

— Давай жалюзи закроем, если ты смущаешься, — Арлен опустил на пол ноги и двумя пальцами приподнял мой подбородок. Как же властен был его взгляд в тот момент...

— Да нет, — замялся я, с тихим ужасом наблюдая за тем, как возлюбленный расстегивает ширинку. Боялся я скорее не самого действия, а того, что я не представляю, как это вообще делается. «С другой стороны, — убеждал себя я, — ты знаешь, насколько это приятно. Неужели ты не можешь хотя бы попытаться доставить такое же наслаждение Арлену?»

— Тогда чего не так?..

— Все так, — расслабленно выдохнул я, и, подхватив ладонь Дарси, прижал ее к своей щеке.

Мне было немного страшно — признаться, сперва я не был уверен, что фаллос Дарси поместится у меня во рту. Но, как оказалось, это и не требовалось. Ладонью я обхватил алый пульсирующий ствол и, зажмурившись, губами опустился на мясистую обнаженную головку. Я не мог видеть, но мог только представить лицо Арлена в тот момент — я слышал, как он подавил стон и шумно выдохнул, телом подавшись вперед. Тогда я тоже попытался расслабиться. Губы опустились ниже — я будто чувствовал на них огонь, а руками я помогал себе, осторожно двигая крайнюю плоть. Ладонь Дарси опустилась на мою голову, будто требуя захватить губами член еще больше. Буквально через минуту, стоило только ускорить темп, я закашлял и отстранился — с моих губ прямо на футболку стекали скользкие солоноватые дорожки спермы. От удивления я сглотнул все, что осталось во рту, и, взглянув

на Арлена, произнес:

— Пойду, отнесу твой ответ Люси.

В первую субботу января в «Хартвуде» назначался день уборки. Для персонала это был отличный способ заставить избавиться от мусора таких, как, например, Гаррет. И даже самый фанатичный чистюля был обязан хотя бы протереть полки. Что касается меня, то прибрался в комнате я довольно быстро: в мусорное ведро полетели старые тетради, черновики, всякая сломанная мелочевка и одежда, которую уже надевать было стыдно. Все это я утрамбовал в большой пакет, выданный комендантом, и оттащил этот мешок к заваленным мусорным бакам. Когда я вернулся, Арлен закончил подметать полы и теперь кропотливо чистил свой пушистый коврик, измазавшись в густой пене. Выглядел парень в спортивном костюме и такой позе довольно забавно, но открыто смеяться я струсил. Мне всегда казалось, что возлюбленный лишен самоиронии. Внезапно я споткнулся о несколько коробок, которые тут же узнал — при переезде Дарси сунул их под кровать и ни разу не доставал за все время, что жил здесь. По-видимому, барахло, с которым было жалко расставаться. День уборки — именно тот момент, когда можно найти в себе силы отказаться от старых ненужных вещей.

— Ты куда-нибудь пойдешь сейчас? — спросил меня Арлен, на секунду оторвавшись от своего занятия.

— Скорее всего, — ответил я. — Лили звонила. Не знаю, что хотела, но мы давно не разговаривали.

— Захвати тогда коробку на выброс. Только не белую, а ту, что слева, коричневую.

— Ладно, — слушая вполуха, согласился я и принялся переодеваться.

За несколько минут в моей голове обычно успевали побывать пара-тройка десятков мыслей, и, когда нужно было уходить, я успел позабыть, какую из коробок мне стоит взять.

— Арлен, белую или коричневую?

Юноша промолчал, голову покачивая в такт музыке, которая гремела из его наушников. «Да какая разница», — подумалось мне, и, взяв белую коробку, я стремительно покинул комнату. Мне не хотелось идти по общей лестнице: встреча с Колином или еще кем-нибудь из класса всегда заканчивалась провокацией с их стороны. Поэтому, свернув налево, я предпочел маленькую лесенку, по которой обычно спускался персонал. Коробка была не очень тяжелой, и меня тут же начало мучить любопытство — что в ней? Может, какие-нибудь старые поделки Арлена? Его смешные рисунки, может, стихи, детские фотографии или чего-нибудь еще?.. Мне жутко захотелось узнать парня получше, поэтому, пока никто не видит, я скользнул в сушилку и прикрыл за собой дверь. Конечно, мой поступок был не совсем правильным, но как человек, делящий с Дарси одно чувство на двоих, я считал, что имею право. Отковыряв скотч с крышки и распахнув коробку, я охнул: на дне лежали какие-то тетради и целая куча клетчатых листов. Сначала мне подумалось, что это черновики и старые тетради, но, достав все со дна, я понял, что это не так. Я распрямился и начал листать ежедневник — расписание занятий, заметки и...

Едва мои глаза коснулись текста на найденной меж страниц записке, я выронил ее из рук и, прижавшись спиной к стене, ощутил, что потерял дыхание.

«Шелли, я не умею писать писем, но сейчас делаю это, потому что знаю, ты его никогда не увидишь...»

«..твой волосы пахнут дождем».

«Слишком глупо, но эта глупость — все, что у меня есть».

«..не повернешься ко мне спиной».

«Я израсходован, но ты делаешь из меня человека».

«...оба знаем, что это неверно».

«Но я люблю тебя».

Я запрокинул голову и пальцами сжал виски. Мои глаза безумно метались взглядом по белому потолку, который чернел с каждой долей секунды. Было так плохо, что ноги были готовы отказать, и я уже готовился распасться на атомы. Но, нет, плоть оставалась плотью, только кусочек души откололся. «Арлен любил Шелли, — как зомбированный бормотал я, в некой фрустрации собирая листки с пола. — Шелли... Любил его?». Записки вместе с ежедневником вновь улеглись на дне коробки, и вдруг случайно к коленям спикировала фотография, распечатанная на обычной офисной бумаге. С яркой карточки, явно сделанной на фронтальную камеру мобильного, на меня смотрел Дарси, чьи губы замерли в полуулыбке. Фотографировал же юноша, чем-то походивший на меня. Только волосы его были почти такими же темными, как и у Арлена, а глаза — болотно-зеленого цвета. Не знаю, что нашло на меня в тот момент: я глядел на незнакомца, а он глядел на меня и улыбался. В своей голове я будто слышал его голос: «Дарси говорил мне, что любит, а тебе нет». На мальчишке была надета спортивная форма легкоатлета, и, скорее всего, момент был запечатлен на соревнованиях или вроде того. Окончательно разозлившись, я скомкал фото и швырнул его со всей силой туда, где нашел. И... эта коробка все время стояла под кроватью, на которой Арлен без зазрений совести прикасался ко мне, приникал губами и заставлял умирать от смущения и наслаждения. Дарси врал мне. И никогда не говорил, что любит, несмотря на то, что однажды мы были очень близки.

От обиды я заплакал, лбом припав к стене душевой сушилки, пропитанной запахам хлора. Мне не хотелось показывать свои слезы даже самому себе и уж тем более признавать то странное чувство, напоминавшее массивную черную дыру в моей груди. Было проще сломать разом пальцы, изорвать себя в клочья или просто умереть. Словно части витража, я сложил слова, когда-то произнесенные Гарретом, и недавнюю полемику Леоны с Арленом: Дарси любил Шелли, и, видимо, это было взаимно. Но что случилось и почему этот парень перевелся по настоянию моего соседа?

Утерев нос, я достал звякнувший мобильный и на сообщение Лили ответил, что уже иду. Затем я попытался залепить коробку тем же скотчем, при этом размышляя, как лучше поступить. Отнести ее обратно означало мучительный для меня разговор. Отчего-то я был готов услышать от любимого мной человека слова о том, что я был всего лишь игрушкой. Поэтому, рассерженный и подавленный, я без зазрения совести приволок коробку к мусорным бакам и отправил ее на самое дно. Пустота. Но больше я не плакал.

— Нил!

Я обернулся, отряхнув руки. За мной стояла Лили и, слабо улыбаясь, глядела прямо на меня. Я попытался ответно улыбнуться, но получился всего лишь кривой излом губ. Кажется,

Блейн заметила это, но не стала ничего говорить.

— Странное место для встречи, — попытался шутить я, но мой голос хрипло сорвался на последнем слове. Пришлось откашляться.

— Да уж, — поежилась Лили, уводя меня от мусорных баков. — Просто я увидела тебя и решила догнать. Ты расстроен?

— Нет, — попытался оправдаться я, но вместо улыбки вновь вышла странная гримаса. Мышцы лица сводило. — Просто немного жаль расставаться со старыми вещами.

— По-моему, я понимаю тебя. Сегодня тоже пришлось отказаться от многого.

Блейн повернула в сторону террасы, увитой почерневшими стеблями мертвого винограда. Я последовал за ней, все больше чувствуя себя в прострации. Шагал за ней, а душа моя осталась в сушилке. В тот момент я ненавидел и любил одновременно. Мною владело смятение и безграничное желание не существовать.

— Я хотела поговорить с тобой, — начала девушка, обратив ко мне привычный взгляд, заставляющий жалеть. — Ты хорошо дружишь с Арленом?

— Да, — машинально ответил я и, едва услышав имя, почувствовал, что меня проткнули чем-то острым. Мысли сразу вернулись к тому письму, как бы я ни пытался сосредоточиться на беседе.

— Ну, в общем, — одноклассница продолжила. — Совсем не знаю, как сказать...

Я молчал, наблюдая, как качаются голые темные ветки.

— Думаю, мне очень нравится Дарси. С того вечера, когда он пригласил меня, я почувствовала в нем тягу к себе. Странно, наверное: Лили и Арлен. Но я уверена, что не ошибаюсь. Он здоровается со мной, порою разговаривает...

Я кивал, как игрушечный болванчик, не слушая, что она там о нем говорит. Мне было все равно. В тот момент я был не в себе.

— А ты как думаешь? — вкрадчиво поинтересовалась девушка.

— Наверно, — пробормотал я и, поднявшись со своего места, медленно, словно призрак, побрел к зданию общежития. Казалось, что если я еще хоть раз услышу это имя, то вспыхну яростным огнем. Меня что-то душило, а к горлу поднималось пламя. Мне не хотелось наругать Лили или сделать больно, но сейчас действительно было не до нее.

— Ты куда, Нил? — разочарованный голос одноклассницы ударился о мою спину.

— Не знаю, — губами прошелестел я и ускорил шаг.

Днем выходного дня, закончив уборку, обычно все занимались своими делами. К кому-то приезжали родители, кто-то выбивал разрешение на выезд за пределы школы, кто-то пытался разделаться с долгами по учебе. А кто-то...

Я плелся по коридору, не зная куда. Больше всего мне не хотелось возвращаться к себе в комнату и говорить с Дарси. К тому же, я понял, что взял не ту коробку, и, скорее всего, Арлен это тоже заметил. Значит, будет не совсем обычный разговор. Предусмотрительно я выключил мобильный, чтобы тот, кого я избегал, не позвонил мне. Люди, люди, смеющиеся девушки, зеленые пиджаки, мои одноклассники, будущие выпускники... Краем глаза я задел Вацлава. Тот растерянно взглянул на меня и махнул рукой. Я не ответил. Значит, Арлен у себя. И эта мысль заставила меня свернуть подальше от коридора с комнатами — кое-как я доплелся до кулера в общем холле, где меня ждал неприятный сюрприз.

— Уэбб, что с твоим лицом? — выкрикнул Этан, и на меня разом обратили взгляды несколько человек. Среди них был Колин, Денни, Лео со своей темноволосой подружкой и

еще пара одноклассников. Все они сразу же оживились, и только Леона немного напряглась, поджав губы.

— Да, Нил, — подхватил травлю за братом и Этан, — тебе Блейн не дала? Поэтому мрачный?

Шутка почему-то показалась всем невероятно веселой, и разом компания залилась смехом. Мне не было обидно, скорее противно и раздражающе. К тому же, мой внутренний голос убеждал, что не стоит ввязываться в спор, будучи в таком настроении. Но иначе быть не могло, Колин умел задеть:

— А по-моему, он давно на Дарси переключился.

— Точно, — закивала подруга Леоны и, поднявшись на носочки к уху брата подруги, театральнo заявила: — Странная дружба какая-то.

Представляю, что бы сделал Арлен, услышав подобное. Но здесь не было его, зато был я. Пришлось ровно выдохнуть, найти в себе силы спокойно пройти и взять пластиковый стаканчик для воды. Следующие несколько секунд, пока я наливал воду, стоявшие возле меня молчали, но стоило поднести стакан к губам, как кто-то (уверен, Колин) ударил по доньшку, и вся вода оказалась на мне. Вновь смех. Я раздраженно смял пустой стакан в руках и с пламенной яростью впился глазами в обидчика. Все довольны, будто в парке развлечений.

— Налей себе еще, — уморительно выкрикнул Денни.

Я начал медленно покрываться краской от смущения. Но внезапно мне на помощь пришла Паттерсон, чего я совсем не ожидал. Она выступила вперед и попыталась усмирить свою компанию:

— Прекратите! Все это совсем не смешно.

Словно по команде, одноклассники перестали смеяться и удивленно уставились на блондинку. Особенно Колин. Но во взгляде его было не столько удивления, сколько разрастающейся злости. От девушки отступила за спины близнецов даже ее подруга.

— Что ты делаешь? — нахмурившись, поинтересовался Колин и по-хозяйски попытался отстранить сестру с пути. Но та перехватила его руку и не отступила ни на шаг. Я молча стоял и наблюдал за происходящим, душою чувствуя, что хорошим подобное не закончится.

— Я сказала, — хмуря брови, девушка продолжила, — отойди.

— Пожалуйста, Лео... — попытался вмешаться я, но та была непреклонна.

— Никто не имеет права унижать человека без причины.

— Отойди, идиотка, — озверел Паттерсон, и присутствующие начали медленно расходиться. Проходившие мимо нас ребята оборачивались и с любопытством задерживали взгляды.

— Мы сами разберемся... — все еще делал попытки разубедить одноклассницу я.

— Знаешь что? — речь девушки повысилась на тон, а голос дрогнул. В нем было что-то очень хрупкое, но в то же время уверенное. — Я никому не позволю оскорблять моего друга.

«Друга? — спросил я себя, покачнувшись от смятения. В глазах поплыло, и я схватился за пластиковый угол кулера. — Это меня она так назвала?»

— Какого к черту друга? — не переставал орать Колин. — У тебя крыша поехала?

— Нил — мой друг, — упрямо повторила Лео, с вызовом глядя брату в глаза, — и я буду заступаться за него.

— Так и знал, что однажды в тебе все-таки проявится личность шлюхиной дочери. Какая же ты мерзкая и не достойная носить нашу фамилию...

Удавка, сплетенная из презрения, затянулась на шее моей спасительницы. Казалось, что девушка уже готова отступить. Но внезапно она продолжила разговор, не смущаясь грубить брату, которого все время боялась, скрывая это ото всех.

— Я ношу фамилию своего отца, — перебила Колина она, но тот ухватил сестру за запястье и, бесцеремонно подтащив к себе, с размаху наградил пощечиной. Воздух пронзил звон, и посреди холла мы остались практически втроем.

— Паршивая сука!

— Это ты больной кретин. Поехавший садист! — настало время девушки кричать. Ладонью она накрыла покрасневшую щеку, и в моих глазах вспыхнул огонь. На меня будто бросили сеть безумства — я был в состоянии аффекта, совершенно не отдавая себе отчет. Все навалилось разом: предательство родителей, ложь любимого человека и эта сцена абсолютно несправедливой расправы. Лео была права — ее брат был безумен. Но в тот момент я был намного безуменее. Я ничего не мог сделать против хорошо слаженного и высокого парня. И Лео не могла. Но она пыталась, чем и воодушевила.

Вобрав воздуха, я оттолкнул девушку и лицом к лицу предстал перед ее обидчиком. Я не мог позволить кому-то задеть ее. А одноклассница смотрела на меня, смотрела с ужасом, удивлением, но с безграничным счастьем. «Ты сошел с ума, Уэбб», — кричали ее серо-синие глаза. Но я сам об этом знал. Поэтому, не дожидаясь слов удивления от Колина, ударил его так сильно, как только мог. Видимо, Паттерсон ожидал этого, и я тут же почувствовал, что мне трудно дышать, затем боль и струйку крови, которая мчалась из носа к моим губам. Вновь удар, уже мой. Затем его, и ужасная резь в глазах. А через несколько секунд, словно одержимые, под крики учеников и визг девчонок мы рухнули на пол, без жалости причиняя друг другу увечья. Я почти ничего не чувствовал, в глазах все сливалось, меня тошнило. Но вся эта боль, все страдание, все унижение внезапно превратились в силу, скопившуюся в кулаках.

«Это тебе за Леону. Это тебе за Лили. Это тебе за меня», — приговаривал я, нанося удары и получая их взамен. В какой-то момент виском я ударился о стену, но даже не почувствовал, как из рассеченной головы сочится алый ручей. Колин тоже был перепачкан кровью, и непонятно, моей или своей. Мы, словно голодные животные, убивали друг друга с предельной жестокостью. Последнее, что я помнил — мои пальцы во влажных от крови волосах Колина и его крик прямо возле уха. Затем вновь боль, и уже знакомая первобытная тьма.

— Арлен, я убил человека!

Молчание. Дарси стоял ко мне спиной.

— Арлен!

Вновь игнорировал. И мне даже не показалось странным, что мы находимся в комнате без окон и дверей.

— Арлен Дарси, черт бы тебя! Я убил Паттерсона!

В очередной раз не получив ответа, всего несколькими шагами я сократил расстояние между нами и дернул парня за плечо, развернув к себе. И онемел — в его объятиях, прикрыв глаза, все это время прятался тот самый юноша с фотографии. Дарси с нежностью гладил его по волосам, а на меня смотрел так, будто смеялся над моей глупостью. Все это время он использовал меня, чтобы хоть как-то заглушить чувства к человеку, которому писал письма. Насколько нужно полюбить, чтобы ради него делать то, что ненавидишь?.. С ужасом я

отступил, но внезапно стены начали таять, как мороженое. Пол под нами проваливался и затягивал. Болото. Парочка растворилась, и от ужаса я закричал.

— Нил, господи, ты пришел в себя!

Я почувствовал, что свет режет глаза, и зажмурился. Тут же тело пронзила боль, и я не смог удержаться уже от реального крика.

— Тише, тише... — на мой разбитый лоб легла прохладная ладонь. Меня знобило. — Мисс Анна, он открыл глаза.

Я не понимал, чей это голос.

— Вечно неприятности от этих мальчишек.

Знакомо.

Я попытался приподняться, голова кружилась. Через несколько секунд меня стошнило сгустками крови, а стянутую бинтами грудь будто кто-то разорвал, пытаюсь достать мое сердце. Я различал лишь цвет волос человека рядом с собой. Мне хотелось, чтобы те были темными. Но их светлый блеск обнадежил меня. Рядом сидела Леона.

— Пустите меня к нему!

— Арлен, успокойся.

— Я должен войти! Я обязан.

Я повернул голову в сторону и взглядом встретился с медицинской сестрой. Та с раздражением распаковывала очередную партию эластичных бинтов, чтобы перевязать меня. Я покачал головой, давая понять, чтобы Дарси наконец-то заставили уйти. Здесь я провел уже три дня, и каждый день по несколько раз он делал попытки увидеться и поговорить. Но единственное, чего мне хотелось, чтобы ребра поскорее срослись.

В той драке две мои кости сломались. Не сказать, чтобы я сильно страдал, но порою выдыхать, кашлять и уж тем более чихать было настоящей мукой. Еще по вечерам болела голова, но мне было намного лучше, чем Колину, которого отправили в городскую больницу Хартпула. По словам Леоны, я выбил ее брату зуб и сломал ключицу. Звучало все это жутко, но где-то на дне колодца моей души я в тайне гордился собой. «И как он там?» — недавно поинтересовался я у подруги. «Отец сказал, жалеет, что Колину шею еще не свернули. Достиг точки кипения, так сказать...» Отчего-то было смешно и мне, и ей.

Палата была мне знакома, как и в тот раз, я лежал здесь один. С одной стороны, было комфортно осознавать, что никто не смотрит на меня день и ночь, с другой — в одиночестве я начинал слишком много думать о вечных вопросах. После рентгена врач сказал, что мне не стоит беспокоиться — перелом без осколков — неделя-другая, и я буду в порядке, даже предупредили, что дней через десять отправят обратно в комнату. Я понимал, стоит мне покинуть стены школьного госпиталя, как предстоит серьезный разговор с директором «Хартвуда». Об этом любезно оповестила меня мисс Элизабет. А пока я смотрел в потолок и слушал, как Леона читает мне вслух «Жизнь» Мопассана. Честно, понятия не имел, зачем она это делала: я вполне мог сам держать книгу. Может, чувствовала себя виноватой, а может, всего лишь боялась, что нам вдруг не о чем будет поговорить.

На четвертый день моего пребывания в больнице приехала Нора. Вообще, за все это время, что я здесь пробыл, успел почувствовать себя стариком на смертном одре: вчера забегала Лили, чтобы рассказать мне о той атмосфере, что сейчас творится в классе, о домашнем задании и о своих переживаниях. После зашел ковыляющий Гаррет, который приехал на второй день после моего попадания сюда. «Как бы я хотел обнять тебя, друг», — суетливо и радостно повторял он, — «Но боюсь совсем тебя сломать». И, клянусь, за дверью я заметил ждущую Манна Кейлин. Но я промолчал, чтобы не показаться назойливым. За Гарретом пришла мисс Элизабет. После того, как она осведомилась о моем самочувствии, убедилась, что я и впрямь страдаю от того, что просто дышу, она села на стул возле кровати. Ее пребывание здесь дольше, чем три минуты, меня настораживало. Женщина сняла очки, протерла запотевшие стекла и серьезно взглянула на меня. Так она выглядела моложе, но еще суровее.

— Почему не пускаешь Дарси навестить тебя? В последние три дня от него проблем больше, чем обычно. Думаю, из-за этого.

— Я не хочу. Не вижу смысла. Мы даже не друзья, — солгал я.

— Я видела вас вдвоем на Новый год в Хартпуле, — произнесла она. Я вздрогнул и попытался отговориться:

— Просто его родители хотели меня видеть. Они знакомы с моими...

— Ты ужасно врешь, Уэбб, — учительница встала со стула и, многозначно взглянув на меня напоследок, произнесла. — Там твоя мать приехала. Ждет.

Я кивнул и зачем-то сказал «спасибо».

Нора была великолепа: стрижка, которая необычайно шла ей, новое пальто, строгое, но стильное платье, каблуки. Не помню, когда последний раз видел ее такой. Да и видел ли вообще. Не мог точно утверждать, но проскользнула мысль, что развод пошел ей на пользу. Она даже пахла как-то по-особенному — ее естественный аромат разбавила нотка незнакомых мне приятных духов. Улыбка согрела меня, а приветственный поцелуй в лоб напомнил детство. Рядом со мной рухнул пакет с апельсинами и лимонами, но я даже не расстроился. И тут же вспомнил, что не обсуждал с матерью новую семью отца. Для меня было важно понять, нужно ли это вообще.

— У тебя появился мужчина? — поинтересовался я.

Нора удивленно окинула меня взглядом, а потом мягко рассмеялась:

— Мы не виделись уже полгода, а ты с такого начинаешь!

«Интересно, — подумалось мне. — Если бы я не попал сюда, сколько бы еще мы не виделись? До самой Пасхи?..»

— Нет, мам, — замахал руками я. — Не подумай ничего лишнего. Просто ты отлично выглядишь. Точнее, как-то особенно.

— Чем старше ты становишься, тем более пугающей кажется твоя наблюдательность. Но пока не обо мне. Как тебя угораздило сюда попасть вообще?

— Одноклассник оскорбил дорогого мне человека. Я не мог стоять и смотреть на все это. К тому же, настроение было не очень.

— Слышала, ты этому парню ключицу сломал.

— И зуб выбил, — продолжил я. — Знаю, жутко все это, и мне стыдно...

— Мальчишки без драк — не мальчишки.

Какими же нелепыми казались мне подобные слова — Нора просто пыталась оправдать меня перед самой собой. Я чувствовал это. Иногда мне казалось, что я начинаю заболеть цинизмом. Период пубертатных волнений миновал, зато в последние полгода я начал испытывать экзистенциальный кризис. И, будто перемазанный в грязи, медленно погружался в топь. Вспомнить прошлого меня — я много думал, но никогда не задумывался всерьез. Теперь же я умел рефлексировать и слишком часто злоупотреблял этой возможностью. Часто мне становилось страшно, что я думаю, словно человеконенавистник, но более страшно было от мысли, что я думаю правильно. Дарси испортил меня. Я стал гнить. Или не Дарси, а вся эта жизнь в целом?..

— Эта Леона Паттерсон — твоя девушка?

— Тебе все рассказали?

— Вообще-то, да. Позвонили еще в первый день, отчитали и зачем-то сами извинились. Можешь радоваться, из школы тебя не выгоняют...

«Жаль», — подумалось мне.

...но под особенный контроль берут. Неловко было узнать, что ты уже попадал в похожую ситуацию в начале года.

— Извини, не хотелось тебя тогда расстраивать. Да и было все это случайностью. Так у тебя появился мужчина? — маневр по смене темы получился.

— Надеюсь, тебя это не расстроит, — Нора замялась. — Но, да.

— Нет, — покачал головой я. И почему-то действительно не расстроился.

— Мы с папой были семьей. Но при этом все равно оставались разными людьми. Люди не вечны, их чувства тоже. Ты можешь не согласиться со мной, но я считаю, что жизнь всегда не поздно начать заново. Если ты любил кого-то в прошлом, то это не мешает тебе вновь полюбить в будущем. Даже если кажется, что нет никаких шансов. Ты очень умный, и, скорее всего, считаешь, что я не права, но это мое мнение.

— Я ничего не понимаю в любви, — расстроено пожал плечами я и получил неожиданный ответ:

— Если честно, я, наверное, тоже.

Мы рассмеялись в унисон. Первый раз за несколько лет я почувствовал, как близок к своей матери. Пусть иногда она была не такой умной, как хотелось бы, пусть часто ошибалась, проявляла невнимательность, но я был обязан ей жизнью и, как минимум, половиной своих генов. Мы поговорили еще около получаса обо всем, что так интересовало меня: о тете Розе, о нашем доме, об отце, о кошке Бесс, которую завела Нора. И если я прикрывал глаза, то чувствовал запах своего дома; и не было «Хартвуда», не было Арлена, не было моей любовной лихорадки, драки и сломанных ребер. Перед глазами вставал наш уютный дом, комнатка в серых тонах под самой крышей, и вот я будто дотрагиваюсь до лакированной поверхности перил, спускаюсь к завтраку, чтобы через полчаса успеть на автобус до средней школы Рочестера. Но ностальгия закончилась, когда мама взглянула на часы и охнула: «Нил, мне уже пора». Это немного расстроило меня, но виду я не подал — поцеловал руку матери и с улыбкой произнес: «До встречи». Никогда не видел у нее такого лица. Она уже почти перешагнула через порог, когда я окликнул ее:

— Как зовут мужчину, в которого ты влюбилась?

— Гидеон, — удивленно отозвалась она.

— Красивое имя.

И Нора улыбнулась.

Нет, я и впрямь стал циничным. Моя скука прогрессировала сильнее, и я все больше ощущал себя увязнувшим в грязи. Я попросил Лили принести мне Шопенгауэра, Ницше и даже начал читать все эти заумные трактаты. Раз и навсегда решил не верить в любовь, отрицать чувства и всячески подавлять стремление быть гуманистом. Правда, хватило меня ненадолго. Практически перед выпиской ко мне зашла Леона, забрала недочитанных великих мыслителей и обозвала идиотом. Будто подзатыльник дала словесный, и я прозрел. Даже притвориться кем-то у меня не вышло, вот насколько я жалкий.

Дарси перестал приходить, но с присущим ему упрямством звонил каждый день по несколько раз. Я угнетенно слушал вибрацию телефона, сжимая трубку в руке. Иногда казалось, что я вот-вот отвечу, но перед глазами вставало то самое фото, и пальцы сами сбрасывали звонок. Всю свою жизнь я пытался быть честным с самим собой, вот и сейчас не мог отрицать, что мои чувства к Арлену угасли. И если с парой сломанных ребер было все давно понятно, то за сколько заживет мое растерзанное сердце, я не знал.

— Открой жалюзи, завянешь тут совсем.

По-хозяйски Паттерсон впустила в палату солнце, и я зажмурился, захлопнув ноутбук. В последнее время она немного ожила и проявляла себя как поистине заботливая девушка. Мне казалось, она делает все, чтобы я радовался и поскорее поправлялся. Особенно Лео нравилась мисс Анне, медицинской сестре, которой не хватало рабочих рук. Моя подруга с

удовольствием управлялась в госпитале, получая разрешение побыть со мной дольше, чем обычно полагается. Конечно, меня никто не спрашивал.

— Еще Бронкс тебе задание передал. И хватит притворяться калекой. Все в курсе, что сломанные ребра заживают всего три недели. А ты здесь уже почти одну проторчал.

— Я не притворяюсь, — промычал я. — И мисс Анна сказала, что скоро меня отправят в комнату. Ты, кстати, видела Арлена?

— Можно подумать, я смотрю на него, — фыркнула Лео и села на край моей кровати. В руках девушка держала свою тетрадь с заданием. — Там эссе по «Монахине» Дидро, а еще...

— Честно?

— Честно, что по «Монахине»? Нет, ну хочешь, напиши по «Племяннику Рамо»...

— Я не об этом, — возразил я, и понял, что Паттерсон лишь притворилась, будто не поняла. — Честно, что не видела Арлена.

— Нет, нечестно, — вздохнула собеседница, направив взгляд в сторону окна. Так и знал. — Он хотел что-то спросить про тебя, но мне он настолько неприятен, что я решила проигнорировать. Между вами что-то случилось?

— Ну, — я замялся и решил соврать, хоть и делал это обычно крайне скверно. — Я случайно выбросил его вещи, и мы поругались из-за этого. Мы разберемся, просто не хочу пока напрягать себя всем этим.

— Ладно, ваши дела, — пожала плечами девушка. Уверен, она мне не поверила. В какой-то момент мне стало страшно, что нас с Арленом начнут в чем-то подозревать. Я ведь знал, что сексуальные отношения, а тем более такие девиантные, подразумевают собой скандал и исключение из школы. Не хотелось портить жизнь себе, и уж тем более Дарси. — И все-таки, думаю, тебя что-то беспокоит. Последствия?

— Нет, — покачал головой я и мысленно попросил у неба, чтобы то заставило Лео уйти. Не тут-то было. Девушка достала книгу и устроилась возле меня, приготовившись к ежедневному ритуалу чтения.

Я сглотнул и поднялся с кровати, рукою рефлекторно придерживая грудную клетку. Со стороны, уверен, смотрелось это комично — будто я боялся, что ребра рассыплются. И даже на губах гостьи заметил полуулыбку.

— Ты куда? — поинтересовалась она.

— У меня телефон звонит. Блейн...

И, действительно, был входящий от Лили. Я ответил ей и после непродолжительного разговора нажал на отбой. Все это время Лео напряженно наблюдала за мной, а затем сухо поинтересовалась:

— Зачем ты общаешься с ней?

— Ну, — замялся я, — она была единственным человеком, который поддерживал меня, когда твой брат с одноклассниками смеялись надо мной.

— Скорее, ты ее поддержал.

— И что с того? — начал злиться я. — На ее месте могла быть и ты.

Раздраженно девушка захлопнула книгу и бросила ее на кровать.

— Я бы хотела, но у меня были причины этого не делать.

— Из-за того, что твой братец не одобрил бы этого?

— Хватит, — Лео была готова повысить голос, но тут же собралась с силами и смогла взять себя в руки. Стремительно она направилась к выходу, но прежде чем уйти, на прощание окинула меня взглядом, полным сожаления, и уверенно произнесла: — Она лжет

тебе.

Я промолчал, и лишь после того, как дверь захлопнулась, схватился за голову и спросил себя, сдавив виски:

— Что я делаю?..

Коротать вечера в одиночестве было, признаться, скучно. Не сказать, что мне было нечем заняться, — у меня была целая стопка книг и ноутбук, — но привыкнуть к мысли, что здесь я долгое время один, было нелегко. Я настолько привык к тому, что кто-то изредка обменивается со мной парой слов, дотрагивается до меня, помогает в чем-то, что разучился долго пребывать в одиночестве. В тот вечер я закончил очередную книгу, начинать новую не было никакого настроения, к тому же, из-за чтения в полутьме зрение нехило падало. Поэтому, пролистав список посредственных хорроров, я выбрал один более-менее интересный и начал просмотр.

Фильм был не особенно страшным, скорее скучным и предсказуемым. Но спать не хотелось, и привычка довершать начатое до конца взяла верх: я без интереса глядел на слоняющихся от ужаса героев, а сам думал о чем-то ином. Мысли наслаивались одна на другую, и я уже практически задремал, как нечто заставило меня вздрогнуть и со страхом покоситься на дверь. Я захлопнул крышку ноутбука, беспокоясь о том, что дежурная работница госпиталя будет ругать меня за то, что не сплю: время перевалило за полночь, и для большинства обитателей «Хартвуда» давно наступил отбой. Как оказалось, это была вовсе не медсестра, но я, определенно, слышал шум за дверью. Не сказать, что человеком я был суеверным или пугливым, но после просмотра подобного фильма стало не по себе.

Я отложил ноутбук и приподнялся на кровати. Плохое зрение и полутьма, которую разрезал свет глядящего в окно фонаря, не давали возможности разглядеть, есть ли кто-то у двери или нет. Поэтому я поднялся и, как типичный герой хоррора, побрел в самый эпицентр неизведанного. По школе часто ходили легенды. Самой популярной была о мальчишке, которого несколько десятилетий назад случайно заперли в подвале. Будто бы он умер там, а теперь ровно в полночь каждого первого понедельника месяца можно услышать, как он стучится из подвала, умоляя выпустить. Но мне всегда больше нравилась история о безумной Элли — девочке, которую считали дочерью ведьмы. Рассказывали, что она действительно умела колдовать: двигала вещи одним взглядом, гипнотизировала, лечила прикосновением рук. Элли влюбилась в одноклассника, но тот отверг ее, посмеялся и выбрал другую девушку. И тогда утром в здании госпиталя нашли двоих повешенных — того самого парня и его избранницу. А Элли с тех пор никогда никто не видел, но поговаривали, что она все еще здесь, прячется в стенах школы.

Я открыл дверь и кожей лица ощутил прохладу, пронизывающую коридор. На пороге никого не было, и это натолкнуло меня на мысль, что мое безграничное воображение вкуче с мнительностью сделали свое дело. «Всего лишь ветер», — полушепотом убедил себя я, но не успел и последнего слова договорить, как мой рот зажали чьи-то руки. Я попытался отстраниться, оттолкнуть человека, который затеял что-то недоброе, спрятавшись от меня, но этот кто-то насильно втащил меня обратно в палату и захлопнул дверь. Я промычал от возмущения, но в нос тут же закрался аромат, выдавший моего похитителя, и едва я сумел вырваться, прижался к стене и ошетинился.

— Тише, — Арлен приложил палец к губам, прося не шуметь. Я скривился в ужасе и молился о том, чтобы провалиться в стену за моей спиной. В темноте я боялся его еще

больше. Сколько мы не виделись?.. Практически неделю. Мои щеки вспыхнули, и я потерял дар речи. И почему со мною так часто стали случаться неприятности? «Забыть, объясниться и все забыть», — в душе кричал я на самого себя, а сам не мог выдавить и шепота.

— Почему ты не хочешь видеть меня? Ты открывал ту коробку?

Я опустил голову и сдержанно кивнул. Больше сказать было абсолютно нечего.

— Я объясню, — задумчиво и печально произнес Дарси, потянувшись к моей щеке. Но я рефлекторно ударил его по ладони, заставив отступить. — Только выслушай.

— Зачем ты пришел сюда? — поинтересовался я, и мое волнение надавило на ребра. Я схватился за грудную клетку, сквозь ткань пижамной рубашки ощущая, как начинаю гореть огнем.

— Давай, сядь, — Арлен мягко коснулся моего плеча и направил к кровати. И отчего-то я послушался. Осторожно я присел на край и накинул на голову одеяло, будто стремясь спрятаться. Но аромат тела моего соседа по комнате объял меня, заставив дрожать. Это было одно из самых противоречивых чувств, когда-либо владевших мной.

— Ты видел все?

— Все эти письма, — едва слышно отозвался я, — о которых ты говорил, что не любишь писать. Твои признания. Искренние. И фото. Ваше с этим парнем тоже...

— Я правда любил Мишеля, — слова Арлена прошли словно лезвие по сердцу. Мои кулаки сжались, и я попытался сильнее укутаться в одеяло. Дарси тоже был неспокоен. Рефлекторно он потянулся в карман за пачкой сигарет, но, видимо, вспомнил, что в помещении нельзя курить. — Это было два года назад. Мне было столько же лет, сколько тебе сейчас — практически семнадцать. Шелли учился классом младше. Я долго наблюдал за ним, и не мог понять, почему моим вниманием завладел парень. Да и вообще, мне было не по себе от того, что я думал о нем почти постоянно...

«Замолчи, — мысленно просил собеседника я. — Невыносимо слушать». Нервы натянулись, как струны, но я все еще сидел и молча внимал рассказу.

— Тогда я понял, что полюбил. Нам удалось стать друзьями. Практически лучшими. Но, чтобы понять, что его не интересуют парни, не нужно было много ума. Я миллионы раз прокручивал в голове, как смогу сказать ему о том, что чувствую, но не был готов принять его отношение к себе. Поэтому я ограничивался дружбой. Помогал ему обрабатывать раны после падений на тренировках, помогал с учебой и с душевными переживаниями. И когда я понял, что или скажу ему, или умру от любви, стало поздно. «Ты отвратителен мне!» — в слезах заявил он. — «Как таким людям вообще разрешают существовать?» Тогда мое отчаяние вылилось наружу. Я сходил с ума еще полгода: заводил знакомства в городе на выходных, начал серьезно курить, писал письма в никуда, чтобы снять боль, и все смотрел на него и смотрел. Иногда мы общались, и порой казалось, что он может передумать. Тогда я поцеловал его. Против его воли. Глупо было надеяться на взаимность...

— И что потом? — сухо поинтересовался я, содрогаясь от озноба.

— Потом он будто стал другим. И наши отношения тоже. Шелли постоянно грозился, что расскажет все администрации, чего я боялся больше всего.

— Ты умеешь бояться? — вздохнув, поинтересовался я. Собеседник кивнул и продолжил:

— Я единственный знал, что перед соревнованиями по бегу Шелли пил станозолол. На школьных соревнованиях не проводят проверки на допинг. Тогда наши отношения превратились в грязный ком взаимных страхов. Но вскоре Шелли перевелся в другую школу.

Некоторые говорят, что в этом виноват я, но это ложь.

Никогда не видел такого грустного Арлена: мне даже казалось, что его глаза поблескивают от слез, но я не был в этом уверен. Он запрокинул голову и, жадно вдохнув, продолжил:

— И едва я смог забыть все это, появился ты. И я вновь ощутил себя тем самым влюбленным и безумным шестнадцатилетним Арленом. Я делал все, чтобы не подпустить тебя к себе и самому отойти подальше. Но не растерял надежду на ответные чувства. Каждый шаг как по минному полю. Боялся спугнуть. И твоя взаимность была для меня высшей наградой. Всю эту неделю я провел в страхе сойти с ума от того, что ты больше не посмотришь на меня. И еще больше меня выворачивало от того, почему это случилось. Я должен был избавиться от всего, что было в коробке, уже давно. Но цеплялся за то чувство, которое не давало мне совсем утонуть в том, кем я стал.

— Я не сразу поддался на твои уловки, — обиженно вздохнул я. — И ты все равно не сдался.

— Потому что меня не покидало чувство взаимной симпатии. Ты так смотрел на меня, думая, что я не вижу, краснел, отводил взгляд. Черт подери, Уэбб, ты такой забавный. Был и есть. Так переживать, накрутив себя. Не разобрался ни в чем. Искренность, которой обладает один на тысячу. Наверное, поэтому я и люблю тебя.

Я вздрогнул, затем замер и будто почувствовал, что мое сердце не билось несколько секунд. А затем заплакал, накрыв лицо ладонями. И плакал не потому, что жалел Дарси или сочувствовал этой странной истории. Я плакал от ненависти к себе, к тому, что я испугался выслушать его, побоялся, что он причинит мне боль. Арлен всегда верил в меня и знал, что я всегда все пойму. Я ненавижу собственную слабость в тот миг, поэтому хотел умереть прямо здесь и прямо сейчас. Я представлял, как страдал мой возлюбленный в то время, когда не знал меня, и сравнивал это со своими чувствами за это время. И какими же мелкими казались собственные мнительные переживания. Но теплая ладонь, накрывшая мою макушку, и дыхание в ухо заставили сиюминутно замолкнуть.

— Люблю, — сказал Дарси и лбом припал к моему виску. Его ладонь потянулась к моей щеке, будто стирая с нее невидимую грязь. — Поэтому оставайся всегда таким же невинным и открытым. Я люблю твои слабости, но еще больше люблю твою силу. Если ты смог воскресить меня, то ты бесценен.

Я расслабился, и одеяло сползло по моим плечам. Ладонями я обхватил лицо Арлена и припал к нему губами. Где-то на его щеке затерялась моя слеза. «Сказал, что любит, — восторженно восклицал я, холодным носом прижимаясь к щеке старшеклассника, — он сказал мне об этом!». И поцелуй, который я подарил, был моим извинением за все это нелепое недоразумение. «Я тоже люблю тебя», — полушепотом произнес я, на секунду отстранившись, а затем вновь ощутил вкус губ. Когда возлюбленный позволил мне отдышаться, я припал головой к его плечу, а он положил свою горячую руку на мое колено.

— Как тебя угораздило вляпаться в историю с дракой? — поинтересовался он, расслабленно прикрыв глаза. И будто бы не было этих дней, равноценных девяти кругам ада. Я, он, изумительный вид школьного сада за окном, фонарики, деревья, припорошенные снегом...

— Не знаю, — пожал плечами я, пытаюсь накинуть одеяло еще и на плечи собеседника. — В тот момент со мной явно было что-то не то. У меня, кстати, два ребра сломано.

— Я в курсе, — Дарси вновь говорил как обычно, холодно и цинично. Затем он усмехнулся и продолжил. — Как же ты достал меня, мой маленький монстр.

Я ощутил, как нежно за плечо меня обняла рука, и, почувствовав, что голова кружится от счастья и облегчения, ответил:

— Сам не лучше.

Если попытаться выразить мое отношение ко Дню всех влюбленных, то я сделаю это одним словом — тошнота. От всяких слов любви, ало-розовой атрибутики, поздравлений и приторных яблок я чувствовал себя плохо. И не любил я все это не оттого, что мне были противны всякого рода нежности, а потому что именно четырнадцатого февраля я чувствовал себя крайне неловко. Зато вся женская половина «Хартвуда» была просто одержима праздником: всю неделю девушки с хихиканьем мастерили поздравительные открытки, закупали их в магазинах, собирались с силами для признаний и отказов. Девушки шептались в коридорах, пристально глядели в спину, хихикали, и зачастую мне казалось, что большинство обсуждают именно меня. К слову, теперь в школе я приобрел небольшую славу: я оказался другом неотразимого Арлена Дарси, человеком, не побоявшимся Колина Паттерсона, защитником слабых и угнетенных. И если раньше редко кто цеплялся за меня взглядом, то теперь я часто ощущал, как с любопытством меня разглядывают, а то и вовсе обсуждают. В закрытых школах вроде «Хартвуда» каждая сплетня на вес золота.

Но вернемся ко Дню всех влюбленных. Именно в этот понедельник после занятий и обеда я поспешно скрылся из поля зрения всех возможных девушек. Конечно, я был польщен получить практически несколько открыток сразу, даже успел покраснеть и поблагодарить, как тут же дарительницы вернули меня с небес на землю: «Ты ведь сосед Арлена? Сможешь ему передать?» В этот раз мусорный ящик я обошел стороной, и, успев только зайти в комнату, с порога услышал вздыхающее: «Сразу выбрасывай все, что притащил». Признаться, ревность меня немного колола, но все равно избавиться от подарков я так просто не смог. Особенно нравилась мне самодельная открытка, отделанная белоснежным кружевом и гофрированным картоном: было видно, что ее создательница кропотливо работала, чтобы придать вещи изысканность. Еще приглянулось мне небольшое алое яблоко, к черенку которого была привязана маленькая записка.

— «Арлену Дарси от М. Д.», — прочел я и надкусил фрукт. А затем с набитым ртом поинтересовался. — Знаешь, кто это?

— Майкл Джексон? — без энтузиазма прикинул мой друг. Я прыснул со смеху так, что едва не подавился, и тут же поспешил выдать свою версию:

— Или Мэри Додж.

По лицу юноши я отметил, что шутки он не понял. Поэтому, вновь откусив от яблока, я сложил все трофеи, предназначавшиеся для старшеклассника, на стол и с облегчением скинул с себя до жути надоевший зеленый пиджак. Арлен, все это время читавший какой-то учебник, сидя на кровати, не повел и бровью. Внезапно внимание мое привлекла появившаяся из ниоткуда видеокамера — она лежала на столе, немного пыльная и явно давно не использовавшаяся. Руки машинально потянулись к вещи, и я сдул с нее пыль.

— Это твое? — спросил я у Арлена.

— Мое, — ответил он, выглянув из-за книги. Сегодня глаза юноши блестели по-особенному, словно яркий-яркий янтарь. А зрачки — будто увязшие в этом янтаре муравьи. — Положи, где взял.

— Зачем она тебе? — не отставал я, крутя камеру в руке. Наконец-то я нашел кнопку, и аппаратура пропищала, сообщив, что включилась.

— Не твое дело, — как отрезал собеседник. Я решил не спорить, но все-таки

укоризненно и немного грустно взглянул на парня напротив. Тот поймал мой взгляд, вздохнул и смягчился. — Пару лет назад я хотел стать видеооператором. Пытался научиться снимать.

— Никогда бы не подумал, — удивленно ответил я. А затем, нажав на «REC», навел объектив на соседа. — Итак, сегодня ведем репортаж из комнаты двести пятьдесят три. И герой нашего сегодняшнего сюжета — великолепный Арлен Дарси, который влюбил в себя практически всех учениц «Хартвуда». Поделится ли он...

— Убери камеру.

—..секретом своего обаяния. Или же...

— Предупреждать по несколько раз не по моим правилам.

—.. просто расскажет о своих достижениях.

— Это последний раз, когда я тебя предупреждаю. Если ты не положишь чертову камеру на место, то мы снимем порно, — голос героя моего репортажа прозвучал более чем серьезно. Я с сожалением выключил камеру и вернул ее на стол.

— Да брось, — сорвалось с моих губ с долей обиды.

— Мне нравится, когда ты дурачишься, но сейчас не время. У меня завтра проверочная.

— Могу поспорить, ты и так все знаешь.

— Я хочу знать больше, чем «все».

Я ничего не ответил, только без сил рухнул на кровать, раскинувшись, как морская звезда. Сегодня учеба вкупе с ажиотажем вокруг дня всех влюбленных изрядно помотали мне нервы. В тот момент я повернул голову в сторону Арлена и взглянул на его лицо: темные брови нахмурены, сосредоточен, губы шевелятся, пальцы карандашом что-то выводят в тетради. Такой гордый, при этом порочный, сводящий с ума. Чертов Дионис. Я отвернулся к стене, тяжело задышав, а затем вновь украдкой обернулся, будто бы даже против своей воли, чтобы еще раз взглянуть на возлюбленного. Он не он, если бы не заметил этого: губы парня тут же исказились в усмешке, глаза поймали в плен мои на несколько секунд. А затем он продолжил чтение, будто бы ничего не произошло. И я думал — что будет с нами дальше? Сколько проживет наша безумная любовь и что мы сможем дать миру? Консервативная Англия всего век назад безжалостно расправлялась со всеми, кто оступался и выдавал в себе «содомита». Конечно, сейчас другие устои, порядки, но ненависть массы к таким чувствам этого не умаляет.

Так я пролежал почти двадцать минут, слушая, как Дарси перелистывает страницы. Я пытался представить его руки — холеные ладони, длинные пальцы, широкие квадратные ногти, складки кожи на фалангах. То, как они касаются бумаги, и янтарь глаз, внимающий строкам...

— Я пойду похожу, — сорвался я, совсем потеряв покой.

— Ну иди, — не отрываясь от учебника, произнес Арлен. А затем с издевкой добавил: — Смотри, чтобы тебя открытками не завалили.

— Разве что твоими, — скривился я.

Со дня, когда мы полностью раскрыли друг другу наши души, прояснили ситуацию с прошлым, прошел почти целый месяц. Мои ребра практически зажили — Дарси мог с легкостью обнимать меня, хотя иногда казалось, что делает он это с предельной осторожностью. Это напоминало мне то, как в детстве я обращался с хрустальной балериной, которую кто-то подарил моей матери на Рождество. Я любил играть со стеклянной девушкой, «танцую» ею по крышке стола, пока однажды ее изящная тонкая ручка

не переломилась где-то на сгибе. Кстати, о сломанных конечностях. Самой лучшей для меня — да и не только — новостью за последнее время стало отчисление Колина из «Хартвуда». И хоть я признался директору, что напал на одноклассника первым, отчего-то глава школы принял довольно неожиданное решение. Как сказала Леона, скорее всего, ее брат допек мистера Далтона, и тот был несказанно рад случаю избавиться от Колина. «Интересно, понравится ли ему в обычной школе после стольких лет здесь?..» — рассуждала сестра моего бывшего обидчика, затягиваясь очередной сигаретой на заднем дворе. Я не жаловал этой ее новой привычки, но не считал, что имею права упрекать. «Я ходил в такую до старших классов. И мне нравилось», — ответил тогда я. И почему-то в глубине души даже позавидовал Паттерсону. Травля закончилась, как для меня, так и для Лили. И если внезапно близнецы делали попытки возобновить мучительную игру, Лео умела пресечь их энтузиазм на корню. Наверное, со стороны казалось, что я прячусь за ее спину, но на деле я просто не знал, как попросить ее не заступаться за меня.

Я спускался по лестнице, стараясь не привлекать лишнего внимания со стороны девушек. Мне казалось, что вот-вот кто-то из них подлетит ко мне с просьбой вручить открытку его величеству Дарси. Но пока попытка оставаться незаметным не провалилась. До тех пор, пока в холле возле аквариума я не заметил водопад карамельных волос, принадлежащий Лили Блейн. Как всегда нелепая и немного напуганная, она озиралась по сторонам, будто выискивая кого-то в ручье бродящих по школе учеников. Мне не очень хотелось говорить с кем-то, но вновь жалость взяла верх: стараясь не показывать своей неохоты, я подошел к ней и поприветствовал улыбкой. Завидев меня, Лили ответно улыбнулась и подняла взгляд к моему лицу. Она казалась озабоченной чем-то.

— Что тут делаешь? — добродушно поинтересовался я.

— Да... так, — неуверенно пробормотала подруга. — Хорошо, что ты здесь. У меня к тебе разговор...

— Без проблем, — отозвался я. — Только возьму попить.

Вместе мы спустились к торговым автоматам на цокольном этаже, и я отправил фунт в купюроприемник, чтобы получить свою колу. Тем временем Блейн скромно заняла край диванчика возле стены, и я вскоре опустился рядом с ней. Не первый день, а уже долгое время я замечал, что с девушкой что-то не так: Лили была довольно беспокойной, вечно прижимала тонкие ладони к груди, задумывалась, замирала. На занятиях же она витала в облаках и бесконечно черкала в тетради, чем зачастую злила мисс Элизабет и остальных учителей. Вот и сейчас она как-то оробела и выдавала свое волнение тем, что отрывисто дышала и потупляла взор.

— Нил... — после паузы девушка заговорила.

— Да? — отреагировал я, щелкнув ключом железной банки. Газировка зашипела, и я ненароком замочил в ней пальцы.

— Мне кажется, я должна признаться ему.

— Кому? — глотнув, нахмурился я. До меня не сразу дошло, что она имела в виду.

— Ну, — протянула собеседница. — Арлену. Я же говорила, что он нравится мне. И, по моему, это взаимно.

«О, господи», — мысленно ужаснулся я. И тут же в памяти всплыл разговор в тот день, когда меня угораздило попасть в школьный госпиталь. Тогда мне было совсем не до признаний Лили, и я напрочь забыл все ее слова. Но сейчас они всплыли в памяти, и мне подумалось, что ничего хорошего это не сулит.

— Не знаю, как сказать, — продолжила она, — но не могу думать ни о чем, кроме своих к нему чувств. Со мной такое впервые...

Я промолчал и заметно напрягся: брови потянулись к переносице, а губы поджались сами собой.

— Я расскажу ему обо всем. По-моему, сегодняшний день — отличное время это сделать...

— Мне не кажется, что это хорошая идея... — начал было я, но Блейн перебила меня, в порыве практически закричав:

— Но я не могу остановить свои чувства!

Затем она опомнилась и постаралась уровнять дыхание. Я видел, как покраснели ее щеки, а глаза блестели, будто от лихорадки. В тот момент она не была собой: я не узнавал скованную и запуганную девушку, которую знал, передо мной был другой человек. Я слишком долго поощрял ее близость с Дарси, даже потакал, и теперь с ужасающей ясностью осознавал, что натворил. Ведь я прекрасно знал, что Арлен проявлял не что иное, как вежливость, и в этом не было даже частички любви или какого-то влечения. Блейн видела мир наизнанку. И от этого чересчур больно отчего-то было именно мне.

— Ты уверена, что он действительно испытывает симпатию? — вздохнув, я взглянул в лицо девушки. Та кивнула в ответ, а затем тихо заговорила:

— Извини. Как-то погорячилась. Ты прав. Слишком рано говорить ему обо всем.

«Она меня не понимает...» — мысленно простонал я и вновь сделал попытку отговорить одноклассницу от ее чувств. Но по себе я знал — это равнозначно тому, что отговорить человека запросто отрезать себе руку и выбросить ее в мусорное ведро:

— Если честно, то не считаю, что тебе стоит это делать...

— Почему? — наконец-то Лили услышала меня и удивленно захлопала ресницами. При плохом освещении ее кожа казалась белоснежной, как альбомный лист, но тени подчеркивали все неровности, делая девушку похожей на статую, съеденную временем.

— Ну...

— Ты странно себя ведешь, Нил.

Она всегда была слишком проницательна. А говорить неправду, как известно, я умел плохо. Но в этом случае правда звучала бы слишком нелепо: «Извини, признаваться в любви Арлену не имеет смысла. Потому что он уже влюблен. В меня». Я задумчиво сделал глоток, скосив глаза в сторону собеседницы. А она продолжала с напряжением смотреть на меня, пытаясь понять, что со мной не так. Иногда я бы многое отдал за талант безупречно лгать людям.

— Ты ведь сам говорил, что он интересовался мной и пригласил на Осенний бал не ради шутки. Разве может что-то быть просто так? А теперь пытаешься отговорить.

— Я не пытаюсь, — дал задний ход я. Ее огромные глаза, казалось, начинают наполняться слезами. А когда-то я видел в них надежду — я сам вырастил ее подобно заботливому садовнику. Сейчас я чувствовал, насколько мерзко на вкус отчаяние, которым захлебывалась девушка. И спасовал. Не смог проявить твердость. Вместо этого лишь опустил ладонь на макушку Лили и тихо произнес: «Все получится».

Тряпка.

День близился к концу. Я мог вздохнуть свободно и наконец позабыть про этот переоцененный праздник. В коридорах все реже мелькали длинные тени учеников и

учителей, все менее слышны были приторные смешки девушек, все тише были шаги. Я поднялся на свой этаж и остановился возле окна. На секунду мне захотелось оказаться где-то далеко отсюда. Но все, что я сейчас мог — глазами прогуляться по аллейке напротив общежития, проводить глазами ветер и снегом упасть на землю. Сквозь щель в раме мое лицо обжигал холод, а я, прикрыв глаза, пытался проникнуться лирическим чувством. И вот уже идея за идеей, строка за строкой... Так бы и стоял целый век, а то и тысячелетие. Но попытки творческой души покинуть тело даже на незначительный срок пресекла легкая рука, которая деликатно опустилась на мое плечо. Я обернулся и от некой неожиданности вздрогнул: прямо за мной стояла Кейлин. Девушка приветливо улыбнулась и прежде чем заговорить продемонстрировала ящик для любовных посланий.

— Не могла найти тебя или твоего соседа весь день, — заявила она, поставив свою ношу рядом со мной на подоконник.

— Арлен занимался, — безучастно ответил я, но улыбнуться попытался. — Я был с Лили.

— Вы вместе? — без всяких шуток поинтересовалась одноклассница.

— Нет, — смущенно замахал руками я и чуть не споткнулся о свою же ногу. Формер мягко рассмеялась, прикрыв рот ладонью.

— Извини. Просто догадки.

— Ничего, — замотал головой я.

— Все хотела поблагодарить тебя, но никак не могла набраться смелости и подойти.

— За что? — пришлось удивленно нахмуриться.

— За то, что тогда не отказал мне. Когда Гаррет оказался в госпитале. Ты передал ему мое небольшое послание...

— Точно.

— Когда говорить о любви, как не в день влюбленных, — Кейлин была поистине нежной и аккуратной девушкой, несмотря на ее неидеальную внешность. Я вполне мог понять, что Манн нашел в ней. — Теперь мы с Гарретом вместе. Хотя ты, наверное, заметил. Ну, как и все. Давно...

Я закивал и разулыбался. Меня похвалили, а значит, я не столь бесполезен, каким порой себе кажусь.

— В общем, мы с девочками из других классов разгребали ящики. Каждая должна была передать открытки своим одноклассникам. Лаура ушла раньше, поэтому тут осталась куча валентинок для твоего соседа. Думаю, ты передашь ему?

— Конечно, — закивал я.

— И, да, одна, кажется... — Кейлин высыпала целую гору картона из ящичка. Тут же у меня зазвонил телефон, и я, отойдя, ответил на звонок. «По пути возьми мне кофе в автомате», — заявил голос в трубке, и Дарси тут же сбросил. «Еще чего», — подумал я, нахмурившись, и вновь вернулся к Формер.

— В общем, — с этими словами одноклассница сунула открытки мне в руки и заспешила. — Там разберешься. Мне пора, Нора еще просила о помощи с чем-то. Извини, что отвлекла ненадолго.

— Ничего, — любезно покачал головой я, и чуть не выронил девичьи признания.

Кейлин молниеносно скрылась в коридоре, ведущем в женское крыло, а я вновь остался наедине с собой. И целой кучей распахнутых женских сердец.

«Арлену Дарси от Л.Ж», «Арлен, я люблю тебя!», «Потрясающему Дарси от Рейчел Б.»

какое-то стихотворение, «Арлену от П».

С интересом я перебирал карточки по пути в свою комнату. Все они были уникальны — стили, почерки, слова. В каждой букве жила душа, и в тот момент во мне было столько любви, что она лилась через край.

«Любимому Арлену», «Потрясающему А.Д.», «Я люблю тебя, Нил».

Стоп.

Я поперхнулся и чуть не выронил железную банку с холодным кофе. Мои глаза вновь прошлись по строчкам. Ничего не изменилось. Печатные буквы на лаконично-строгой открытке, минималистическое сердце, продыроколенное сбоку. Узкая алая лента. Утонченный вкус дарительницы.

«Я люблю тебя, Нил».

Примечания:

Одним из традиционных подарков на День всех влюбленных в Великобритании считается яблоко.

Мэри Элизабет Мэйпс Додж — американская писательница и издательница книг для детей.

Дионис — в греч. мифологии бог виноградарства и виноделия

Никогда не любил март. Хотя, казалось бы, ненавистная мне зима хлопнула дверью и ушла, весна постепенно начала делать попытки согреть все вокруг, межсезонные тесты и сочинения написаны, впереди Пасхальные каникулы. Но именно на этот месяц отчего-то обычно приходилась целая волна неудач. Впрочем, со временем к этому я уже привык: это была моя личная черная полоса. И вот, на март две тысячи двенадцатого года выпали такие невзгоды: плохая оценка за тест по истории Англии, неудачная стрижка, странное поведение Лили и моя очередная провальная попытка написать что-то стоящее. Казалось бы, мелочи мелочами, но я, как человек жутко чувствительный и ранимый, каждую неудачу воспринимал шрамом на сердце. И если учебы в основном это не касалось (я убеждал себя, что мисс Элизабет просто меня недолюбливает), то неосторожное слово ближнего или непонятная ситуация действовали на меня угнетающе. Вот и сейчас, подстриженный, словно средневековый монах, меланхоличный и рефлексирующий, в позе мыслителя я сидел возле окна экспресса и взглядом провожал скользящие пейзажи. На моих коленях лежала тетрадь, в ней — ручка с покусанным колпачком. По дороге домой я планировал писать рассказ, но последняя попытка творчества на днях показалась мне настолько жалкой, что я чуть не расплакался от безысходности. Помог забыть об этом мне Дарси, стащив с кровати на пол и накрыв своим телом. Но постоянно выручать меня он явно таким способом не сможет, поэтому выхода было два: продолжать совершенствоваться или навсегда бросить эту глупую затею с писательством. Пока что для себя я ничего не выбрал, поэтому решил подумать об этом в поезде. Но разве до этого, когда едешь туда, где не был больше полугода? Домой.

Я оторвал взгляд от окна и раскрыл свою тетрадь, подушечками пальцев проведя по гладкой бумаге. Чистый лист манил меня, в то же время пугал. Что если у меня вовсе нет таланта? И мне было страшно лишь от одной мысли, что столько лет моего горящего желания стать писателем вспыхнут и рассыплются пеплом. Я взялся за ручку и после нескольких секунд раздумий вывел в самом верху страницы: «Лестница в никуда». Я не знал, о чем расскажу будущему читателю, не знал своих героев, их историй, их судеб. Стоило лишь захотеть писать, как все мои идеи испарялись, а голова становилось стерильной. Уметь бы записывать их у себя же в голове. Тогда все те потрясающие мысли, приходящие почему-то ночью, никуда не пропадут.

Болезненно вздохнув, я начал листать тетрадь, и внезапно страницы распахнулись на середине. Туда совсем недавно я вложил подаренную открытку на день всех влюбленных. Для меня она была настоящим ребусом, и тот, кто создал ее, явно позаботился о своей конфиденциальности: даже по почерку определить было сложно — текст был собран из печатных букв. «Я люблю тебя, Нил» — в очередной раз утверждала надпись, и я сжимал картон меж ладоней, греясь любовью, которая исходила от этого маленького подарка. Конечно, Арлену я ничего не сказал — я не мог предположить его реакцию (а человеком он всегда был довольно непредсказуемым). К тому же, хотелось иметь хоть небольшую тайну, которую я делил бы лишь с самим собой.

— Желаете что-нибудь?

Меня отвлекла женщина, разносившая напитки по салону. Расставшись с двумя фунтами в обмен на зеленый чай, я согрел руки теплом пластикового стаканчика. Интересно, как вырос клен, который мы посадили с матерью год назад?..

Я не был дома больше шести месяцев. Не сказать, что меня страстно тянуло в Рочестер, но порою ностальгические мысли посещали. Особенно в те моменты, когда я созванивался с Норой и слушал ее короткие, но милые сердцу истории о родном городе и его неторопливой жизни. Наш коттедж не был большим и стоял на улице, которая летом и весной утопала в цветах заботливых садоводов. Моя мать тоже увлекалась этим, и в палисаднике всегда цвели герберы. Как известно, графство Кент славилось своими садами, и каждый город здесь, без сомнений, это доказывал. Жаль, что время цветения еще не пришло, и я не смогу вдохнуть милых ароматов, но мне было достаточно того, что смогу ощутить запахи родного дома.

Вскоре голос из динамиков объявил о скором прибытии на Лондонский вокзал «Чаринг-кросс», и буквально через несколько минут я уже окинул взглядом модернистский фасад его здания, откуда, помнится, отбывал до Хартпула полгода назад. За пять часов пути мои ноги успели затечь, и при выходе из экспресса я еле удержался, чтобы не рухнуть вместе со своим багажом на перрон. Признаться, я уже отвык от такого количества людей: немного кружилась голова. Раньше я бывал в столице едва не каждую неделю, а тут прошло уже несколько месяцев. Одичал, так сказать. Естественно, пригород Хартпула не мог сравниться с городом-миллионником. Тут же я купил билеты до Рочестера и побрел в зал ожидания, дабы там скоротать свои полчаса до прибытия транспорта. Достав мобильный, я написал Норе, что буду у нее уже через час. А затем извлек книгу в надежде утонуть в истории хоть ненадолго. Не тут-то было. Телефон завибрировал в кармане, и я услышал оповещение мобильного приложения.

«Ты доехал уже?» — спрашивал Арлен.

Я не очень любил сетевое общение, но все же поддерживал с друзьями контакт через социальные сети, как любой нормальный подросток.

«Да, все нормально» — лаконично набрал ответ я. И только вновь ухватился за обложку, как карман вновь сотрясла вибрация.

«Я привезу тебе подарок из Германии»

«Какой?» — живо поинтересовался я.

«Узнаешь...»

Ох уж это таинственное многоточие. Затем вздох. Я прикрыл глаза и понял, что уже скучаю по Дарси.

Со станции Рочестера я взял такси, и уже стоял на пороге своего дома, оглядываясь на ничуть не изменившуюся улицу. Все точно так же, как и в августовский день, когда я покидал родной город. Затем я загремел ключами и отпер входную дверь.

— Нора, — крикнул я и заулыбался, предчувствуя встречу. Затем вновь повторил. — Нора!

— Нил, милый, ты?

Я оставил свою поклажу в прихожей, повесил на крюк ветровку и сбросил кеды. В нос закрался аромат запеченной свинины с картофелем. Мать старалась на славу, чтобы угодить мне с ужином. Вот и она — выглянула с кухни и встретила меня улыбкой. А я стремительно сократил расстояние меж нами и обнял ее. Будто и не уезжал...

— Давай, раздевайся, в душ, а затем кушать.

Давно никто не проявлял обо мне подобной заботы. А Нора все продолжала:

— Я заварила чай с имбирем. И лимонный пирог в процессе. Твой любимый.

Я скривил улыбку. Нет, мой любимый был грушевый. Но спорить не стал.

-..подумать только. Теперь ты снова со мной. Несколько недель. Мне не верится.

— Мне тоже, — кивнул я и приник телом к дверному косяку, который когда-то вместе с отцом мы покрывали лаком. Мне не хотелось портить идиллию, которая творилась в душе Норы прямо сейчас, но не мог не поинтересоваться: — Как там отец? Не знаешь?

Мать обернулась, и выражение ее лица поспешило измениться. Но тут же она постаралась не показать мне этого.

— У него родился мальчик. Твой брат, между прочим. И еще Эд сказал, что хотел бы видеть тебя. Я ничего ему не ответила, подумала, что ты сам все решишь.

— Правильно, — согласно закивал я и направился к лестнице. На сердце сетью накинута тоска, поймав меня в ловушку. Семья была для меня стержнем, а теперь я собирал осколки. По лестнице, где было двадцать ступеней (я часто считал их), когда-то, взявшись за руки, мы поднимались втроем. То, что было десяток лет назад, давно стало лишь воспоминанием. Но я твердо пообещал себе не страдать из-за ошибок других. «Ты должен думать о своей жизни», — говорил Арлен. И, скорее всего, был прав.

Моя комната ничуть не изменилась. Нора поддерживала в ней чистоту, но ничего не переставляла. Даже вещи, которые я не разложил по своим местам, когда уезжал, остались лежать там, где и были. Серые обои, мягкий ворс коврового покрытия, мои детские рисунки, висевшие на стене вместе со школьными грамотами... Здесь когда-то рождались мои мечты и мысли. Сердце Бернса было в горах, а мое — в маленькой комнатке на Лойл-стрит в Рочестере.

Осторожно я присел на край кровати и полной грудью вдохнул кружащие голову ароматы родного дома. Затем рухнул спиной и придавил собой пружинистый матрас, который как-то безрадостно подо мной отозвался чуть слышным скрипом. Мои веки опустились сами собой, стоило лишь телу расслабиться. И я погрузился в дремоту, которая способна одолеть лишь после жуткого напряжения. Но длилась она не больше пяти минут. Голос Норы, вновь требующий, чтобы я принял душ, заставил подняться и отправиться в ванную.

Во время ужина мы живо обсуждали произошедшее с нами за последние полгода. И я был вполне уверен, что мама все-таки начинает оправляться от стресса после развода. Она расцветала почти на глазах: начала делать легкий макияж даже дома, укладывала волосы и всегда источала тонкий аромат парфюма. В голосе ее появилась жизнь, а лицо уже болезненно не искажалось при упоминании Эда. Меня, честно сказать, не сильно тянуло узнать, кто этот Гидеон, но, по всей видимости, он все-таки волшебник. Отправив в рот последнюю ложку тушеного картофеля, я утер рот тыльной стороной ладони и размяк на своем стуле, запрокинув голову.

— Нил, отвратительно, — встряхнув светлыми волосами, отметила мать, и я выпрямился. — Чем планируешь заняться, пока ты дома? — продолжила она.

— Не знаю, — пожал плечами я и лишь сейчас понял, что мне действительно нечем заняться. Я настолько привык к хартвудской спешке и бесконечным делам, что теперь спокойствие в собственном доме казалось мне неким вакуумом. — Отметим Пасху. И еще у меня есть задание на каникулы. Могу почитать, чем-нибудь еще заняться...

— А встретиться с отцом? — вдруг спросила меня мать, в задумчивости сложив уголок салфетки. — Я знаю, между вами что-то произошло. И мне совсем не хочется знать, что причиной была я...

— Не ты, — пришлось покачать головой и вздохнуть. — Я просто очень разозлился из-

за брата. Но, знаешь, теперь в школе у меня появился хороший друг, который сказал мне, что я уже достаточно взрослый для того, чтобы начать заниматься своей жизнью. Мне порою все равно больно за нашу семью, но я стараюсь смотреть в будущее.

— Наверное, очень мудрый друг, — кивнула Нора, вставая из-за стола. — Немного пирога, дорогой?

— Пожалуй.

— Как его зовут?

— Арлен, — ответил я, стараясь не морщиться от неприятного мне цитрусового запаха. — Арлен Дарси. Не знаю, как мы подружились, но он действительно потрясающий. Собирается изучать микротехнологии в университете. Ну, или что-то вроде того. Никогда не понимал в науке.

— А ты? И как там твои дела с этим писательством?

Сперва я промолчал, а потом фальшиво улыбнулся и будто назло ответил:

— Замечательно.

После ужина я отправился к себе разбирать вещи, которые привез с собой, чтобы оставить их дома. В конце концов, с самого дна я извлек книгу со сказками на немецком языке, которую уже затер практически до дыр. Ради того, чтобы прочесть ее, мне жутко хотелось записаться на курс немецкого языка летом. С появлением в моей жизни Арлена я понял, что хочу тянуться к нему. Конечно, мне никогда не стать таким же умным, как он, никогда у меня не будет такого же чувства юмора, такой внешности, такой манеры держать себя. Но все равно я страстно желал быть лучше хоть в чем-то, чтобы однажды не разочаровать его.

Ложась спать, я приник лбом к стене и накрылся одеялом практически с головой. А затем по привычке вслух произнес: «Доброй ночи». Но, тут же обернувшись, понял, что здесь я один.

— Нил, взял корзину?

— Взял, — нехотя отозвался я, передернув плечами от колющего кожу неудобного свитера. Нора всегда настаивала на том, чтобы я надевал его на церковные службы.

Посещать Рочестерский собор в день англиканской Пасхи всегда было традицией нашей семьи. Теперь, точнее, того, что от нее осталось.

— Зачем столько шоколадных яиц? — поинтересовался я, отодвинув край салфетки, прикрывающей дно корзинки.

— Пасха же, — не уловив сути вопроса, ответила мать. — Ты забыл?

— Что Пасха, понятно. Зачем так много?

— Потому что в прошлый раз не всем детишкам хватило. Посмотри в окно, Гидеон уже здесь?

Я оставил свою поклажу в прихожей и влез на тумбу, чтобы разглядеть машину маминогo мужчины. Совсем недавно я познакомился с ним, и не сказать, что этот человек меня чем-то удивил. Ему было около пятидесяти. Смугловатый, темноволосый, он разъезжал на стареньком «Мерседесе», много шутил и сам же смеялся громче всех. Но я не мог судить Нору за ее выбор, к тому же, не сказать, что я питал неприязнь к этому мистеру. Да, он был странноват, немного рассеян, может, даже прост, но глаза моей матери рядом с ним светились, как звездное небо. И этого мне было достаточно, чтобы знать, что она счастлива.

— Да, он тут, — крикнул я. Спрыгнув с тумбы и ухватив корзину, я выскользнул за

дверь, а затем нырнул в автомобиль Гидеона, где всегда пахло апельсиновым ароматизатором. Он обернулся и снял фетровую шляпу, положив ее на колени. А затем тихонько поинтересовался:

— Нил, как я выгляжу?

— Богу все равно, как Вы выглядите, — шмыгнул носом я и, как утка, бережно обнял корзину-гнездо с шоколадными яйцами.

— Знаешь, твоя мама — богиня. И ей, думаю, не все равно. Так что ты не прав.

— Обычно выглядите. Вон, она уже идет.

— Служба уже, наверное, началась, — произнесла Нора, присаживаясь на сидение рядом в водителем. Тут же она одарила Гидеона поцелуем в щеку и оправила шелковый шарф на шее.

— Зачем мы все время туда ездим? — поинтересовался я со скукой в голосе.

— Потому что это традиция, дорогой. К тому же, у тебя есть шанс увидеть своих старых друзей.

«Ну да, мечтал весь год», — саркастично подумал я, но промолчал, чтобы не расстраивать маму.

Всю службу я разглядывал витражи в стеклах Рочестерского собора, которые, казалось, знал уже наизусть. Еще я старался не поднимать глаза, чтобы действительно случайно не встретить никого из знакомых. Но наш город всегда был довольно мал, чтобы случайно с кем-то не пересечься. Через какое-то время я заметил парочку бывших одноклассников из государственной школы. Хорошо, что с одухотворением они глядели в сторону проповедника, а вовсе не в мою. Меня постоянно одолевало искушение достать телефон, но присутствие Норы, для которой служба была очень важна, меня останавливало. К полудню люди начали расходиться, а моя мать вместе с Гидеоном поспешила раздать пасхальные подарки знакомым детям. Я стянул из корзины шоколадное яйцо и, растягивая начинку из карамели, ждал мать с ее возлюбленным на скамейке возле собора.

— О, это же Нил! Нил Уэбб! — услышал я неподалеку. Меня тут же окружила троица ребят, и в них я узнал бывших школьных приятелей. — Это ведь ты!

— Да, я, — пришлось заговорить. Из вежливости я улыбнулся им и мысленно вспомнил имена: Сид, Джон и Роб. — Рад всех видеть.

— Говорят, ты теперь учишься в Америке.

— Нет, — смущенно покачал головой я на вопрос Джона. Остальные с интересом замерли. — Я учусь в школе «Хартвуд», это в пригороде Хартпула, Дарем.

— Вау, — восхитился Сид. Он всегда отличался необычайной впечатлительностью. — Дорого там учиться?

— Нет, — ответил я, почувствовав себя в кои-то веки в центре внимания. — Школа не элитная. Обычная, только частная.

— Может, встретимся как-нибудь. Сходим в пиццерию. Или боулинг? — предложил Джон. — Ну, завтра например. Пока ты тут.

— Извините, парни, — я поднялся со своего места и вежливо отстранился, заведя Нору и Гидеона. — Я завтра... Уезжаю. В Нортгемптон. К отцу.

— У-у... — хором протянули ребята, отступая.

— Рад был всех повидать!

Сердце стучало как бешеное, хотя я старался как можно лучше изобразить спокойствие. Не сказать, что мое рочестерское прошлое было отвратительным, но возвращать его мне не

хотелось. И теперь я, раз упомянул о Нортгемптоне, просто обязан навестить отца.

Примечания:

Отсылка к стихотворению Роберта Бернса «В горах мое сердце» («My heart's in the Highlands»).

Эд приехал за мной один, хотя, признаться, я ожидал увидеть рядом с ним молодую жену. Но, нет, все-таки отец побаивался вновь своими действиями или словами сделать из меня водородную бомбу. Едва завидев его хэтчбэк вдалеке, я даже сперва растерялся и засмутился, припоминая, при каких обстоятельствах мы в последний раз расстались. Но теперь себе я диктовал такое утверждение: «Твой отец поступил неправильно, но на его ошибках ты можешь научиться, как делать точно не нужно». Просто принял этот факт как данность, и это заставило немного успокоиться. Тем временем автомобиль остановился у нашего крыльца, и отец посигналил, призывая садиться. Тепло, как раньше, Эда обнять я не смог, а лишь поздоровался, сопроводив слова почти приветливым кивком и резиновой улыбкой. Со ступеней, даже не подходя к машине, бывшему мужу рукой махнула Нора, а затем на прощание сомкнула меня в объятиях и ненадолго приникла к моему лбу губами. От нее пахло, как от Гидеона.

— Садись, пристегивайся, — вежливо произнес отец, словно мы были едва знакомыми людьми и соблюдали нелепые формальности.

— Хорошо, конечно, — ответил я, взглядом пытаюсь пробить лобовое стекло. Так далеко ехать. Вместе с ним. Наедине. Хотя насильно никто не заставлял меня звонить и проситься в гости на несколько дней. На такой поступок я толкнул себя сам и теперь не знал, что хуже: мучиться от терзаний или испытать боль от встречи с новой семьей Эда.

Первые полчаса отец всячески пытался завязать разговор: рассказывал о моем брате Джоне, расхваливал Джесс, делился впечатлениями о новой работе. А я сидел, разбухший от волнения, и, не чувствуя боли, рвал заусенцы на пальцах. Взгляд мой скользил по деревьям, которые построились вдоль дороги, будто по команде, но сосредоточиться я не мог, то и дело проваливаясь в свои мысли. Наконец отец заметил это и, усмехнувшись, спросил:

— Ты меня слушаешь?

Я рассеянно кивнул, пытаюсь сделать вид, что так оно и было. Хотя, на самом деле, я отвлекся и думал о другом. Эд был слишком наблюдательным:

— О ком ты так задумался?

— Ни о ком, — до кончиков ушей покраснев, заявил я. И тут же лбом припал к стеклу, пряча глаза.

— Та девчонка, из-за которой ты подрался. О ней? Да... Знаешь, я в твои годы тоже лупил всяких парней из-за твоей мамы.

— Я не люблю ничего решать таким способом, — заверил отца я, — просто ситуация была безвыходная. И все.

Мои слова вызвали у того снисходительную улыбку. Но останавливаться он не собирался:

— И как у тебя с ней?

— Мы друзья, — отчеканил я и даже сам испугался своего тона. А затем, пытаюсь быть мягче, зачем-то сказал: — Мне нравится другой человек.

— Тебе, может... совет какой нужен? — Эд никак не мог усмирить свои нахлынувшие отцовские чувства.

— Нет, — покачал головой я, отказываясь. — У нас все хорошо.

Видимо, мой собеседник наконец понял, что разговаривать я не хочу, и остальную часть

пути мы провели в полном молчании. Мне даже удалось задремать или, по крайней мере, сделать вид, что я сплю.

Через несколько часов мы наконец-то добрались до пригорода Нортгемптона, и отец с улыбкой на губах заявил, что меня ждет сюрприз. Почему-то мое ассоциативное мышление при упоминании этого слова выдавало сцену выпрыгивания из торта или, как минимум, флажки и шарик, развешенные по всему дому. Я даже не стал ударяться в подробности, а скептически кивнул и вновь начал рассматривать местность из окна автомобиля. Я никогда не был трудным подростком, но в данный момент напоминал себе именно такого.

Вскоре отец остановился и заглушил машину. Я напряженно дернул ручку двери и сквозь щель недоверчиво выглянул на улицу. На крыльце небольшого дома никого не было. Я знал, что свое новое жилище семья Эда арендовала, а вскоре и вовсе все ее члены собирались перебраться куда-нибудь севернее. Я пригладил волосы, по привычке заправил рубашку в брюки и вышел на воздух, дожидаясь отца. Тот не заставил себя ждать, и уже вместе мы поднялись по небольшой лестнице в восемь ступеней. Один этаж, две спальни, гостиная и столовая, совмещенная с кухней. Наш с Норой дом был гораздо больше, хотя в нем мы жили практически вдвоем. Не успел я сбросить кеды, как в нос тут же ударил специфический запах, который присущ лишь домам, где находятся грудные дети. Я даже поморщился, но сделал это незаметно, чтобы не обескуражить Эда. Стоило обернуться, как за спиной моей возникла женщина: выглядела она довольно молодо, была бледнокожа; волосы ее, медные, густые и вьющиеся, на затылке она собирала заколкой, а выбившиеся пряди то и дело убирала за уши. Ее зеленовато-серые глаза смотрели на меня с предельным вниманием, но в то же время прямодушно и без злобы. Совсем не тот человек, которого я себе представлял. Пойманный врасплох, я рассеянно кивнул в знак приветствия и даже с небольшим испугом отступил к вешалке, но женщина протянула мне руку и произнесла:

— Я Джесс. Джессика, если быть точнее. А ты? Нил?

— Нил Джонатан Уэбб, — было начал я вновь пятиться, но ладонь отца подбадривающе легла мне на плечо, и я пожал его жене руку.

— Только чуть тише, — полупшепотом произнесла новая знакомая и как-то утопически улыбнулась. — Джонни спит.

Джонни... Конечно, Джонни! Новые дети — всегда новые впечатления и новые возможности воплотить свои амбиции, если в первый раз не вышло. Ревность больно кусала меня за сердце, и напряженно я потирал ложбинку меж ключиц, не зная, как действовать дальше. Но меня спас тот, кто делал это на протяжении большинства лет моей жизни, и сюрприз этот был даже эффективнее пресловутого выпрыгивания из торта: немного погодя в прихожей показалась тетя Роза, которой я тут же кинулся на шею. После поцелуя в щеку на моих губах остался горьковато-цветочный вкус ее косметики.

— Ну, Нил, — она добродушно заворчала и ответно сомкнула меня в объятиях. — Ты меня так удушишь, негодяй.

Я отстранился и наконец-то улыбнулся искренней и естественной улыбкой. Тетя Розалин была единственным человеком, которого я был по-настоящему рад здесь встретить. Эд с женой рассеянно заулыбались и довольно тихо отправились в гостиную в то время, как я не желал и на шаг отходить от тети.

— Извини, что так и не собралась повидать тебя в твоей школе, — произнесла она, качая головой. Я чувствовал сожаление в ее голосе, но в тот момент это было то, чего я меньше всего хотел слышать.

— Я сам виноват, что на рождественские каникулы не поехал домой. Мне... не хотелось возвращаться.

— Главное здесь и сейчас, — ее ладонь легла на мою макушку, а пальцы взъерошили волосы. Глазами я скользнул к лицу тети Розалин, отметив, что для женщины чуть за пятьдесят она выглядит все еще молодо. Казалось, время идет, а она вовсе не меняется. Тут же в голову мне пришла мысль: хорошо, что она не знает о той драке и переломе. Отчитывала бы полчаса подряд. А мне, конечно, было бы стыдно.

После ужина я впервые увидел своего брата. Нет, до этого момента я вполне представлял себе, как выглядят младенцы, но крошечный, завернутый в пеленки мальчик казался мне жутко чудным существом. Его мутноватые глазки, игрушечные ручки и рот, который тот то и дело открывал, словно золотая рыбка, — все это забавляло и заставляло с интересом наблюдать. Я даже почувствовал, что меня тянет к Джонни: хотелось дотронуться до него, а то и вовсе взять на руки. Но его визуальная хрупкость пугала меня, поэтому я не решался. Джесс сидела рядом и с умилением глядела на свое чадо, улыбаясь. Я тоже улыбался, не так доволно, как она, конечно, но и не без искренности. Никогда не думал, что маленькие дети такие интересные.

Впрочем, утомил меня брат столь же быстро, как и очаровал. Я его, видимо, тоже утомил: мальчик начал плакать, сжимая кулачки. Зато я почувствовал жуткое облегчение: неловкое молчание между мной и Джессикой наконец-то можно было прервать. Не то чтобы она совсем не нравилась мне — хорошо, что хоть не такая, какая была в моей фантазии — просто я знал, что нам с ней не о чем говорить. Выйдя из комнаты, я утер со лба испарину и, накинув в прихожей куртку, отправился проветриться. Сперва я остановился на крыльце дома и вдумчиво направил взгляд за горизонт. Дом моего отца находился далековато от центра города, даже за чертой, я бы сказал. Поэтому все, что простиралось дальше: начинающая зеленеть равнина, вновь череда домишек, дорога, усыпанная гравием, и розовеющий закат, акварелью разлившийся по небу. «Хартвуд» был далеко от меня, а Дарси — еще дальше: нас разделял Ла-Манш и тысячи миль. Локтями я уперся в перила и чуть свесился, пытаясь разглядеть больше просторов. Но внезапно вздрогнул: за спиной скрипнули доски. Рефлекторно я обернулся, обнаружив, что это тетя Розалин, и печально ей улыбнулся.

— Здравствуй, грусть, — по-французски произнесла она и с такой же светлой печалью улыбнулась мне в ответ. — Хочешь пройтись? Тут тихо обычно. Как в твоём «Хартвуде», наверное.

— В «Хартвуде» никогда тихо не бывает, — возмутился я, застучав ногами по деревянным ступеням. — Это же школа.

— Ну, если я и училась в школе, то уже вовсе позабыла, как там что. Тебе нравится?

— Нравится? — переспросил я и действительно задумался. — Сначала было немного странно. Я привык к Рочестеру, к автобусу и гренкам, которые Нора жарит по утрам. А там...

Тетя открыто взглянула на меня, медленно прохаживаясь рядом. Мы ступали вдоль дорожки, скрипя гравием. Я знал, что ей по-настоящему интересно слушать меня. Не то, что Норе и Эду. Те действительно редко прислушивались к моим словам. Редко интересовались, что я читаю, что я люблю, о чем мечтаю. «Да уж, простите», — зачастую говорила мать своим знакомым, когда я внезапно выдавал что-то эдакое. — «Он у нас такой вот заумный. Нил наш...» И обычно в ее голосе я чувствовал больше смущения, чем гордости.

Я продолжил:

— Там от кровати до кабинета идти минут пять. На завтрак целая куча всего. Еще там посложнее, чем в Рочестере. Ну, в плане учебы. Ребята тоже ничего, — на последней фразе мой голос чуть потух.

— С кем ты дружишь?

— Много с кем. Лили помнишь? Я тебе о ней говорил осенью еще, когда звонил. Потом я подружился с Лео. Видела бы ты, какая она красивая. Блондинка. Строит из себя строгую, но у нее доброе сердце. Еще Гаррет. Мы были соседями. Его я тоже упоминал.

— Да-да, — мягко рассмеялась Роза. — Тот, что жутко неаккуратный, но дружелюбный. А другой мальчик? Как там его... Аллен?

Я счастливо заулыбался, а потом поправил ее: «Арлен». Потрясающе, что она все помнит. И тут же поспешил поделиться впечатлениями о возлюбленном:

— Он великолепный. Просто описать не могу. Представь — высокий, красивый парень, при этом потрясающе умный, острый на язык. От него без ума все девчонки в школе. Неудивительно, — восхищенно лепетал я, закатывая глаза от удовольствия и оживленно жестикулируя.

Тетя тактично кивала мне, не перебивая.

—..такие цифры, — восклицал я в порывах, — что я даже не знаю их. А он решает сложнейшие примеры. И причем быстро, как будто это легко. А порой посмотрит так, что меня знобить начинает. Особенно, когда злится. Он сейчас в Германии. По-немецки, кстати, говорит как самый настоящий герр.

— Вы друзья? — абсолютно невинно спросила меня собеседница. Я оказался немного обескуражен и смог лишь мелко закивать в знак согласия.

Вскоре мы решили повернуть назад, и всю оставшуюся прогулку я посветил расспросам о жизни Розалин. Оказалось, что она приехала временно: хочет немного помочь брату с новорожденным. При этом пообещала, что никогда не скажет, что Джонни — ее любимый племянник. И я растаял, греясь по-настоящему уютным вечером. Но мое настроение, соответствующее тогдашнему цвету неба, быстро потемнело. Едва нога тети ступила на порог, она обернулась и с некой горечью произнесла:

— Нил, будь разумнее.

Я не понял, что она имела в виду, и вопросительно изломил брови. А Роза добавила:

— Ты даже о книгах никогда так не рассказывал. Не то, что о людях. Не делай ошибок, о которых будешь жалеть.

Я взглянул на нее с застывшим в глазах ужасом и недоумением. Неужели поняла? А тетя тем временем махнула рукой в сторону входа:

— Пойдем, выпьем чаю. Ты, наверное, замерз.

В общем, своими каникулами я был очень доволен. Мало того, что я наконец-то побывал дома, так еще и встретил двух новых людей, увидел своего брата и, конечно, провел время с тетей Розалин. Кроме того, чувствовал, что все точки над «i» оказались на своих местах. Мне было гораздо легче смотреть на отца и мать, живущих порознь. Недаром говорят, что жизнь закаляет нас. То, что вчера бурлило трагедией, обратилось в штиль, который лишь изредка отдавался тупой болью. Но я верил: свою жизнь устрою так, что никому никогда не причиню вреда и боли. Да и не похож я на inferнального человека, чтобы такое произошло со мной.

Весной наша школа наполнялась особенной жизнью. Дети оттаивали после зимы, и по коридорам вновь бродили сплетни, хихиканья и взгляды. Особенно становились активны девушки: все чаще они краснели, делились секретами и устраивали посиделки на увитой плющом террасе. Парни вообще-то тоже не отставали. Вот, если раньше Гаррет совсем не хотел, чтобы об их отношениях с Кейлин знали, то теперь часто целовал ее прилюдно. Или Вацлав. Лишь недавно он жаловался на безответную любовь к кому-то из девчонок, а теперь не смущался отношений с моей одноклассницей Норой. Хотелось бы ее, конечно, предупредить о его характере, но дело их личное. Меня вообще не очень интересовала суэта вокруг. Моя любовь была крепка несколько месяцев назад, такой же крепкой и осталась. Любовная лихорадка не задела нас с Арленом.

Цветы начали распускаться, источая едва уловимые ароматы, которые, смешиваясь, представляли единым — так, наверное, пахнет юность: легко и свежо, отважно и ярко, по-своему и с надеждой. Лицо мое обдувал теплый ветер, а я вышагивал по асфальтированной дорожке, наслаждаясь тем, что подарила мне жизнь. Деревья приветствовали меня — гнули ветви, как спины, в поклоне, а я мысленно кланялся им в ответ. Едва различимые сквозь молодую зелень прутья забора уже не казались мне клеткой, напротив — защитой. После занятий и обеда я решил прогуляться, в надежде, что весенним ветром в голову задует какие-нибудь идеи.

Внезапно взгляд мой отметил нечто, что заставило удивиться. Я даже тихо, едва слышно, подошел, чтобы точно убедиться: на траве, прямо под огромным кленом (кора которого, кстати, пестрила всякими любовными тождествами), крепко сомкнув глаза, лежала Лео. Девушка не двигалась — лишь размеренно вздымалась ее грудь, и порою трепетали веки. Она спала. Удивленный и заинтересованный, буквально на носочках я подкрался к подруге, но моего присутствия она не ощутила. Спала все так же крепко, словно вовсе не живая. Рядом с нею лежал журнал, название которого прежде я не встречал — нечто, посвященное журналистике. Еще раз кинув улыбающийся взгляд на Паттерсон я тихо, стараясь не разбудить ее, взял журнал в руки. Оказалось, что страницы были заложены где-то на середине. Я распахнул их и тут же изменился в лице. И изумил меня ни какой-то текст или пометки в нем, а то, что служило закладкой. Я вынул из сгиба карандаш, и на солнце блеснула золотистая гравировка с моим именем. Тот самый. Который я потерял давным-давно. Или думал, что потерял?..

Внезапно девушка зашевелилась — видимо, все-таки ощутила, что я рядом. Медленно она открыла глаза, проморгалась и повернула голову в мою сторону. Я все так же сидел в недоумении, в руке держа вещь, некогда принадлежащую мне. Наши взгляды встретились, и Лео испуганно встрепенулась. В ее золотистых волосах гуляло солнце, просочившееся сквозь ветви дерева, кожа будто сияла, как у вампира из пресловутой саги. Первые несколько секунд она не знала, что сказать, но собралась с мыслями и произнесла:

— Я давно хотела тебе его отдать. Ты потерял его однажды после занятия у Бронкса. Я подобрала. Но как-то все подойти тогда не решалась.

— Ничего, — постарался уладить ситуацию я.

Девушка поднялась и продолжила:

— Возьми его. Я тогда долго наблюдала за тобой, ища подходящий момент, чтобы вернуть. Но так и не смогла. Мне, наверное, просто хотелось иметь повод продолжать на тебя смотреть.

— Зачем? — поинтересовался я, изломив брови.

— Ну, мне было интересно. Мы тогда с тобой не общались. Я тебя даже недолго любила. А потом стала наблюдать и издали смогла понять, что ты за человек.

— И что же? — я вернул карандаш в сгиб журнала и вытянул ноги.

— Очень аккуратный с книгами. В библиотеке всегда вдумчиво выбираешь. Еще, когда что-то учишь, постоянно старательно подчеркиваешь. А когда читаешь, утопаешь в тексте. Такие глаза у тебя сразу — будто ты не здесь. Я обычно сижу в библиотеке недалеко от тебя. Все наблюдала и думала: подойти отдать или не тревожить. И так все это время. А в классе. Будто отгораживался ото всех. Или вовсе сбегал. Не поймать. А когда с кем-то разговаривал в коридоре — с соседом своим или с Блейн этой, всегда внимательный к чужим словам. Вот и на меня сейчас смотришь так...

Я чуть зарделся и смущенно отвел взгляд. Такие вещи говорит... Видимо, еще ото сна не отошла.

— Оставь его себе, раз пользуешься, — произнес я. — Мне не жалко. Для тебя особенно.

В тот момент очередь краснеть настала Паттерсон. Она поджала губы, будто боролась с желанием что-то сказать. На лбу ее появилась задумчивая морщинка. И Лео уже была готова произнести нечто, как над нами нависла тень. Вдвоем мы подняли глаза и увидели Арлена, который стоял напротив, запуская руки в карманы. Он молча наблюдал. Затем кивнул моей однокласснице в знак приветствия, и золото его глаз обратилось к моему лицу. Я поежился: майский день пронзил октябрьский холод от его присутствия. Что-то случилось, я был уверен.

— Гуляешь? — рассеянно поинтересовался я у Дарси, а тот молча и с долей сарказма кивнул. А затем заявил:

— Пойдем со мной.

— Куда? — спросил я и перевел взгляд на Лео в поисках ее реакции. Девушка неодобрительно сверлила взглядом моего возлюбленного.

— Поговорить надо.

Я нехотя встал и пошел следом за парнем, на прощание оставив однокласснице извиняющуюся улыбку.

Сперва мы шли рука об руку в некоем напряженном молчании. Я изредка глядел на Арлена, а тот размышлял. Выглядел он недовольно, даже немного злился. Впредь было подумал, что из-за меня, но вскоре я дождался объяснений.

— Она призналась мне. Твоя чертова подружка.

— Кто? — спросил я, на что получил ответ:

— Блейн. Я отшил ее.

— Грубо?

— Довольно-таки.

Мы свернули в самую глубь сада, и Арлен закурил. Я видел, что ситуация неприятна ему. Он продолжил:

— Знаешь, меня она беспокоит.

— Она просто влюбленная девушка. Это пройдет. Сколько таких... Если хочешь, я поговорю с ней.

— Поистине странная влюбленность. Я заметил, что она глаз с меня не спускает долгое время. А сегодня подловила после обеда, завела за общепитие и сказала, что я единственный, кого она будет любить всю свою жизнь. Но дело не в этом. А в том, что, по-

моему, она неприятно удивилась, когда я сказал, что люблю другого человека. Она ждала чего-то ответного.

Горло сжал спазм, и я ощутил жуткую вину глубоко на дне себя. Отчасти мы оба были виноваты в этом, ведь давали ей ложные надежды. Я — словами, Арлен — своим поведением, приветливостью. Лили не знала, что это было лишь жалостью, и банальное хорошее отношение приняла за любовь.

— И как она отреагировала?

Дарси затянулся в последний раз и бросил окуроч. Сотнями огненных брызг он разбился о старый, покореженный асфальт аллейки.

— Заплакала. И сказала, что не верит. Мне надоело, и я решил уйти. Вслед крикнула, что я пожалею. Она всегда была такой странной?

— Нет, — помотал головой я. — Ну, по крайней мере, мне так не казалось.

— Потому что ты тоже странный.

— Это плохо?

— Нет. В твоём случае — хорошо. Не за твои же заправленные рубашки мне тебя любить.

Я надулся и рваным жестом вытянул клетчатую рубашку из брюк.

— Да ладно-ладно, — усмехнулся Дарси, притянув меня к себе. — Ты немного беспокойный. Все в порядке?

— Частично, — ответил я. — Знаешь, чувствую себя ничтожным.

— Отчего бы? — парень облокотился на ствол дерева, лениво следя за мной глазами. Приятно, что он заметил.

— В последнее время мне кажется, что с творчеством не ладится. Сколько я ни стараюсь, ничего не выходит, кроме набросков. Толкает на мысль о бесталанности.

— Я не разбираюсь в писательстве, но мне кажется, что единицы из писателей смогли придумать что-то годное в таком возрасте. Юность, все такое.

— Ты, возможно, и прав, — закивал я, но душою чувствовал, что не согласен. Тема стала выливаться в неприятный для меня разговор.

— В библиотеку со мной сходишь?

— Схожу, — лаконично ответил собеседник, и вместе мы отправились за книгами.

Урсула была удивлена, когда мы появились вдвоем. Конечно, она знала Арлена, знала его скотский нрав, слухи, извечно рассеянные вокруг его личности, и уж точно не подозревала, что мы общаемся. Конечно, я и он... Странно даже с кем-то сравнивать. В послеобеденное время в библиотеке было немного народу, и это очень нравилось мне.

— У тебя новая рубашка? — обратилась ко мне Урсула. — Синий тебе очень идет, Нил.

— Спасибо, — разулыбался я. — Это мне Арлен привез после каникул. Правда, великовата немного.

Женщина недоверчиво бросила взгляд в спину моего возлюбленного, который сучающе бродил меж полок, а затем вновь добродушно обратилась ко мне:

— Не знала, что вы дружите.

— Мы еще и соседи по комнате, — отметил я. — Само собой вот вышло. Я хотел взять что-нибудь. Тогда посмотрю? Если понадобится нечто конкретное, я спрошу.

— Конечно, — закивала работница библиотеки и занялась своими делами.

Я с интересом отправился в чашу книжных полок, в то время, как Дарси последовал за мной. Сам он ничего не выбирал — лишь наблюдал за тем, что делаю я. Мои пальцы

бродили по корешкам, ощущая тепло великолепных историй. Передо мной были целые вселенные, и в любой момент я мог оказаться в любой из них. Естественно, выбирал я очень долго: доставал книги, делал пометки, раздумывал, ставил что-то на место. Все это время, как скучающий за шопингом муж, Дарси устало и равнодушно смотрел на меня. И, естественно, терпение его истончилось. Он встал, подошел ко мне вплотную и накрыл своим телом. Рукою я даже оперся на книжный стеллаж, боясь потерять равновесие. Все это было несколько неожиданно. Тут же за талию меня поддержали заботливые руки Арлена, но напор его на меня не снизился, напротив — всем телом он заставил меня вжаться в стену, а затем, поймав мой подбородок пальцами, жадно и сладострастно приник к губам. С упоением я ответил на его поцелуй, но тут же попытался отстраниться. Весь я превратился в сплошное смущение:

— Кто-нибудь увидит, — гневно прошептал я, а затем ощутил, что ноги подкашиваются от возбуждения.

— Я посмотрел, нет никого, — с нетерпением произнес Дарси, вновь делая попытку поцеловать меня. Но я опять отстранился, пытаюсь привести возлюбленного в чувства. Видимо, его это немного разозлило: следующий наш поцелуй начался с укуса моей губы, и был он настолько потрясающий, что в эти мгновения я не помнил о том, кто я. Внезапно мы услышали шаги и, в спешке оправившись, сделали вид, что все еще выбираем книги.

— Что-то долго вы, ребята, — меж стеллажей показалась Урсула. — Я подумала, моя помощь все-таки нужна.

— Нет-нет, — замахал руками я. — Просто спорим тут, — в неловкости я ухватил первую попавшуюся книжку и взглянул на обложку. Мне повезло. — Существовал ли Шекспир на самом деле или это была женщина, которая писала под таким псевдонимом.

— Поменьше слушай Бронкса, — с улыбкой покачала головой собеседница. — Если что-то нужно, я здесь.

— Конечно, — нервно закивал головой я, а стоило Урсуле зашагать прочь, как оба мы перевели дыхание и лукаво заулыбались друг другу. И обоим в голову пришла мысль, что нужно возвращаться в общежитие.

Едва дверь в нашу комнату закрылась, Арлен припер меня к дверце шкафа. Клянусь, его тело было горячее, чем языки пламени. С яростным желанием, словно одержимые, мы целовались так, что, казалось, сейчас съедим друг друга. Затем губы Дарси скользнули вниз по моей шее, а его руки уже дразнили мой фаллос сквозь ткань брюк. Я издал едва слышный стон и выдохнул с дрожью. Все мои чувства обострились, а свет электрической лампы стал настолько ярким, что глаза невольно заслезились. Волна за волной меня накрывало жуткое желание, и без стыда я впивался пальцами в широкие плечи своего возлюбленного в тот момент, когда он проник под резинку нижнего белья и рукою сжал мою плоть.

— Арлен, — хрипло произнес я, сотрясаясь от возбуждения.

— Что? — почти спокойно произнес он возле самого моего уха, а затем обхватил его мочку влажными губами. Нет, для меня это был предел — в этот раз меня хватило меньше, чем на пять минут: как животное, пойманное в капкан, я простонал и эякулировал, запачкав спермой руки Дарси. Но того это не смутило, напротив — с вождением он облизал пальцы и усмехнулся. Затем произнес:

— Когда придешь из душа — мы продолжим.

Нет, воистину, физическая близость с человеком, которого любишь, — высшее наслаждение.

Примечания:

Здравствуй, грусть! (фр. Bonjour Tristesse) — роман французской писательницы Франсуазы Саган.

— Через десять минут собираю ответы. Сколько можно тянуть?

Голос учителя французского звучал где-то далеко. По крайней мере, так казалось мне, хотя сам мистер Голдман стоял всего в десяти шагах от моей парты. Лениво и с трудом я разлепил опухшие от творческих переживаний веки и взглядом встретился с Леоной. Та закатила глаза и покачала головой, тем самым показывая, что тест ей тоже дается со скрипом. Я тут же отвел глаза, приподнялся на локтях и вновь уставился в свой лист. Бесполезно. Все мои внутренние ресурсы были исчерпаны, и не могло хватить меня даже на короткую проверочную по нелюбимому французскому. Хотя, дал бы Голдман ее недели три назад — я написал бы все без колебаний. Причина была проста: в последние несколько дней я расклеился, как дешевые ботинки под дождем. Во мне хлюпала горечь, а через дыры сквозило отчаяние: все больше я убеждался, что мои планы на счастливое будущее летят в бездну. Я не умею писать. И никогда не умел. Именно поэтому до сих пор я ничего не сочинил, а не потому, что мое вдохновение еще не пришло. Мне не хватало не личных переживаний и опыта, чтобы создать по-настоящему хорошую историю, а таланта. И эта мысль прорастала сквозь мое тело, как корни, сжимала, давила и медленно убивала.

«Да черт с ним,» — мысленно выругался я, рывком поднялся с места и, оставив полупустой листок с ответами на столе учителя, вышел из класса. Едва я совладал с раздражением, дверь за мной хлопнула, и я увидел Паттерсон. Она тоже выглядела как выжатый лимон.

— Чуть не сдохла, — произнесла девушка и шумно выдохнула. Тут я впервые за последние три дня улыбнулся: образ Лео и ее слова ну никак не вязались меж собой. И было это настолько необычно, что не оставило равнодушным.

После французского нас ждала история Британии. Тот самый предмет, на котором я чувствовал себя ущемленным. Я был полностью уверен, что мисс Элизабет не очень хорошо относится ко мне, и даже знал, почему. Хотя, конечно, Арлена я ни в чем не винил. Звонок с предыдущего занятия еще не прозвенел, поэтому вместе с Лео мы встали возле подоконника, дожидаясь, когда учительница истории откроет нам кабинет. От нечего делать я достал тетрадь и начал листать ее, проверяя, все ли я выполнил. Нам задавали заполнить таблицу, состоящую из имен надоевших Генриху жен, чья кровь была пролита от скуки короля. Я выполнил все, как нужно, и теперь ожидал снисхождения от мисс Элизабет. Рядом с нами вальяжно прохаживались другие одноклассники, закончившие работу также рано. И не успел я вчитаться в громоздкие слова, переваливавшиеся за линию строчек, как надо мною нависли две тени. Медленно я отстранился от подоконника и обернулся: за спиной стояли Денни и Этан. Я бы не сказал, что выглядели они враждебно. Наоборот — как-то стесненн жалась, отступали, пятились. Будто все это время терроризировали не они меня, а я их. И тут один из братьев, наконец, заговорил:

— Нил, ты же сделал домашку? Ну, ту ерунду, которую Элизабет нам сказала?..

— Таблицу? — переспросил я.

Близнецы разом закивали.

— Да, — кивнул в сторону тетради я, а затем взглянул на Лео. Она пожала плечами, видно, тоже не понимая, что им надо.

— А можешь... дать сфотографировать? — в неловкости обратился ко мне Этан. Я

замер, пытаясь найти подвох. Меня давно никто не дразнил, но я все еще не привык ощущать себя полноценным членом класса. Здесь не было подоплеки — я видел это по их глазам. Никакого жестокого блеска.

— Конечно, — мягко, но с уверенностью произнес я. — Правда, почерк у меня непонятный...

— Да мы разберемся, — махнул рукой Денни, щелкая лист на мобильный.

Они действительно обратились ко мне за помощью. Как обычные ребята, как одноклассники. Конечно, мне было немного не по себе: до последнего я ждал какую-нибудь гадость. Но ничего не произошло. Тогда я вновь взглянул на Паттерсон. Девушка молча стояла и спокойно наблюдала за тем, как толкаются двое, не в силах поделить место на другом подоконнике. И будто так было всегда. В этот момент я почувствовал себя предельно странно. В душе было тепло, будто под рубашкой я носил грелку.

— Спасибо, — хором крикнули мне ребята, и Денни даже соорудил забавную рожу.

Именно в тот момент я почувствовал, что теперь все будет совсем по-другому.

Следующий урок показался мне невероятно скучным и затянутым. Каждые пять минут я порывался снять до жути надоевший пиджак: его синтетическая подкладка заставляла меня потеть от жары, возиться и всячески проклинать сегодняшний день. К слову, еще утром я ощутил какую-то судьбоносность этого четверга: то ли настроение было плохое, то ли действительно сумел почувствовать беду. И беда подошла ко мне сразу после звонка.

— Нил, можно поговорить?

За рукав меня поймала Лили. Я кивнул в ответ и взглянул в ее лицо, на которое упали разноцветные лучи, прошедшие сквозь витражное стекло в холле. Алые, небесно-голубые и желтые огоньки плясали на щеках девушки. Все та же незаконченная, брошенная скульптором статуя, что и в момент нашей первой встречи. Я попытался отогнать от себя жалость, но давалось мне это с трудом. Особенно, когда я знал, что сердце девушки разбито. Вместе мы вышли из школьного здания, миновали аллею, гниющие остатки кирпичного забора, полуразрушенную арку и забрели куда-то вглубь территории. Отсюда можно было увидеть самый край сада, даже тот самый сарай, от взгляда на который мои щеки алели, а воспоминания потоком сознания наваливались и смущали еще больше. Лили, наконец, остановилась и, заправив прядь карамельных волос за ухо, вновь посмотрела на меня. Ее взгляды были всегда тянущими, словно болотная топь.

— Нил, — ее голос дрогнул, — Дарси отказал мне.

— Дарси? Отказал? — попытался соорудить удивление я. — Что ты имеешь в виду?

Блейн нахмурилась и закусил край обветренной нижней губы. Тут же губа треснула, и на ней проступила багровая капля крови. Я поежился, но не прекратил попыток изображать недоумение.

— Я сказала ему все о своих чувствах. Мне показалось, что я слишком долго ждала и так. Сказала. И что толку...

По ее щеке спустилась слеза, затерявшись на подбородке. Лили попыталась спрятать ее, но тут же остальные хлынули бесконечным потоком.

— Тише, — я опустил ладонь на плечо девушки и тут же ощутил, что та дрожит.

— И знаешь что? — с придыханием произнесла она. — Он сказал, что любит кого-то еще. Понимаешь? Я дура. Я думала, что все это время ему нравилась я. Как наивно с моей стороны полагать, что такое вообще могло случиться.

Из тихого плача состояние одноклассницы переходило в истерику. Я не знал, как

контролировать это: она плакала у меня на глазах в первый раз. Беспомощно я глотал воздух и лишь кивал головой, пальцами впиваясь в ткань ее пиджака на плече. А она все продолжала:

— Я чувствую, что меня в грязь втоптали. Ладно Колин, ладно близнецы, ладно Леона и все остальные. По сравнению с их издевательствами то, что сказал Арлен — апокалипсис! — одноклассница опустила на траву и уткнулась носом в колени, захлебываясь в рыданиях.

Я тут же опустил рядом в надежде поддержать ее, но нахмурился, едва она уверенно заявила:

— Ты знаешь, кто нравится ему!

— Я? — актерствовать было плохой идеей. Мой голос сорвался.

— Вы хорошо дружите. Ты не можешь не знать, Нил, — Лили немного пугала меня. Ее тембр стал жестче, а такого никогда не случалось. Обычно говорила она тихо, невнятно, мягко, а теперь в нее будто дьявол вселился.

— Но я не знаю...

— Так узнай! Я должна что-нибудь с этим сделать! — с каждой секундой Лили теряла себя. Она ухватила меня за запястье, притянула ближе и продолжила. — Ты должен помочь мне. Я хочу заслужить любовь Арлена. Но я знаю, что не могу. Поэтому хочу просто отомстить, чтобы сердце перестало болеть так сильно.

— Что? — изумился я, отстранившись. — Отомстить? За что? Он не сделал тебе ничего плохого.

— Кроме того, что заставил меня верить в его чувства, ровно ничего. А потом растоптал, как ненужную вещь. Знаешь, я начала понимать, что могу быть важнее, чем кажусь. Я не хуже остальных...

«Зато безумнее», — пронеслось в голове. Девушка тут же громко закашляла, на несколько секунд остановив свой припадок обиды, гнева и отчаяния.

— Лили, пойдем, выпьешь воды. Успокоишься. Может, тебе надо в госпитале показаться?

— Да не трогай ты меня! — взвилась она, едва я ухватил ее ладонь. Настала моя очередь злиться. Не знаю, что нашло на меня, но я практически закричал и почувствовал, как зрачки трясутся от ярости:

— Прекрати свою истерику! Это отвратительно! Если Арлен не любит тебя, то это не его вина. И не твоя. Ничья. Некому мстить. И я не стану помогать тебе в этих делах — я не настолько низок.

— Тогда мне не нужна такая дружба, Уэбб, — прошипела Лили, и я отшатнулся от нее, поднявшись с травы. — Дарси пожалеет обо всем в любом случае, поможешь мне ты или нет.

— Дерзай, — с горечью покачал головой я и рванул в сторону общежития. В тот момент я превратился в концентрированный гнев. Всего меня трясло, будто внутри разыгралось десятибалльное землетрясение. Я устал от Блейн, устал от ее выдумок и надежды. Но вполне продолжал бы терпеть, если не эта отвратительная идея мести. Нет, я не мог допустить, чтобы она навредила Арлену, даже если мне придется отречься от нашей с ней дружбы.

На следующий день все забылось, и напоминал о вчерашнем только пронзительный взгляд бывшей подруги, сверливший меня все общие занятия. Я пытался делать вид, что не

замечаю, но ее ненависть окутывала меня и сдавливала горло удавкой. Возможно, это расстроило бы меня, если не другая причина страдать — я все еще ощущал себя полной бездарностью. И, наверное, это чувство мучило меня больше, чем утрата драгоценной Лили. Блокнот пустовал, а я, словно оживший труп, еле доволок ноги до комнаты. Не впечатлял меня свежий ковер молодой зелени, устилавший землю за окном, ни юный плющ, пытающийся ухватиться за каркас беседки, ни ожившие деревья. Весна будто цвела где-то за стеклом в то время, как заживо я гнил здесь.

Я разделся, взглянул на часы в надежде, что время обеда еще не скоро, и слепил веки. Но не успел я и пару раз упрекнуть себя в бесталанности, как порог перешагнул мой сосед.

— Ты все еще разлагаешься?

Арлен довольно живо засуетился: забросил учебники на полку красивым движением, которое будто репетировал миллионы раз, скинул школьный пиджак и смахнул с крышки ноутбука осевшую пыль. Все это было признаками отличного настроения — явления столь же редкого, как и мое вдохновение.

— Угу-у, — тяжело протянул я и одними лишь глазами, не поворачивая головы, наблюдал за парнем.

— Мне это совсем не нравится, — в его голосе скользнул упрек, и я спрятался лицом в подушку. — Иди, умирай где-нибудь еще. Опять застой творчества?

— Это не застой, а крах, — застонал я, будто действительно мучился перед смертью.

— Сегодня приедет твоя мать. Пожалей ее. Если она застанет тебя в таком виде, то сочтет, что я издеваюсь тут над тобой.

— Ты и так издеваешься, — перестав стонать, я начал скулить. И это, видимо, Дарси совсем допекло.

Рывком он перевернул меня на спину и губами впился в мои губы. Его ладони пребольно ущипнули меня за ягодицу, а зубы прикусили язык практически до крови. Он целовал меня против моего согласия, и было это так же возмутительно, как и возбуждающе.

— Пойдем в сад, — железно прошептал на ухо парень, и почти всем телом я ощутил его тяжесть. — Иначе я возьму тебя прямо сейчас.

— Нет, — завозился я, осознавая безумие этой идеи. Если бы кто-то застал нас, то скандала с отчислением не избежать. Я знал, что Арлен авантюрен и упрям, поэтому немедленно согласился.

Через какое-то время вдвоем мы вышли из общежития и медленно, прогуливаясь, двинулись в сторону чугунного заборчика, оберегающего сад. Мне жутко хотелось идти ближе или даже взять Дарси за руку: так делают все влюбленные, я видел много раз. Но наша с Арленом любовь была отчасти проклятием. Я знал, что в мире есть мужчины, которые открыто заявляют о своей нетрадиционной ориентации, но мне почему-то казалось, что такое заявить я точно не мог. Я просто не был уверен, что парни мне нравятся, ведь испытывал отвращение к любому человеку, кроме старшекласника, идущего рядом. И уж точно я не мог лгать, что девичье тело меня не привлекает. Напротив — до шестнадцати лет эрекция случалась только на женские образы. Я знал, что это как-то называется, но все время боялся уточнить. Тогда бы просто пришлось признаться самому себе. Я испытывал двойственные чувства: с одной стороны, понимал, что не будь я таким, то у меня не было бы Арлена, не было любви и настоящего счастья. С другой стороны, я чувствовал себя бракованным и униженным. Жаль, что в шестнадцать лет мало кто понимает, что отличаться от других — не всегда плохо.

— По-моему, за нами кто-то идет, — я пихнул в бок Дарси, а тот недовольно покосился на меня и ответил:

— Мисс Элизабет, наверное. Следит за нами. Вон в тех кустах, — парень указал на левую сторону аллеи.

— Я все равно не вижу, — прищурился я, а брюнет усмехнулся:

— Я несерьезно.

Он любил подводить меня к абсурдным ситуациям. Особенно, когда я находился в состоянии задумчивости. Секундно я разозлился, но тут же самому стало смешно. Вдвоем мы захихикали, и мои глаза с обожанием скользнули по лицу старшеклассника. Неудивительно, что его можно полюбить. Особенно, когда он смеется.

Вскоре за спинами скрипнула калитка, а ноги уводили нас все дальше и дальше. Парень видел, как я грущу, и, видимо, понимал, что для меня творчество важно так же, как для него бесконечное множество цифр. С Дарси мы были близки, поэтому он не мог не почувствовать, как дрожат струны моего настроения, и понять причину его желания поговорить было нетрудно. За черствым и надменным образом скрывалось сердце, которое умело по-настоящему любить и быть чутким. Поэтому, едва мы зашли поглубже, в самое сердце Хартвудского сада, парень спросил:

— Тебе нравится здешний сад?

— Нравится, — закивал я, наблюдая за тем, как возлюбленный закуривает.

— А цветы в нем?

— И цветы, — согласился я, глазами обводя небрежные клумбы.

— А нераскрывшиеся цветы?..

Я притих. Просто не понимал, к чему он клонит. В аромат цветов вплетался сигаретный смог, и этот странный запах ассоциировался у меня с любовью. Но всю романтику напрочь глушила моя странная депрессия. Дарси продолжил:

— Знаешь, я невольно сравниваю «Хартвуд» с садом. Все мы здесь нераскрывшиеся цветы. А учителя нас растят. Иногда заботливо, а иногда нет. Кто-то сможет распуститься. А кто-то не сумеет. Ну, будто поникнув... — слова прервались жадным вдохом никотина. — Но раскроемся или нет, зависит не только от других, но и от нашей собственной воли к жизни. Цветы, ты ведь видел, способны пробивать камень, когда стремятся к солнцу.

Окурок упал на асфальтированную дорожку, и по ней рассыпались сотни огненных брызг. Ладони Арлена легли на мои плечи, а его умные глаза впились в меня взглядом, от которого переворачивался мир. И я понял, что я не имею права сдаваться. Как и никто другой, кто хочет стать тем, кем всегда мечтал. К горлу подступил ком, но я сдержался под натиском дивной силы, исходившей от юноши. И я осознал, что никто не сможет сломить меня. Никогда, пока он рядом.

— Корни таких слабых, казалось бы, цветов пробивают асфальт. Ими растения разрушают любой натиск. И нам под силу, Нил. Не сдавайся. Только и всего.

— Никогда, — уверенно произнес я и покачал головой. А в глазах моих застыли слезы.

— Ну, чего ты расплакался, как девчонка? — усмехнулся Дарси и ладонями приник к моим заалевшим щекам. Напряжение спало. — Я ничего тебе обидного не сказал же. Напишешь ты свою книгу. И я буду первым, кто ее прочтет. Обещаешь?

— Обещаю, — согласился я, а затем обнял его настолько крепко, будто расставался с ним на всю жизнь. — Спасибо.

— Спасибо не мне, — ответил парень, и его горячая усмешка обожгла мое плечо. — А

тебе, за то, что ты здесь.

Люди часто стремятся к счастью, делая все возможное, чтобы гордо носить звание счастливого человека. Но ни деньги, ни власть, ни бесконечные знания или талант не способны продлить это чувство навечно. Арлен однажды рассказал мне, что существуют химические вещества, которые могут жить всего несколько секунд, а то и меньше. Наверное, счастье можно сравнить именно с ними. Всю жизнь мы гонимся за бесконечной эйфорией и порою даже не задумываемся, что на самом деле счастье измеряется лишь несколькими мгновениями. Так вот, каждое такое мгновение для меня — прикосновение Арлена, вкус его губ и мудрость слов. Еще — покупка новой книги, пришедшая в голову рифма или идея. Осознание того, что у тебя есть друзья, которые искренне улыбаются.

Старшеклассник отступил, а затем, словно играя, резко притянул к себе, прикинув губами к моим губам. Я подтянулся, приподнявшись на носочки, и ухватил его за отворот пиджака. Нас обдувал свежий весенний ветер, донося ароматы юных цветов. И жизнь вокруг казалась поистине дивной.

— И все-таки мне кажется, что тут есть кто-то, кроме нас, — напряженно заметил я, когда Арлен позволил мне отстраниться. Я облизал укушенную губу и с тревогой огляделся по сторонам.

— Нас никто не будет здесь искать, параноик, — скривился Арлен, по-хозяйски запустив ладонь в мои волосы.

— Пожалуй, — согласился я и постепенно расслабился.

Этим же вечером меня забрала Нора. Не сказать, что я был безумно рад, но деваться было некуда. Эти выходные провести с Дарси все равно бы не удалось — к нему тоже собирались приехать оба родителя. «Как всегда будут промывать мозги насчет экзаменов и университета», — жаловался возлюбленный. «Мне без разницы, где учиться. Только бы не в Германии. Хочу выбрать что-нибудь многопрофильное. Чтобы там и отделение литературы было. Ты же понимаешь, на что я намекаю?». Конечно же, я понимал. Мало того, был искренне рад, что Арлен видит меня в своем будущем. Мой кризис начал отступать и медленно я начал возвращаться к нормальной жизни: чистый лист уже не пугал меня, и изредка я делал различные наброски, чтобы набить руку в писательстве. А Дарси вечно подбадривал меня, отчего я был практически до слез счастлив. Как и любой человек, я был безумно рад, что моими увлечениями интересуются другие.

С Норой и Гидеоном мы провели почти весь вечер в Хартпуле: сходили в кино, поели в кафе, потом мамин мужчина выпил две пинты пива, и за руль пришлось пересесть уже ей. Мы катались по вечернему городу и разговаривали обо всем на свете. Мне казалось, что последние месяцы меня будто тисками сдавливало, а теперь отпустило. Я не держал ни на кого злости, не чувствовал себя виноватым и униженным. И в момент, когда мои глаза скользили по линии ярких фонарей за окном автомобиля, казалось, что лучшего душевного состояния быть просто не может. На ночь мы устроились в небольшом мотеле на краю города, если у таких маленьких городишек вообще есть край. Мне досталась собственная комната с огромной кроватью, большим телевизором и огромным окном, выходящим на трассу. Но воспользоваться всеми прелестями номера сил не осталось: за целый день я изрядно утомился и к полуночи был готов свалиться с ног, да так, что, казалось, усну за долю секунды. После душа и чашки чая ритуально на ночь я проверил телефон. Одно единственное сообщение, несложно догадаться, от кого: «Соглашайся». Я хмыкнул и

вздыхнул. Чего он имел в виду, было непонятно. Иногда Арлен любил говорить загадками, и с этим я смирился. Но разгадывать их у меня не было сил. «Узнаю завтра», — подумал я, и, как предполагал, уснул за одно мгновение.

Утром меня разбудил стук в дверь. Едва я поднялся с кровати и отпер замок, увидел на пороге Нору. Ее лицо носило отпечаток крайней обеспокоенности, которая тут же передалась и мне.

— Что ты натворил, Нил? — спросила она, глазами впиваясь в сонного меня.

— Я? Разве? — пригладив вставшие дыбом волосы, поинтересовался я. — Ничего такого не припоминаю.

— Зато директор припоминает. Мне позвонила мисс Элизабет и попросила явиться к нему. Что-то нехорошее. Я думаю, стоит рассказать обо всем прямо сейчас.

— Да я не в курсе, — уперся я. И в моих словах была только правда. Я действительно не мог понять, в чем провинился.

— Собирайся, — строго обратилась ко мне она. — Мы едем в «Хартвуд».

Всю обратную дорогу меня преследовала дрожь. Пару раз я набирал номер Арлена, но его мобильный был выключен. «Спит еще, наверное», — сообразил я. Но странное чувство беспокойства не отпускало меня до самого порога школы. Едва я перевалился через турникет, Нора отправила меня переодеваться, а сама с неким опасением двинулась в сторону учебного корпуса. Стоило мне только войти в здание общежития, как на меня градом рухнули десятки взглядов. А слова, которые то и дело произносили ученики, топили в недоумении. «Какой кошмар», — доносилось из толпы. «Кто бы мог подумать...», — вторил другой голос. «Такое вообще возможно? Это точно не ошибка?». «Нет, есть свидетели». «Нил точно не виноват ни в чем?». «Господи, я любила Арлена несколько лет...». «Может, это неправда?». «А я подозревал!». Беспомощно я скользил глазами по окружающим ученикам, а в глазах все плыло. «Соглашайся», — писал мне Дарси, но что он имел в виду, я не мог понять.

В комнате меня ожидал шок, и если до этого все казалось недоразумением, то сейчас — кошмарным сном. Кровать Арлена была безупречно застелена, а все полки, которые некогда занимали его вещи, были пусты. Будто у меня никогда не было соседа, будто Дарси никогда не существовал. Медленно я двинулся мимо стеллажей, ладонями хватая пустоту, и задышался, захлебываясь воздухом. Мозаика событий была рассыпана, и едва ли я мог собрать ее. Внезапно взгляд приковал блокнот, которым я пользовался для записей пришедших в голову мыслей. Он лежал на моей подушке, хотя я прекрасно помнил, что оставлял его в ящике стола. Дрожащими руками я поднял свою вещь, и страницы сами отворились где-то на середине. «Я люблю тебя, Нил. Это произошло бы. Рано или поздно. Ты должен остаться. Поэтому соглашайся со всем, что они скажут. Арлен». Черный грифельный карандаш, некогда ровный почерк, пляшущий от спешки. Страницы источали аромат мяты и рук Дарси. «Что за черт?» — простонал я и бросился по коридору, а затем вниз по лестнице, расталкивая обступающих меня ребят локтями. Спазмы сжимали мое горло, мышцы деревенели, и двигался я на абсолютном автопилоте. Я даже не помнил, как оказался у кабинета нашего директора, как забежал туда и как почувствовал на себе железные взгляды всех присутствующих. В глазах Норы застыли слезы. «Соглашайся», — прозвучало в моей голове.

— Присаживайтесь, Уэбб, — деликатно произнес мужчина в строгом костюме. Я послушно опустился на стул напротив и взглядом встретился с мисс Элизабет. Та была

серьезна и спокойна. — Почему Вы скрыли, что ученик нашей школы, Арлен Дарси, домогался вас?

— Что? — покачав головой, переспросил я.

— Есть свидетели. Ученица нашей школы, ваша одноклассница. Вчера в саду она видела, как Дарси пытался поцеловать вас, а затем не совсем по-дружески прикоснулся и хватал. Также мисс Элизабет, — директор перевел взгляд на учительницу, и та кивнула, — видела вас вдвоем в городе на праздниках. Мы побеседовали с Арленом, и он все признал. Возможно, теперь Вам требуется помощь психолога. Не так ли?

— Нил, почему ты не сказал нам с Гидеоном? Тебе не стоило держать такое в себе. Это ужасно. И ты считал этого человека другом... — Нора еле сдерживала слезы.

— Где Арлен? — единственное, что смог пролепетать я. Детали, точно паззлы, входили одна в другую. Но я не мог собрать середину, уловить суть.

— Вчера вечером, едва Лили сообщила нам обо всем, мы позвонили его родителям. Его забрали сегодня утром. Не беспокойтесь, он будет отчислен. Сейчас главное — Ваше психологическое состояние и репутация нашего заведения. Ведь Вы знаете, такие происшествия...

Я молча поднялся со своего места, даже не стал дослушивать, и по стене вышел в коридор. Ирреальность происходящего сводила меня с ума. Но медленно и постепенно я осознавал, что произошло. Лили... Она сделала это. Она отомстила ему, как и хотела. Единственное, что исказилось в ее истории — моя невиновность. Но такая благодарность была мне не нужна. Я никогда не испытывал чувство ненависти, но сейчас оно росло во мне с каждой секундой. Дарси велел со всем соглашаться. Но разве я смогу?..

Едва я добрался до ближайшего санузла, чтобы умыться, меня чуть не стошнило от волнения. Раз за разом я набирал номер, который знал наизусть, но отвечал мне безразличный голос девушки-автомата. По грязной стене я сполз на кафель, не в силах даже моргнуть. Шок сковал меня, словно цепь. Я попытался написать Арлену, но все без толку — страницы в интернете были пусты. словно все это время возлюбленный был плодом моего воображения. Мир вокруг стал полнейшим безумием. Шатаясь, я вышел из корпуса и почти бегом, как умалишенный, помчался по газону. Я не знал, куда я бегу, не знал, что мне нужно, не помнил, кто я. Руками я схватился за турникет и, глядя на охранника в будке, истошно завопил: «Выпустите меня!». А затем, осознав абсурдность своего положения, запрокинул голову. Надо мной было голубое небо, лениво плыли облака, не касаясь солнца. А его лучи падали на мое лицо, ослепляя. Все вокруг смеялось надо мной, снова и снова заставляя верить в то, что это сон. Щипать себя было бесполезно. Либо я умер и это ад, либо жив и это трагедия.

Медленно я побрел в сторону сада, пытаюсь подавить тошноту и боль в висках. Темнота сгущалась.

Внезапно на мое плечо легла ладонь. «Арлен!» — воскликнул я и обернулся, в надежде за спиной увидеть человека, которого любил больше всех на земле.

— Нил...

Напротив меня стояла Леона. Ее синие глаза смотрели на меня внимательно, без укора. Волосы пушились, стоило только ветру прикоснуться к ним. По ее взгляду я понимал, что она в курсе этой истории, но в отличие от остальных молчала, не спрашивала о том, что случилось. Лили предала меня, Арлен уехал. Жизнь, как веревочный мост, на котором я стоял, оборвалась.

Рывком я приблизился к девушке, крепко обхватил ее плечи и, уткнувшись в ключицы, зарыдал, как ребенок.

Я осознал все.

И практически умер.

Май, 2016

Я всегда просыпался в девять утра. Такова была моя привычка — привычка занятого человека. Но сегодня отчего-то мои внутренние часы не сработали: я открыл глаза, когда на экране мобильного было без четверти десять. Солнце с неотвратимым стремлением пробивалось сквозь белоснежный шифон занавесок, матовыми бликами расползаясь по полу. Я повернул голову вбок, но постель рядом со мной была пуста. Зато практически сразу я уловил тонкий аромат свежесваренного кофе с небольшой кухоньки нашей квартиры. Всего одна комната, узкая прихожая, кухня и санузел. Но зато у нас всегда было чисто и уютно, чего нельзя сказать о студенческих жилищах наших соседей и однокурсников. Я немедля поднялся с кровати и небрежно накинул одеяло на постель, а затем, даже не одевшись, поспешил на запах завтрака, разбудившего и мой желудок. Облокотившись на дверной косяк, первые полминуты я молча стоял и ласково улыбался, наблюдая, как моя девушка усердствует у плиты. Она не замечала меня, а с особенным старанием жарила гренки, при этом будто пританцовывая. На душе было мягко и спокойно, словно я достиг утопии. Вскоре краем глаза возлюбленная заметила меня и тут же обернулась, встретив обаятельной улыбкой.

— Доброе утро, — произнесла Лео, застегивая пуговицу моей рубашки на обнаженной груди. Я обожал ее привычку по утрам носить мои вещи.

— Доброе, — тепло усмехнувшись, отозвался я, а затем широко зевнул. — Мне снилось, что я был Калигулой.

— Шикарные у тебя сны, — выдала с ноткой зависти Паттерсон, а затем мастерски лопаткой перевернула гренки. — Садись. Кофе не остыл еще.

Ступая босыми ногами по прохладному полу, я подошел к своей девушке и, с предельной нежностью приложив ладони к ее щекам, поприветствовал поцелуем в губы. Та затрепетала и шумно вдохнула запах моей кожи. Ее светлые волосы, с недавнего времени подстриженные до плеч, щекотали мои руки, и я в очередной раз для себя отметил, что Леоне необычайно идет каре. Она даже немного напоминала Нору. Впрочем, уверен, такой девушке пошла бы любая прическа. В университете многие питали зависть к нашим отношениям, удивляясь, как такому парню досталась такая потрясающая девушка. Но я был уверен, что искренность и нежность, связавшие нас, не позволят всяким разговорам и мнениям разрушить отношения.

— Яичница с гренками и базиликом. Кофе с сахаром. Сливки только кончились, — на ухо прошептала мне Лео, и я вознаградила ее за старания поцелуем в висок. А затем отступил и занял свое место за столом возле окна. Тут же передо мной оказалась тарелка с завтраком и чашка, источавшая дивный аромат. Нет, Паттерсон точно богиня. Тут же она села напротив меня и, подперев подбородок кулачками, мечтательно улыбнулась.

— А мне снился ты, — произнесла она.

— Даже во сне в покое тебя не оставляю, — критично отметил я, орудуя ножом и вилкой.

— Да ладно. Это лучше, чем кошмары о том, что я вовремя не успеваю сдать рецензию, — отправив в рот кусочек золотистой гренки, ответила девушка. — У тебя сегодня есть занятия?

Я отпил кофе, а затем после паузы кивнул:

— Да.

— Ну, хорошо. У меня нет. Но все равно... — она бросила взгляд на часы над дверью, — мне нужно сбежать в редакцию этого журнала. Они сказали прийти лично, и знаешь, мне кажется...

— Тебя возьмут, — перебил я. — Точно возьмут.

— Не слышала, чтобы они принимали в штат студентов, — Лео нахмурилась. Но я знал, что она талантлива. Об этом говорили на всех литературных кафедрах в Ковентри, и на все конкурсы рецензий посылали именно ее. И не зря, между прочим. Именно с ее подачи редактор узнал о моей работе.

— Вести обзорную колонку — это, конечно, не высший пилотаж, но если они и правда собрались пригласить меня на эту работу, то вечером я куплю вина и мы отметим. Во сколько ты вернешься?

— Не знаю, — мой черед смотреть на часы. — У меня нет особенных дел, кроме занятий. Загляну в библиотеку, пожалуй. Тебе что-нибудь нужно?

Лео покачала головой и отодвинула от себя чистую тарелку.

— Мне надо собираться... — было начала она, и тут же меня будто током передернуло.

— Подожди, — заявил я, ухватив ее за запястье. — Я хотел поговорить.

— О чем? — в голосе девушки я ощутил нотку удивления.

— Ну, — сперва я замялся, а затем воскресил в своей голове те фразы, что я придумал накануне, засыпая после потрясающего секса. С некоторого времени я считал абсурдным откладывать важные беседы в долгий ящик: в повседневной суете мы утопали обычно без шансов вспомнить даже утро того же дня. — В общем, мы с тобой уже четыре года встречаемся...

Леона вдумчиво кивнула, но заметно напряглась. Лезвия ее скул нервно дернулись.

— Ну, уже год живем вместе. Оба совершеннолетние, скоро выпустимся из университета. Нора любит тебя, и, по-моему, твоя семья тоже хорошо относится ко мне.

— Почти, — иронично улыбнулась девушка, и я понял, что та говорит о своем брате.

Я поймал ее смеющийся взгляд и продолжил:

— Мне кажется, что тебе ничего не мешает перестать быть Паттерсон. И взять мою фамилию. Ты будешь Леоной Уэбб?

Возлюбленная широко захлопала глазами от удивления, а затем случилось то, чего я совсем не ожидал: с краешка ее глаза влажной дорожкой потянулась слеза. Я тут же растерялся: она никогда не плакала при мне, и сперва я даже не понял, отчего она расстроилась. Но оказалось, что это вовсе не печаль: Лео тут же утерла слезу и, будто задыхаясь, мягко рассмеялась, подняв глаза к моему лицу. Светилась. И словно спрашивала: «Ты не лжешь? Правда ли это?».

— Сумбурно получилось, — смутившись, я обхватил ладони Паттерсон своими и кивнул. — Но ты будешь моей женой?

— Конечно, — с преданностью, не медля, отозвалась она и поджала губы, борясь с желанием вновь заплакать от нахлынувших чувств. А я поднес ее теплые ладони к губам и на каждой оставил по поцелую. Так должно быть. Лео любит меня. Я люблю ее.

Через несколько минут окрыленная, счастливая, легкая, как фея, девушка вспорхнула и начала собираться в редакцию. Я же принял душ, выпил еще одну чашку американо и, чувствуя, как счастье греет меня изнутри, сел проверить электронную почту. Только толком

этого сделать мне не дала невеста:

— Кстати, «Лестница в никуда» на пятнадцатом месте в списке продаж на этой неделе. Я уже успела посмотреть с утра. Еще немного, и обгонишь именитых писателей. Что там говорилось в журналах: «Потрясающий дебют? Волнующая душу психологическая проза? Новый формат неоготики?»

— Ну, хватит, — разулыбался я, вспоминая, как был счастлив получить подобные рецензии в именитых изданиях. Кто-то даже не верил, что автором является обыкновенный студент двадцати одного года. А уж как удивился мой издатель, когда я пришел по его приглашению, что это еще и дебют, не передать словами. Я достиг своей мечты — написал книгу, издал ее и уже практически с уверенностью мог назвать себя писателем. Я знал, какое будущее меня ждет: творчество, покладистая жена, как школьница, влюбленная в меня, когда-нибудь, надеюсь, ребенок. Я даже не верил своей удаче.

— И еще, — запустив ножки в туфли на высоком каблуке, меня вновь окликнула Лео, — тут в ящике почта была. Я все достала. Из издательства, видимо, копии документов, какие-то счета и еще письмо. Оно без адресата, но сам посмотришь. Я убегаю.

— Давай, — ответил Леоне я и, притянув девушку к себе за запястье, слился с ней губами на несколько секунд. Затем она обняла меня и прежде, чем уйти, заметила: — Обед разогреешь себе. Не забудь.

Дверь хлопнула, и я, сладко потянувшись, взглянул на часы. Времени было достаточно, чтобы вскрыть все конверты и поглядеть на содержимое. Корреспонденцию я стал получать довольно часто, поэтому такой ритуал стал для меня привычкой. Я вооружился ножом для бумаги и, распечатав несколько писем, действительно обнаружил копии договоров, счета за услуги и прочие скучные вещи. Последним в мои руки попал белоснежный прямоугольник без указания отправителя. Только мой адрес и имя «Нилу Джонатону Уэббу». Честно сказать, я и понятия не имел, что там вообще может быть, поэтому вскрывал послание с довольно скептической ухмылкой. Но едва содержимое выскользнуло, я переменялся в лице: мои пальцы сжимали гляцевую открытку, а с нее на меня смотрело мечтательное лицо Элизабет Беннет в паре с мистером Дарси. Это была сцена бала, и я помнил эту вещь: откуда она, чья она и что когда-то значила. Меня будто током прошибло — я дернулся, как на электрическом стуле, а затем нервно перевернул карточку, шепотом зачитав содержимое на обратной ее стороне:

«В году пятьдесят две недели. В неделе семь дней. В одном дне двадцать четыре часа, в часе — шестьдесят минут. И не было такой минуты, чтобы я не думал о тебе. Так сколько раз я вспоминал тебя за четыре года, Нил? Хотя, не считай, все равно у тебя не получится. Когда-то я говорил тебе, что не нужно бояться самого себя. Но не имел права этого делать. Потому что себя я тоже боялся. Мне с трудом удалось узнать твой адрес, но я приехал специально для того, чтобы найти, чтобы увидеть, поговорить. Ты можешь не реагировать на это письмо. Особенно не нужно, если это будет лишь из вежливости или жалости. Я-то уверен, что у тебя все хорошо. Так или иначе, я все равно буду ждать тебя в субботу в пабе на Портленд-стрит в Хартпуле. Угловой. Семь вечера. Арлен Дарси».

Я выронил открытку из дрожащих рук и обхватил горло, чтобы избавиться от сдавливающих его спазмов. Арлен. Арлен Дарси. Моя вечная боль, моя любовь, сад. «Хартвуд», янтарь глаз, мятный аромат, угольный блеск волос, тепло рук, истома, давящая в паху. Я попал в водоворот собственных чувств и воспоминаний, которые кружили мою голову и заставляли задыхаться. На полном автопилоте я достал из кармана пачку сигарет и,

едва не выронив зажигалку, жадно закурил. Мой взгляд был прикован к одной точке, а сердце рвалось наружу, ломая клетку ребер. Мы не виделись четыре года, и едва мне удалось смириться, едва Леона смогла залатать мое разорванное сердце, едва я заставил себя позабыть «Хартвуд», я вновь попал в ту же самую мышеловку. Тогда я пытался найти Арлена, что-то разузнать о нем, но он сменил номер телефона, заблокировал страницу в социальной сети, не звонил и не писал сам. Я знал, как его отец относится к роду отношений, которые связывали нас, и боялся, что тот и вовсе мог убить его. Но через год острая боль стала тупой, и Паттерсон, которая все это время была рядом, помогла мне прийти в себя. Я никогда не спрашивал ее, знает ли она, какие отношения связывали нас с Арленом. Возможно, и знала. Но молчала, потому что моя любовь к ее заботе была слишком дорога для нее. А теперь я стоял перед самым поганим выбором из всех, что мне когда-либо приходилось делать. Пальцами я сдавил глаза, стараясь унять слезы, а над моей грудью пылал огонь.

И все-таки, докурив, я сел за компьютер. «Бронирование билетов, Хартпул», — мои дрожащие пальцы забегали по клавиатуре. Когда бы он ни позвал меня, куда бы ни пришлось — мое сердце всегда будет следовать за Арленом. Я знал, что поеду за ним, даже вопреки разуму.

Потому что так велело мне сердце. Потому что только рядом друг с другом наши цветы раскрывались.

Больше книг на сайте — Knigolub.net